

4 ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

1975

**В читальном зале студенческой библиотеки
Казанского государственного университета
имени В. И. Ульянова-Ленина
(читайте в номере интервью с
заведующим кафедрой охраны природы
и биогеоценологии КГУ профессором
В. А. Поповым «По заветам Ильича»).**

Фото В. ЗИМИНА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР» МОСКВА

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦИИ СССР

4(52) АПРЕЛЬ 1975
Издается с 1971 года

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ

Студенты кафедры охраны природы и биогеоценологии биолого-почвенного факультета Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина у входа в университет.

В НОМЕРЕ

	Стр.
А. Поляков. Школа воспитания на Минском тракторном	5

Закон приходит в класс. Интервью с заместителем министра просвещения СССР М. И. Ковдаковым и членом коллегии Министерства юстиции СССР Ю. Г. Трещетенковым	15
---	----

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

Н. Расков. Правовые основы планирования	22
Г. Аринушкин. Судебная экспертиза	29

Вячеслав Стерин. Почетный гражданин Моздока. Очерк	38
---	----

В. Цепков. Найти помощников	46
------------------------------------	----

	Стр.
А. Лебедев. Изобличение. Хроника одного расследования	52

Критика и библиография Юлиан Семенов. Наше общее дело	62
--	----

По заветам Ильича	65
--------------------------	----

Петрусь Бровка. Судья	67
------------------------------	----

Из записок народного судьи	
Н. Юдин. Из свидетелей — на скамью подсудимых	68

СОБЕСЕДНИК:

Письмо позвало в дорогу	
А. Тюльпин. Ни по закону, ни по совести	72
Нам пишут	
Б. Панин. Броварские розтози	76

ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ

Сотрудник Государственной автомобильной инспекции с помощью специального прибора контролирует скорость движения транспорта.

Развязка уличного движения на площади Дзержинского в Москве.

В НОМЕРЕ

	Стр.		Стр.
Т. Овсянникова. Нашли или украли?	77	рушителей трудовой дисциплины	94
Письмо с комментарием		В каких случаях создаются советы молодых специалистов и какими правами они обладают	95
Заказчику возмещают убытки	79		
По следам неопубликованных писем	81	С коллегии Министерства юстиции СССР	97
После выступления журнала	82		
Молодому гражданину		Виль Липатов. Анискин и Боттичелли. Киноповесть. (Окончание)	98
П. Трубников. Правоспособность и дееспособность несовершеннолетних	83		
Юридический конкурс	86	Судебная хроника	126
Ответ на юридический казус, опубликованный в № 3	86	Иржи Марек. Справедливость	127
СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:		ИМЕНЕМ САТИРЫ:	
Наши консультации		Ю. Феофанов. Гром без молнии. Фельетон	136
Н. Кузьменков. Правила работы магазина	88	Шутки в сторону!	143
Читатель на приеме у юриста		Зарубежная мозаика	143
Меры воздействия на на-			

Главный редактор

С. А. ВЫСОЦКИЙ.

Редакционная коллегия:

Б. А. ВИКТОРОВ,

И. К. КОВАЛЕВ,

В. В. ЛИПАТОВ,

М. П. МАЛЯРОВ,

Г. П. ПОЛИТЫКО

(ответственный секретарь),

П. И. СЕДУГИН,

Ю. С. СЕМЕНОВ,

П. И. СКОМОРОХОВ

(заместитель

главного редактора),

А. Я. СУХАРЕВ,

В. И. ТОНКИХ,

А. М. ЯКОВЛЕВ.

Главный художник

В. Т. СЕЛИВАНОВ.

Технический редактор

Л. Л. ЕЖОВА.

Корректоры

Т. И. НИЗАМОВА,

А. В. ЕЛИЗАРОВА.

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32.
Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы
271-03-17, очерков 271-10-93, «Собеседник» 271-10-24, писем и кон-
сультаций 271-11-20, международной и внутренней информации
271-08-63.

Сдано в набор 31/I-75. Подписано в печать 7/III-75 г. А06693. Фор-
мат 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладки. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд.
л. 10,12. Заказ 2262. Тираж 3 140 000 экз. (1-й завод — 1 500 000 экз.).
Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном коми-
тете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

ШКОЛА ВОСПИТАНИЯ НА МИНСКОМ ТРАКТОРНОМ

Минский тракторный — это завод-гигант, оснащенный электронно-вычислительными машинами, поточными линиями, автоматизированной системой управления производством, это многотысячный, сплоченный дружкой и традициями коллектив квалифицированных работников. Прежде чем отправиться на МТЗ, я встретился с министром юстиции БССР Александром Александровичем Здановичем. И мне особенно запомнилась его характеристика завода: «Это — академия воспитания молодых рабочих».

— Посмотрите, как многогранно и последовательно формируют там молодых людей,— продолжал министр.— Научить подростка работать — очень важно, но там еще помогают ему стать человеком сознательным и активным.

Министр показывает светло-зеленую брошюру «Об опыте работы юридического отдела Минского ордена Октябрьской Революции тракторного завода». Издана Министерством юстиции БССР в 1974 году. В ней рассказывается, как юристы отдела исследуют причины правонарушений, координируют работу комиссий по предуп-

реждению нарушений, проводят беседы и лекции. И теперь Министерство юстиции Белорусской ССР, изучив опыт воспитательно-правовой работы на заводе, распространяет его на всех крупных предприятиях республики.

— Обратите внимание,— говорит Александр Александрович,— за последние пять лет на заводе не было случаев незаконного увольнения администрацией рабочих и служащих. Не было протестов и представлений прокуратуры на приказы или распоряжения ввиду их незаконности. Конечно же, это — результат большой и плодотворной совместной работы администрации завода и его юридического отдела.

«ПОКА ЖИВЕШЬ — УЧИСЬ ЖИТЬ»

...На суде он страшился смотреть в глаза родителей и братьев. В этих глазах горе, стыд, недоумение. Парень вырос в честной трудовой семье, был примерным сыном, хорошо учился...

— Да, выписывал фиктивные наряды. Да, это подлог. Понимаю. Теперь понимаю. А тогда не думал, что это дело подсудное...

Приняв во внимание чистосердечное раскаяние, суд счел возможным приговорить его к двум годам лишения свободы условно. С согласия рабочих завода суд возложил на коллектив МТЗ обязанность наблюдать за условно осужденным и проводить с ним воспитательную работу.

Прошел год. Все это время Сергей Полунин трудится на Минском тракторном заводе.

Как могло случиться, что парень, считавший себя честным, не устоял перед злоупотреблениями? Видимо, этому способствовала нездоровая обстановка в коллективе, доступность легкой наживы. Разговаривая со мной, Сергей вспоминает киножурнал «Фитиль», в котором показан рейд по ремонтным ателье. Мелкую неисправность одного и того же телевизора приемщики в разных мастерских оценивали с большим завышением. И только один из них назвал правильную цену, по прейскуранту. Коллеги Сергея посмотрели «Фитиль» и посмеялись... над наивностью этого приемщика. Вот, мол, дурак! Сам отказывается от левых заработков и другим не дает.

— Конечно же, ничего подобного, даже близкого этому здесь, на заводе, нет...— рассказывает мне Сергей.— Я, можно сказать, попал в другой мир. И теперь не могу без стыда вспоминать прошлое.

— А как отнеслись к вам рабочие завода? — спрашиваю я его.

— Вначале строго. В отделе кадров сказали: специальность подходит, оформим, если рабочий коллектив даст согласие, поручится за вас. Представили меня начальнику отдела, мастеру, секретарю

комсомольской организации. А они не спешат с ответом. Будет, говорят, производственное собрание, расскажешь о себе, услышишь решение. Я, конечно, побаквался собрания. И никогда не забуду этот день. Мне там здорово прочистили мозги. Вот когда я начал понимать по-настоящему, что такое рабочий коллектив.

Что ж, бывает и так: человек по молодости оступился. Но он глубоко переживает свой проступок. Ему поверили, приняли в коллектив, дали напутствие: «На заводе, в семье, среди товарищей помни, что ты советский рабочий». Беседую с мастером, секретарем комитета комсомола, начальником отдела. Мнение едино: Сергей оправдывает доверие, он активен, выполняет любое задание, изучает профессию, готовится поступить в вечерний техникум.

Когда ближе знакомишься с заводом, видишь, как все здесь взаимосвязано. Техника и люди. Тысячи людей, разные судьбы, характеры. Одни только начинают самостоятельную жизнь, другие уже умудрены житейским опытом. Производство построено по конвейерному принципу: отстал один цех, литейный к примеру,— значит, он подвел весь завод. Таким образом, трудовая дисциплина непосредственно влияет на работу цеха, отдела, завода. Высокий трудовой накал, стремление не уронить чести марки «Беларуси» и чести коллектива создают здесь благоприятный климат для роста людей и технического прогресса. Это вовсе не означает, что любой правонарушитель, попадая на завод, сразу же, как Сергей Полунин, исправляется. Иные приходят к этому долгим и трудным путем.

...Грубую хулиганскую выходку совершил слесарь модельного цеха Игорь Черноголовко. На Минском тракторном он не новичок. И возрастом не юн: ему двадцать девять лет. Суд вправе был вынести суровый приговор, но рабочие цеха поручились за своего товарища. Попросили определить Черноголовко наказание условно. Суд удовлетворил просьбу рабочего коллектива.

Начальник участка Анатолий Данилович Догиль высказал о Черноголовко нелестные замечания: «Халатно относится к работе, грубит, выпивает. Держать такого не намерен, пусть идет в грузчики».

А как же коллектив, который поручился! Оказывается, коллектив участка изготовления пресс-форм сравнительно недавно сформирован, участок новый, и его начальник тоже. Опыта в воспитательной работе практически почти нет. А забот у начальника — хоть стбавляй. И можно понять его претензии к Игорю Черноголовко. Но меры, которые предлагает в пылу досады начальник участка, необоснованны.

— Конечно, трудная еще обстановка на участке, но и с Игорем не все так просто,— говорит прикрепленный к нему воспитатель,

Заседание общезаводской комиссии по работе с молодежью.

начальник технического бюро Николай Иосифович Гринкевич.— Не ладятся у него семейные отношения. Трудно пока разобраться, кто виноват. Игорь переживает, хотя это и не оправдывает его выпивок.

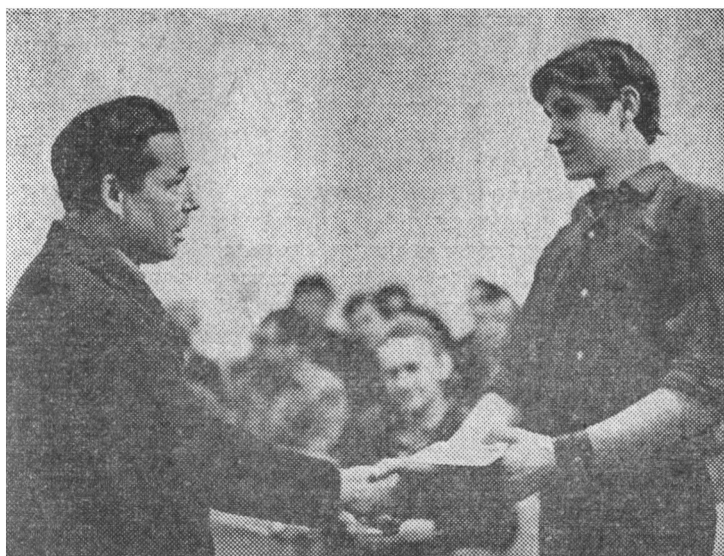
А вот мнение партгрупорга участка более категорично.

— Черноголовко останется с нами. Нарушителей нам «сплавлять» некуда, не на Луну же отправлять,— улыбается Григорий Дмитриевич Науменко.— Правда, с Игорем придется еще повозиться. Конечно, для этого понадобится время, терпение. Но ведь он и сам стремится стать лучше. А это — главное.

Ну, а что думает сам Игорь Черноголовко?

— Нельзя мне подводить коллектив,— тихо говорит он.— Слово дал. Знаю свои недостатки. Собой недоволен. И я благодарен ребятам, а особенно Николаю Иосифовичу, который учит меня самоконтролю. «Пока живешь — учись жить»,— часто повторяет мой воспитатель...

А недавно я позвонил на МТЗ, чтобы узнать о дальнейшей судьбе рабочего.

День посвящения в рабочие. Старший мастер механического цеха Николай Тимофеевич Поляков вручает токарю Евгению Кашкану «Свидетельство молодому рабочему» и памятную медаль.

— Все в порядке, — сообщил партгрупорг участка. — Парень хорошо работает, сам попросил принять его в народную дружину. Часто ходит на дежурство. Написал новую песню, с которой выступил на конкурсе к 30-летию Победы.

ВО ВСЕМ НУЖНА СИСТЕМА

Заместитель секретаря парткома Татьяна Васильевна Кищенко возглавляет на заводе комиссию по предупреждению правонарушений.

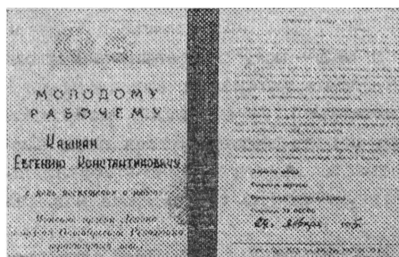
— В нашей комиссии, — говорит она, — есть представители цехов и отделов, товарищеских судов и совета ветеранов, активисты партийной, профсоюзной и комсомольской организаций, работники Дворца культуры и юридического отдела завода. Девиз наш: «Болезнь легче предупредить, чем лечить». А как именно предупреждать? Здесь нужна система. Вот такую четкую систему мы и ввели недавно на заводе.

Татьяна Васильевна подробно рассказывает о ней. Суть ее в следующем. Один раз в неделю руководитель участка и актив анали-

зируют работу по укреплению общественного порядка. Проводится подробный разбор каждого нарушения дисциплины. Окончательные данные поступают руководству цеха, отдела. Потом такой же анализ раз в месяц проводят начальники цехов и отделов. При этом в специальном журнале фиксируются принятые меры, все ценные предложения и критические замечания.

Финал этой работы — в кабинете директора завода. Раз в два месяца директор собирает для отчета руководителей цехов и отделов. Здесь же присутствуют представители всех общественных организаций МТЗ. Начальники цехов докладывают о состоянии трудовой дисциплины. Разговор идет нелицеприятный, некоторым приходится и краснеть. Но главное заключается в том, что умудренные опытом производственники — инженеры, экономисты, конструкторы ведут разговор о человеческих душах, о воспитании так называемых трудных.

После совещания директор в приказе подводит итоги работы по укреплению дисциплины. Таким образом, административный аппарат завода целиком включен в систему воспитания и обучения рабочих. И это приносит огромную пользу. Достаточно сказать, что в 1973 году по сравнению с 1972 годом количество прогулов без уважительных причин снижено на 8,6 процента, нарушений общественного порядка — на 5,2 процента, количество дел, рассматриваемых заводской комиссией по трудовым спорам, — на 12 процентов. Отделу кадров теперь поручено готовить еженедельные сводки о нарушениях дисциплины и общественного порядка. Эти данные попадают на стол директора завода, рассылаются в партком, завком, комитет комсомола и в комиссию по предупреждению правонарушений. Сразу видно, где неблагополучно и почему. А это дает возможность принять нужные меры, оказать своевременную помощь. По сложив-

«Свидетельство молодому рабочему»

Памятная медаль

шейся на заводе практике к нарушителям дисциплины тотчас же применяются различные меры взыскания: общественное порицание, лишение премий, «тринадцатой зарплаты». Анализ показывает, что нарушителями, как правило, являются молодые люди, чей производственный стаж не превышает двух лет. Значит, главная забота — воспитание тех, кто начинают свой трудовой путь.

СИЛА ДОБРОГО СЛОВА

Профессиональное умение приходит к новичкам сравнительно быстро. Намного длительнее процесс усвоения ими традиций, этических и нравственных норм рабочего коллектива. С такими ребятами кропотливо занимаются самые авторитетные люди завода — наставники.

«Позади уже четыре месяца службы в армии. Все идет хорошо. Я не хочу подводить не только своих родных, но и коллектив, в котором проработал почти три года... и которому доставил много хлопот. Когда недавно меня наградили грамотой «За хорошую службу», я с благодарностью вспомнил вас, мои уважаемые воспитатели. Такое письмо получил от одного из своих воспитанников мастер механического корпуса № 6 МТЗ Анатолий Константинович Свистун.

Недавно Анатолию Константиновичу исполнилось сорок лет, а за плечами большой производственный опыт, сотни рационализаторских предложений, столько же статей и заметок в заводской многотиражке «Трактор», в минских и республиканских газетах. Он избран заместителем председателя совета наставников самого промышленного в городе Заводского района. Это о таких, как он, наставниках говорится в недавно вышедшей книге Л. И. Брежнева «О коммунистическом воспитании трудящихся»: «Наставники — это кадровые рабочие, овладевшие высоким мастерством, богатым жизненным опытом, и, я бы сказал, талантливые педагоги. Они по доброй воле, по призыву души учат молодежь трудолюбию, мастерству, воспитывают ее на героических традициях нашего славного рабочего класса».

Анатолий Константинович действительно талантливый педагог. Был случай, когда молодой рабочий Володя П. за хулиганский поступок попал под суд.

— Надо поручиться за него, молодой ведь,— сказал мастер.

Однако никто не захотел ручаться. Казалось бы, Анатолий Свистун, как мастер, у которого хлопот и без того предостаточно, не должен бы волноваться, что избавится от одного из трудных. Но вышло наоборот: он сам за него поручился. И Володя П. впервые в жизни серьезно задумался: ему поверили! Поверили, когда он сам в себя еще не верил...

— Мы много делаем, чтобы научить наших молодых рабочих хорошо отдыхать,— говорит председатель созданной при завкоме комиссии по работе с молодежью Александр Андреевич Заккис.— К их услугам и наш Дворец культуры, стадион и спортивные площадки, весь город с его театрами, музеями. Но разве можно только этим ограничиться! Ведь речь идет главным образом о том, чтобы привить культуру отдыха, когда каждый с максимальной для себя пользой проводит свободное время.

Да, заводская общественность не жалеет времени и сил для воспитания молодых рабочих.

Свой опыт и знания щедро отдают молодежи лучшие производственники. Среди них — Герой Социалистического Труда Галина Павловна Мягкова. За двадцать лет работы она освоила специальности фрезеровщика, расточника, электросварщика. Обращаясь к молодым рабочим, Галина Павловна говорит: «Научитесь преодолевать трудности. Будет нелегко. Учитесь у старших. Они всегда придут на помощь». Сама она многим указала правильный путь в жизни, многим помогла обрести настоящее счастье.

Интересная особенность. На Минском тракторном заводе у каждого бригадира, мастера, начальника цеха и участка на видном месте лежит памятка о подростках. В этой брошюре, подготовленной юридическим отделом совместно с отделом кадров, собраны все инструкции и законоположения о труде несовершеннолетних в возрасте от 15 до 18 лет. Когда знакомишься с памяткой, невольно думаешь: сколько мудрой заботы проявляется о подростках, молодых рабочих, пришедших на завод.

НОВЫЕ ТРАДИЦИИ

На сцене заводского Дворца культуры — юноши и девушки, в зале — их сверстники, работники завода, друзья и родственники.

Ведущий обращается ко всем, кто знает молодых людей, в большинстве своем недавних выпускников ПТУ:

— Есть ли кто против посвящения их в рабочее звание!

Зрительный зал отвечает:

— Достойны рабочего звания!

И наступает самый волнующий момент. Звучат слова клятвы на верность рабочему классу. Ребятам вручают «Свидетельства молодому рабочему», памятные медали, библиотечки. Затем — концерт.

На большой бронзовой медали надпись: «Трудовые традиции отцов умножай».

«Дорогой юный друг! Сегодня в твоей жизни знаменательный день,— написано в «Свидетельстве молодому рабочему».— Ты стал

членом большого трудового коллектива Минского тракторного завода. Отныне его заботы — твои заботы, его честь — твоя честь...

Здесь ты должен вписать в свою биографию самые весомые строки, потому что биографию человека делает труд...

Ежедневно на завод, в цехи и на участки приходят новички. Со своими взглядами на жизнь, с разными характерами. Уровень их образования сейчас выше, чем у многих людей среднего и пожилого возраста. И здесь, в рабочем коллективе каждый из них начинает постигать сложную науку жизни, воспитывает в себе чувство гражданской ответственности, товарищества, патриотизма.

Секретарь комитета комсомола Лилия Василькова рассказывает:

— На заводе для подростков созданы «Советы юных». Наши подростки сами предложили, чтобы местом вручения комсомольских билетов стал Курган Славы. И надо сказать, что ритуал этот проходит очень торжественно и волнующе. Как правило, билеты вручают известные всей республике ветераны войны и труда. Молодым рабочим полюбились походы по местам сражений, многие из них регулярно посещают клуб будущего воина «Сын Родины» при заводском Дворце культуры. Здесь же создан молодежный политический клуб «Современник».

Стало хорошей традицией знакомить новичков с историей Минского тракторного завода. И как не гордиться тем, что работаешь на таком громадном современном предприятии! Ведь этот гигант советской индустрии создавали на месте развалин фронтовики и бывшие партизаны Великой Отечественной войны.

Главным «секретом» успехов тракторозаводцев является их высокая трудовая и политическая активность. Год 1972 был на заводе особо памятным. Центральный Комитет КПСС принял тогда постановление «О работе партийной организации Минского тракторного завода по повышению производственной и общественно-политической активности трудового коллектива».

В постановлении ЦК КПСС отмечалось, что «в коллективе становится традицией систематическое выполнение государственных планов с наименьшими производственными затратами, ритмичная работа, борьба за ускорение технического прогресса». И далее подчеркивалось, что коллектив завода принял более напряженный план на девятую пятилетку — увеличить объем производства на 40 процентов против 28 по контрольным цифрам.

В постановлении ЦК КПСС указывалось на необходимость глубже изучать социальные процессы, происходящие в коллективе, полнее использовать их в практической деятельности. План социального развития коллектива завода на 1971—1975 годы наряду с ростом тех-

нического прогресса намечает повышение культурного, технического и общеобразовательного уровня работников.

Социологи предложили множество ценных решений для морального стимулирования труда молодых рабочих: молодежную Доску почета, аллею передовиков, широкое освещение результатов соревнования в печати и по радио. Недавно группа социологов проанализировала ответы на анкету: каким должно быть соревнование за коммунистическое отношение к труду. На МТЗ, как и на других предприятиях, ныне это высшая форма соревнования, которое укрепляет творческие связи людей, их дружескую взаимопомощь. На вопрос анкеты: «Оказываете ли вы помощь своим товарищам в ходе соревнования!» — 94 процента ответили: «Да». На вопрос: «Оказывают ли вам помощь в ходе соревнования!» — положительно ответили 88 процентов.

Движение за коммунистический труд формирует у молодежи трудолюбие, дисциплинированность, отзывчивость, скромность, честность, настойчивость.

На заводе я встречался и беседовал со многими кадровыми рабочими, коммунистами. И все с удовлетворением говорили о том, что Центральный Комитет КПСС уделяет много заботы и внимания партийной организации Белоруссии, и в частности Минскому тракторному заводу. На своих собраниях коммунисты обсудили принятое в августе 1974 года постановление ЦК КПСС «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в партийной организации Белоруссии».

Девизом всей работы МТЗ стали слова постановления: «Добиваться, чтобы каждый трудовой коллектив выступал как носитель высокой политической сознательности, социалистической дисциплины труда и организованности, непримиримо боролся против проявлений стяжательства, пьянства, хулиганства и других антиобщественных поступков».

...От главного входа через весь завод тянется широкая аллея. Каждый день по ней проходят тысячи рабочих. Среди них — еще совсем молодые и их старшие товарищи — наставники. По обе стороны аллеи, среди ярких цветов — большие портреты лучших людей завода. Это — аллея Славы. Высшее отличие для тех, кто своим трудом прославляет свой завод. И быть может, пройдут годы — и появятся здесь портреты тех, за чье будущее борются сейчас рабочие и служащие МТЗ, — портреты рабочих, которым помогли найти верный путь в жизни.

А. ПОЛЯКОВ
Фото В. ЗИМИНА.

ЗАКОН приходит в класс

Министерство просвещения СССР с 1975/76 учебного года вводит преподавание курса «Основы советского государства и права» в восьмых классах общеобразовательных школ. В связи с этим корреспонденты журнала «Человек и закон» взяли интервью у заместителя министра просвещения СССР М. И. КОНДАКОВА и у начальника отдела по вопросам правовой пропаганды и правового воспитания граждан, члена коллегии Министерства юстиции СССР Ю. Г. ТРЕЩЕТЕНКОВА.

● На вопросы нашего корреспондента отвечает заместитель министра просвещения СССР М. И. КОНДАКОВ.

— Михаил Иванович, расскажите, пожалуйста, как готовилось Министерство просвещения СССР к введению в учебные планы школ курсов «Основы советского государства и права»? Сколько подростков будет изучать этот предмет, и на сколько учебных часов в году он рассчитан?

— Советская школа всегда ставила своей целью воспитание у подрастающего поколения гражданской ответственности и сознательности, особое внимание обращая при этом на соблюдение моральных и правовых норм социалистического общества.

За последние годы органы народного образования и педагогические коллективы школ в тесном сотрудничестве с учреждениями юстиции развернули большую и интересную работу по правовому просвещению и воспитанию учащихся общеобразовательных школ.

Работа эта проводилась главным образом в двух направлениях: в процессе изучения учебных предметов, факультативного курса по основам советского законодательства и на внеклассных, систематически организуемых беседах со школьниками на морально-правовые темы.

Кроме того, проведение опытного преподавания курса «Основ советского государства и права» в ряде школ десяти союзных респуб-

лик позволила нам определить сильные и слабые стороны экспериментальных учебных пособий и, что самое главное,— реально ощутить первые положительные результаты этого эксперимента в идейно-нравственном и правовом воспитании школьников.

Как видите, приказу министра просвещения СССР о введении в восьмых классах школ страны курса «Основы советского государства и права» предшествовала всесторонняя и тщательная подготовка. С первого сентября 1975 года этот предмет начнут изучать свыше четырех миллионов школьников. Курс рассчитан на один час в неделю, или 35 часов в год.

— В связи с этим, Михаил Иванович, другой вопрос. Как известно, современные школьные программы довольно напряжены. Будут ли эти часы очередной прибавкой к учебному плану, или найден другой выход: за счет других дисциплин?

— Приказом министра просвещения СССР определено, что на преподавание «Основ советского государства и права» отводится 35 часов в год в пределах общего количества часов, включая время на факультативные занятия, предусмотренные учебными планами общеобразовательных школ союзных республик для восьмого класса.

— А подготовлены ли педагогические кадры к ведению этого курса? Готовят ли вузы таких специалистов?

— Этот вопрос перед нами встал задолго до включения в учебный план нового предмета школьного обучения. В первую очередь уроки права будут поручены опытным и подготовленным преподавателям истории и обществоведения. При необходимости к ведению этого курса будут привлекаться наиболее квалифицированные учителя других предметов, прошедшие предварительную подготовку. В июне 1975 года для этого контингента преподавателей будут проведены специальные курсы. В их программу входят общие вопросы правового просвещения и воспитания школьников и конкретные проблемы содержания и методики преподавания курса. Особое внимание будет уделено марксистско-ленинской теории государства и права, основным задачам и структуре курса. Для изучения определены, к примеру, такие темы, как «Советское социалистическое государство»; «Мораль и право в развитом социалистическом обществе»; «Советское право и социалистическая законность»; «Отрасли советского социалистического права, их основное содержание и особенности».

Значительное время на курсах будет отведено изучению вопросов совместной работы школы, семьи и общественности по правовому воспитанию подростков, а также использованию технических средств и наглядных пособий в процессе правового просвещения и воспитания учащихся. Курсы будут проводиться, как правило, на базе республиканских, областных (краевых), городских институтов усовершенствования учителей. При этих институтах и районных (городских) методических кабинетах будут созданы постоянные действующие семинары и лектории по основам государства и права. Для ока-

зания помощи учителям предполагается широко использовать печать, радио и телевидение. Вопрос о введении основ советского государства и права будет детально обсужден на педагогических советах школ и августовских совещаниях учителей.

Управление учебных заведений Министерства просвещения СССР разрабатывает меры, связанные с подготовкой студентов исторических факультетов педагогических институтов к преподаванию нового учебного предмета.

Мы стремимся также своевременно обеспечить учителей и школы необходимой литературой. Сейчас организуется дополнительное комплектование школьных библиотек имеющейся научно-популярной, справочной и методической литературой. В начале учебного года будет издано методическое руководство для учителей. Разрабатывается тематика научно-популярной литературы и учебно-наглядных пособий. Журналы «Преподавание истории в школе» и «Воспитание школьников» начали публикации материалов в помощь учителям по вопросам советского государства и права. Полагаю, что журнал «Человек и закон» будет содействовать успеху этого дела так же активно, как это делалось до сих пор.

— *Пока курс права введен лишь в восьмых классах. Естественно, что ребята из младших и более старших классов не могут остаться без уроков права. Каким образом министерство предполагает знакомить с советскими законами учащихся младших и старших классов?*

— Система пропаганды права уже сложилась в школах страны. Она включает в себя использование учебного материала: уроки чтения в начальных классах, курсы истории и других предметов. Углубление этой работы мы видим в максимально эффективном использовании различных форм внеклассной работы и, прежде всего, бесед на морально-правовые темы. Непринужденная беседа позволяет тесно связывать пропаганду действующего законодательства с текущими общественно-политическими событиями, с нормами и правилами социалистического общежития.

Основная цель правового воспитания учащихся девярых-десятых классов — дальнейшее углубление знаний, полученных в восьмом классе, формирование у них правосознания. Особая роль здесь отводится курсу обществоведения, призванному выработать у школьников классовый подход к проблемам государства и права, воспитывать у ребят чувство гражданственности, нетерпимости к нарушениям закона и антиобщественным проявлениям.

Таким образом, последовательное осуществление школой задач правового просвещения и воспитания становится важным условием развития общественно-политической активности учащихся.

❶ На вопросы нашего корреспондента отвечает член коллегии Министерства юстиции СССР Ю. Г. ТРЕЩЕТЕНКОВ.

— Юрий Георгиевич, в 1971 году в самом первом номере нашего журнала появилась рубрика «Закон стучится в класс». Из номера в номер авторы многих статей и писем в редакцию, среди которых были юристы, педагоги, родители, ученые, руководители предприятий и организаций, партийные и советские работники, настоятельно ратовали за улучшение правового воспитания учащейся молодежи, за преподавание в школах основ советского законодательства. Помнится, и вы давали по этому поводу интервью нашему журналу.

— Совершенно верно. Министерство юстиции СССР выражало тогда не только полную поддержку пожеланиям общественности, но и свою готовность к тесному, деловому сотрудничеству с Министерством просвещения СССР. Впрочем, в свою очередь и ответственные руководители этого министерства, тоже на страницах журнала, заявили о такой же готовности к совместной работе. И должен сказать, что дело не ограничивалось одними декларациями.

— Но все же осуществление идеи, по мнению наиболее нетерпеливых, затянулось: ведь с тех пор прошло уже четыре года...

— Ответственное дело требовало тщательно продуманной подготовки. Иначе и провалить его не трудно. Вот с подготовки и начали. Я позволю себе напомнить некоторые ее этапы, первым из которых стало совместное постановление коллегий Министерства юстиции и Министерства просвещения СССР «Об улучшении изучения основ советского права в общеобразовательных школах, педагогических училищах и институтах», принятое в декабре 1971 г. В этот период органы просвещения совместно с юридическими учреждениями заметно усилили работу по правовому воспитанию школьников. И здесь главным положительным результатом можно считать то, что и юристы и педагоги восприняли это как одно из важных направлений в своей деятельности, о чем свидетельствуют неоднократные обсуждения проблемы на заседаниях Координационно-методического совета при Министерстве юстиции СССР и Учебно-методического совета Министерства просвещения СССР, различных комиссий, научно-практических конференций и так далее. Многого делалось в этом направлении и в союзных республиках.

Работа по правовому воспитанию учащихся велась по многим направлениям и распространялась на школьников почти всех классов. Тут были и лекции, и беседы, и клубы юных юристов, и факультативные занятия в девятих-десятих классах, и многое другое.

Но, пожалуй, больше всего волновало нас, юристов и педагогов, то, как пройдет начатое в 1972/73 учебном году Академией педагогических наук СССР и ВНИИ советского законодательства Министерства юстиции СССР экспериментальное преподавание «Основ советского государства и права» в восьмых классах общеобразовательных школ, которым были охвачены ученики в десяти союзных республиках. Оно и понятно, ибо от его результатов зависело, придет или не придет закон в класс...

— Простите, Юрий Георгиевич, но ведь все это было не так просто. Прежде чем ставить опыт, следовало подумать об учебных пособиях, методике, не говоря уже о кадрах. Начинали-то почти на пустом месте.

— В том-то и дело. И это тоже причина, по которой спешка могла только повредить. Но вот оперативность нужна была. Ее проявили все заинтересованные стороны. В сжатые сроки рождались учебные программы, учебные и методические пособия, в сжатые сроки проходила подготовка и переподготовка кадров. Министерство юстиции СССР наладило организационную и методическую помощь соответствующим управлениям Министерства просвещения СССР, Академии педагогических наук, ВНИИ советского законодательства, авторским коллективам. Большую роль сыграл вышедший массовым тиражом учебник для восьмых классов общеобразовательных школ «Основы советского государства и права», написанный коллективом авторов в составе П. П. Гуреева, Г. П. Давыдова, Э. Б. Мельниковой, Ю. В. Феофанова. Я не могу в связи с этим не похвалить оперативность, проявленную издательством «Юридическая литература», коллективами московской типографии «Красный пролетарий» и харьковской книжной фабрики «Коммунист». Следует отметить также достижения юристов и педагогов Азербайджана, Эстонии, Киргизии, Казахстана, Белоруссии, Украины, Москвы, Волгограда, Ярославля, где эксперимент прошел наиболее четко, слаженно и на высоком научном уровне.

Надо еще подчеркнуть и ту важную роль, которую сыграло введение с 1972/73 учебного года изучение курса «Вопросы советского права» во всех профессионально-технических и технических училищах. Оно как бы дополняло эксперимент, начатый в школах. И не только дополняло, но и позволяло лишний раз проверить результаты, лучше подготовиться к следующему шагу на пути к правовому образованию.

— И вот итог: с 1975/76 учебного года закон поступит в класс на равных с другими предметами основаниях. Но не объясните ли вы, почему и объектом эксперимента, и объектом окончательного

внедрения избран именно восьмой класс, а, скажем, не седьмой или девятый?

— Объяснение простое, хотя прийти к нему, сами понимаете, было не так просто. Ученые, органы народного образования и юстиции исходили из того, что именно в этом возрасте происходит нравственное, правовое и гражданское становление молодого человека, он готовится к будущей трудовой жизни. Кроме того, он приобретает дополнительные права и обязанности. Вспомните, с 14—16 лет наступает уголовная ответственность у подростков. Возраст трудный, проблемы взаимоотношений с людьми усложняются, а отсутствие жизненного опыта и правовой осведомленности зачастую мешает им правильно разобраться в той или иной сложившейся ситуации и найти верное решение. Нельзя, чтобы единственным поводом для них был только здравый смысл. Важно, чтобы уже в этом возрасте молодой человек ощутил себя настоящим гражданином своей страны, участником важных и широких социальных отношений, регулируемых правом, законом. Это, кстати сказать, подтвердил и эксперимент. Там, где он проводится, заметно повышается уровень правосознания школьников, улучшается их поведение в школе и вне ее, ярче проявляется чувство личной ответственности за исполнение своих обязанностей, соблюдение норм социалистического общежития, вырабатывается более уважительное отношение к законам и правоохранительным органам.

— Юрий Георгиевич, введение правового курса в школе — это важный, крайне актуальный, но ведь не конечный результат деятельности как органов юстиции, так и органов образования. Работы, мне кажется, будет не меньше, а, наоборот, больше. И, значит, педагогам по-прежнему потребуется помощь со стороны юристов. В чем она может теперь состоять?

— Прежде всего, помощь останется организационно-методической. Наша задача состоит в привлечении к работе по правовому воспитанию наиболее квалифицированных специалистов. Оправдывали себя раньше и будут оправдывать в дальнейшем участие ученых, работников юстиции, прокуратуры, органов внутренних дел в консультировании учителей, которым предстоит вести преподавание «Основ советского государства и права», а также чтение лекций на курсах, постоянно действующих семинарах и в институтах усовершенствования учителей. Юристы помогут в издании научно-популярной литературы для учителей и школьников, учебно-наглядных пособий, в подготовке фундаментальной методики по вопросам содержания, методов и организации изучения права в учебной систе-

ме и внеурочной работе, в публикации материалов для учителей в специальных журналах. Юристы уже принимают и примут активное участие в разработке примерной тематики для курсов переподготовки учителей и руководителей школ. Они продолжают свою помощь в совершенствовании внеурочных форм правового воспитания учащихся. Нам кажется, что целесообразно иметь в школах шефов-юристов, которые оказали бы содействие в оборудовании специальных учебных кабинетов, комплектовании библиотек и т. д. И конечно же, обобщение опыта правовоспитательной работы среди школьников, изучение ее эффективности. Впрочем, всего не перечислишь. Хочу только сказать, что за нами дело не станет. Мы всегда готовы оказывать педагогам необходимую помощь.

— *И последнее, как водится, коротко о планах на будущее. Естественно, в отношении молодежи.*

— Если очень коротко, то впереди предстоит создание стройной системы правового воспитания и образования студенческой молодежи, такой системы, которая не только обеспечила бы формирование у студентов глубокого уважения к закону, но и вооружила их достаточными знаниями в различных отраслях законодательства, столь необходимыми для работы в тех или иных сферах народного хозяйства.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. РАСКОВ,
заведующий отделом
НИИНавтопрома

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПЛАНИРОВАНИЯ

Государственный народнохозяйственный план определяет и направляет всю хозяйственную жизнь нашей страны. Увеличение общественного богатства, неуклонный подъем материального и культурного уровня трудящихся, укрепление независимости СССР и усиление его обороноспособности — все это обеспечивается государственным планом.

Планирование всего народного хозяйства — особенность социалистической системы хозяйства и социалистического общественного строя.

Государственное руководство хозяйственной жизнью страны осуществляется в рамках социалистической законности. Методика планирования, организация плановой работы, виды плановой документации, формы планов, органы, утверждающие планы, порядок доведения планов до их исполнителей, увязка и координирование планов, изменение их и установление дополнительных заданий, система плановых актов, значение хозяйственного договора как средства выполнения планов и инструмента планирования, формы контроля за выполнением плановых заданий и другие вопросы, связанные с плановым ведением хозяйства, — все это регламентируется советским законодательством, закрепляется в правовых актах.

Говоря о правовом регулировании планирования, следует отметить, что годовые и пятилетние народнохозяйственные планы страны являются законами СССР. Они обсуждаются и принимаются на сессиях Верховного Совета СССР.

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые правовые вопросы планирования в промышленности — ведущей отрасли народного хозяйства, развитие которой предопределяет подъем экономики страны в целом.

Прежде всего о перспективных планах развития народного хозяйства, планах на длительный период. Идея научной разработки долгосрочных перспективных планов принадлежит В. И. Ленину. Он писал: «...Нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период и на серьезный успех... Не бойтесь планов, рассчитываемых на долгий ряд лет...».

Осуществляя решения XXIV съезда, ЦК КПСС и Совет Министров СССР постановили разработать долгосрочный перспективный план развития народного хозяйства СССР на 1967—1990 годы. Составление этого плана — важная хозяйственно-политическая задача. Усиление внимания к разработке планов на относительно длительный период ни в коей мере не умаляет значения пятилетних планов.

Пятилетний срок перспективных планов в современных условиях наиболее оптимален. Во-первых, это срок, который достаточен для строительства и пуска в действие крупных промышленных комплексов и для осуществления радикальных мероприятий по технической реконструкции действующих заводов. Во-вторых, при разработке плана промышленного производства на пятилетие можно достаточно точно определить направления научно-технического прогресса, конкретные количественные показатели.

Пятилетние планы служат основой разработки текущих (годовых) планов. Народнохозяйственные задачи на 1975 год — завершающий год девятой пятилетки — определены декабрьским Пленумом ЦК КПСС и второй сессией Верховного Совета СССР девятого созыва.

Государственный план завершающего года девятой пятилетки окончательно формирует итоги пятилетки.

Декабрьский (1974 года) Пленум ЦК КПСС признал этот план нелегким, но реальным. Выполнение плана потребует от партийных, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций, от коллективов предприятий, организаций, строек, колхозов и совхозов, от всех советских людей значительного напряжения.

В Обращении к партии, к советскому народу ЦК КПСС призвал рабочих, колхозников, специалистов, ученых, всех советских людей

широко развернуть социалистическое соревнование за выполнение и перевыполнение плановых заданий 1975 года, за повышение эффективности производства, за успешное завершение пятилетки. Выполнение Государственного народнохозяйственного плана будет означать новый крупный шаг в дальнейшем укреплении экономического могущества страны, науки и культуры, повышение благосостояния трудящихся.

Важное значение имеет также оперативное планирование на более короткий период времени: квартал, месяц, а на предприятиях — даже декаду и сутки. На большинстве предприятий оперативные планы разрабатываются и на смену, а на некоторых заводах составляются даже часовые графики производства. Оперативное планирование обеспечивает согласованную работу всех звеньев и работников предприятия, выполнение плана производства с наименьшими затратами средств и труда.

Широкое распространение в наши дни получили встречные планы.

Встречные планы — это планы, принятые хозорганами, с более высокими показателями по сравнению с утвержденными. В них предусматривается, прежде всего, увеличение выпуска продукции наиболее важной для народного хозяйства. Во встречных планах учитываются личные и коллективные встречные планы и социалистические обязательства и встречные планы, принятые цехами, участками и другими подразделениями предприятий.

В. И. Ленин не только считал возможным, но и обязательным участие, и притом активное участие трудящихся в планировании. Он указывал: «Надо уметь вызвать и соревнование и самодеятельность масс для того, чтобы они тотчас принялись за дело». Вот почему на XXIV съезде КПСС отмечалась необходимость дальнейшего привлечения местных органов и всех трудящихся к планированию.

Планирование промышленного производства в новых экономических условиях осуществляется на базе директивных показателей, отражающих рост производства важнейших видов продукции. Эти показатели составляются по сокращенному числу показателей по сравнению с показателями плана и служат исходными данными для разработки проекта плана, который вышестоящий орган направляет порученному ему звену хозяйственной системы.

Сейчас для большинства заводов вышестоящие хозорганы утверждают только такие показатели производства промышленной продукции: общий объем реализуемой продукции в действующих оптовых ценах предприятия и производство важнейших видов продукции в натуральном выражении (включая показатели качества продукции), фонд заработной платы, прибыль, рентабельность и некоторые

другие показатели. Все остальные показатели разрабатываются и утверждаются самими объединениями, предприятиями, организациями в пределах директивных показателей и на основе действующих технико-экономических нормативов. Проекты планов промышленного производства разрабатываются производственными объединениями, предприятиями и организациями в соответствии с доведенными до них в установленном порядке основными направлениями развития данной отрасли промышленности на пятилетие и контрольными цифрами, уточняющими годовые задания пятилетнего плана на планируемый год.

Законодательством установлено, что проекты планов промышленного производства должны широко обсуждаться в коллективах объединений, предприятий, организаций. Обсуждение проводится в различных формах и на различных уровнях. Общим положением о все-союзном и республиканском промышленных объединениях установлено, что проекты перспективных и текущих планов промышленного производства рассматривает совет директоров, в состав которого входит представитель соответствующего профсоюзного органа. К участию в работе совета привлекаются специалисты объединения, передовики производства. В соответствии с Положением о производственном объединении (комбинате) проекты перспективных и текущих планов промышленного производства объединения и его производственных единиц рассматривает совет объединения, в работе которого также участвуют представители общественных организаций объединения, специалисты и передовики производства. Положением установлено, что проекты производственных планов обсуждаются по докладом администрации, собраниями (конференциями) работников производственного объединения и производственных единиц. Отдельные задания и показатели проекта могут быть обсуждены в коллективах тех подразделений, к которым они имеют непосредственное отношение. В процессе обсуждения в проект вносятся соответствующие коррективы и уточнения с учетом предложений, направленных на улучшение производственно-хозяйственной деятельности предприятия в целом и отдельных подразделений.

Общим положением о всесоюзном и республиканском промышленных объединениях предусмотрено, что управление объединения может устанавливать предприятиям и организациям, входящим в состав объединения, повышенные по сравнению с утвержденными по объединению в целом плановые задания по объему производства промышленной продукции, по производству ее отдельных видов в натуральном выражении (за исключением продукции, выпуск которой сверх плана запрещен). Размеры повышения плановых заданий оп-

ределяются вышестоящим органом в пределах, установленных для этого органа. Установление повышенных плановых заданий должно сопровождаться проведением дополнительных мероприятий по улучшению использования производственных мощностей, снижению себестоимости продукции и по экономии материальных ресурсов.

Встречные планы, как прогрессивная форма социалистического соревнования, разрабатываются по инициативе коллективов производственных объединений, предприятий и организаций на основе выявления и использования внутренних резервов, повышения эффективности производства в целях обеспечения успешного выполнения пятилетнего плана. Встречные планы разрабатываются по показателям, определяемым исходя из конкретных задач и условий производства на основе лучшего использования производственных мощностей, оборудования, широкого внедрения технически обоснованных норм выработки, всемерного развития многостаночного обслуживания и совмещения профессий, более экономного расходования сырья, материалов, топлива и электроэнергии, выделенных предприятиям, вовлечения в оборот сверхнормативных запасов материальных ресурсов. Встречные планы производственных объединений, предприятий и организаций рассматриваются и принимаются вышестоящими по отношению к ним хозяйственными органами.

Весьма важное значение имеет соблюдение порядка и сроков доведения заданий до каждого исполнителя. Предельный срок утверждения генеральными директорами производственных объединений и директорами предприятий техпромфинпланов, как правило, — 15 января планируемого года.

Успешная и ритмичная работа объединения, предприятия, организации может быть обеспечена лишь в условиях стабильности плановых заданий, необоснованные изменения которых отрицательно сказываются на производстве. Изменения планов допускаются лишь в исключительных случаях и после предварительного обсуждения их с руководством организации, предприятия, объединения или министерства.

Изменение плана не всегда обуславливается теми или иными ошибками или просчетами. Внедрение новой техники, совершенствование технологических процессов, научная организация труда делают возможным уменьшить нормы расходования сырья на изготовление продукции, использовать взамен дефицитных широко распространенные материалы и тому подобное. Тем самым потребности в указанных материалах снижаются и, следовательно, в планы промышленного производства вносятся коррективы. Законодательство

допускает возможность корректировки плана при соблюдении следующих условий:

изменения в утвержденные плановые задания может вносить только тот вышестоящий орган, которому объединение, предприятие, организация непосредственно подчинены;

изменения в планы могут быть внесены лишь после предварительного обсуждения их с руководством хозоргана, план которого изменяется. Однако если этот хозорган возражает против изменений, то окончательное решение остается за вышестоящим органом;

изменение плановых заданий должно осуществляться с соблюдением установленных нормами права порядка и сроков;

при изменении плановых заданий одновременно должны вноситься изменения во все взаимосвязанные плановые показатели.

Изменения могут вносить плановые органы, вышестоящие органы хозяйственного руководства и сами объединения, предприятия, организации и их подразделения в пределах своей компетенции.

Не лишены права вносить изменения в планы и предприятия. Они могут изменить сроки выпуска продукции, изменить номенклатуру. Вносить коррективы в план они могут лишь тогда, когда изменится потребительский спрос или заказ хозяйственных органов. Однако эти поправки должны быть в пределах плановых заданий по прибыли и без изменения общего годового объема производства. При необходимости изменить годовой объем производства или поступление платежей в бюджет поправки могут быть внесены лишь с согласия вышестоящего органа.

Изменения планов допустимы лишь в сроки, установленные Советом Министров СССР: квартальные планы — не позднее чем за 45 дней до истечения квартала, а месячные планы — не позднее чем за 20 дней до окончания месяца.

На XXIV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев указывал на необходимость «последовательно бороться за повышение ответственности кадров за выполнение государственных планов и заданий, за укрепление плановой дисциплины во всех звеньях народнохозяйственного механизма».

Большой вред социалистической экономике приносят очковничество, приписки и другие искажения в государственной отчетности о выполнении планов. К припискам некоторые должностные лица прибегают с целью скрыть неблагополучие в работе предприятия или организации. Подлоги в отчетности подрывают планирование и оперативное руководство промышленностью, запутывают учет и отчетность.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР 19 мая 1961 года в постановлении «О мерах по предотвращению фактов обмана государства и по усилению контроля за достоверностью отчетов о выполнении планов и обязательств» подчеркнули исключительно важное значение точных отчетных данных о выполнении планов для управления и руководства развитием народного хозяйства страны.

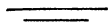
Президиум Верховного Совета СССР 24 мая 1961 года принял Указ «Об ответственности за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов».

Как ни суровы меры уголовного наказания (лишение свободы до трех лет), но любители приписок, как свидетельствуют об этом судебная практика и наша печать, еще не перевелись, как не перевелись и покровители очковтирателей.

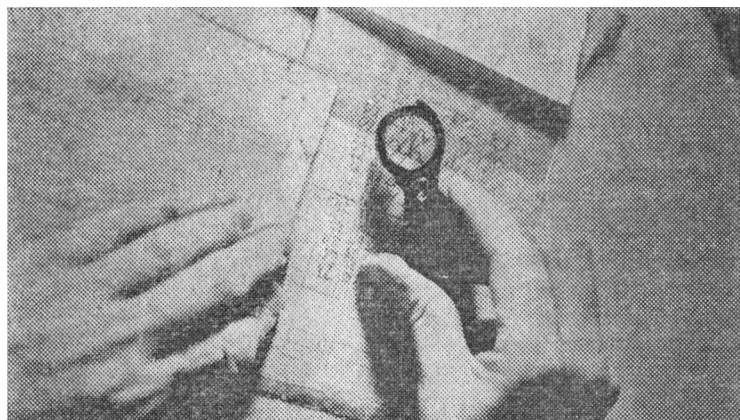
Борьба с обманом государства — дело не только правоохранительных органов, но и дело всей общественности, рабочих коллективов, каждого рабочего и каждого служащего (более подробно об этом см. статью Ю. Ляпунова «Ответственность за приписки» в № 7 за 1974 год.— **Ред.**).

Выполнение и перевыполнение планов будет способствовать не только успешному завершению текущей пятилетки, но и явится важным шагом в создании прочной основы дальнейшего роста экономического потенциала и повышения материального благосостояния и культурного уровня народа в будущем.

Четкая и слаженная работа с первых дней года, выполнение и перевыполнение сменных, месячных и квартальных планов, заданий — закон каждого коллектива, каждого работника.

Г. АРИНУШКИН,
начальник отдела
судебно-экспертных
учреждений Министерства
юстиции СССР

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Общезвестно, успех борьбы с преступностью определяется неотвратимостью наказания. «Предупредительное значение наказания,— указывал В. И. Ленин,— обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы ни один случай преступления не проходил нераскрытым».

Быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных, правильное применение закона с тем, чтобы каждый совершив-

ший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден,— эти задачи могут успешно выполняться при условии применения в работе судов и следственного аппарата научных методов и технических средств.

Современные достижения науки и техники широко используются в борьбе с правонарушениями и в первую очередь с преступлениями, помогают также успешно разрабатывать и проводить в жизнь профилактические мероприятия, направленные на их предупреждение.

Научно-технический прогресс открыл большие возможности для решения многих вопросов, возникающих в судебной и следственной практике. Достаточно сказать, что сейчас при расследовании преступлений применяются самые разнообразные средства криминалистической техники, которые позволяют быстро обнаруживать следы и другие вещественные доказательства совершенного преступления. Однако сами по себе они еще мало что скажут непосвященному человеку. Чтобы заставить «заговорить» немых свидетелей, как часто называют обнаруженные следы и предметы преступления, добыть заложенную в них информацию, необходимую для изобличения преступника, суды и следственные органы обращаются в судебно-экспертные учреждения. Почему именно туда, а не в любое научно-исследовательское учреждение соответствующего профиля, чтобы там разрешить все интересующие их вопросы? По закону судьи и следователи могут обратиться в любое учреждение, к любому специалисту и поручить ему производство экспертизы. Но далеко не всегда такие специалисты могут справиться с поставленными перед ними задачами.

Специфика борьбы с преступными проявлениями зачастую выдвигает такие вопросы, разрешение которых требует и соответствующей подготовки специалистов, и специальных методик экспертных исследований. Кем из подозреваемых лиц оставлены отпечатки пальцев, найденные на месте происшествия? Выстрелена ли изъятая пуля из конкретного пистолета? Данным ли ключом открывался замок? Для того, чтобы ответить на эти и ряд других подобных вопросов, используются различные криминалистические средства и методы. Подобного рода задачи могут возникнуть лишь в сфере расследования уголовных дел, в других областях человеческой деятельности они не встречаются.

А вот примеры посложнее. Шофер автомобиля, сбив пешехода, скрылся с места происшествия. На одежде потерпевшего остались микрочастицы лакокрасочного покрытия того автомобиля, который сбил его. По подозрению задержали человека, владеющего автомо-

билем. В числе прочих у следователя возникает и такой вопрос: действительно ли микрочастицы на одежде потерпевшего возникли в результате наезда и принадлежат ли, они именно этому, а не другому автомобилю? Казалось бы, здесь можно привлечь в качестве экспертов специалистов в области лакокрасок и технологии окраски автомобилей. Они действительно смогут разобраться в химических и физических свойствах исследуемых красителей, дать исчерпывающую информацию об окраске данного автомобиля. Однако ответить на вопрос о принадлежности микрочастиц данному автомобилю им будет крайне затруднительно, а подчас и невозможно. Такой проблемой ни один из названных специалистов не занимается, она порождена спецификой расследования преступлений. Решить данную проблему не может никто другой, кроме эксперта, который прошел соответствующую подготовку и специально занимается именно этими вопросами. Естественно, такой эксперт должен обладать комплексом знаний в области исследуемых объектов (лаки и краски), аналитической техники, методов исследования и, наконец, познаниями в области криминалистической идентификации объектов судебной экспертизы. В нашем примере задача идентификации сводится к установлению принадлежности обнаруженных микрочастиц окраске данного автомобиля. Вот эти специфические познания в области криминалистической идентификации и есть ключ к пониманию того, почему производство судебных экспертиз сосредоточивается в специальных экспертных учреждениях.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР и аналогичными статьями уголовно-процессуальных кодексов союзных республик «экспертиза назначается в случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия и при судебном разбирательстве необходимы специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле» (статья 78 УПК РСФСР). Конечно, дознаватель, следователь, прокурор или суд тоже могут обладать специальными познаниями. Но заменить эксперта они не могут — прежде всего, в силу своего процессуального положения. Результаты их исследований не могут быть закреплены и использованы в качестве доказательств.

На основе специальных познаний эксперт исследует представленные ему материалы — проводит экспертизу. Отвечая на поставленные вопросы, он устанавливает определенные факты, которые могут быть как совершенно новыми, ранее не известными следствию и суду, так и подтверждающими уже установленные события. В результате исследования, например, стреляных гильз и пистолета эксперт отвечает на вопрос суда или следователя, отстреляны ли они из данного оружия или же нет. Если при исследовании документа эксперт ут-

верждает, что записи выполнены определенным лицом, образцы почерка которого представлены в качестве сравнительного материала, то его вывод подтверждает имеющиеся в деле данные о выполнении документа указанным лицом.

Чтобы конкретное заключение эксперта обладало доказательственной ценностью и помогало раскрытию преступления, необходима, прежде всего, независимость эксперта, его процессуальная самостоятельность. Его выводы должны быть основаны только на результатах проведенного исследования.

Независимость эксперта — одна из важнейших гарантий объективности советского правосудия. Ни орган, назначивший экспертизу, ни руководитель экспертного учреждения, ни другие лица и организации не вправе навязывать эксперту свою волю и влиять на его выводы. Понуждение эксперта к даче ложного заключения, а равно подкуп его с той же целью преследуются в уголовном порядке.

«Эксперт дает заключение от своего имени на основании произведенных исследований в соответствии с его специальными знаниями и несет за данное им заключение личную ответственность», — гласит статья 80 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

Эксперт согласно закону наделен определенными правами и обязанностями. Первейшая его обязанность, вытекающая из закона, — дать объективное, обоснованное заключение на основании всестороннего и полного исследования поступивших на экспертизу материалов. Отказ или уклонение эксперта от дачи заключения в судебном заседании либо при производстве предварительного следствия или дознания преследуются законом. Назначенный органами следствия и судом в качестве эксперта специалист соответствующей отрасли знания обязан провести исследование в рамках своей компетенции и ответить на все поставленные перед ним вопросы. Если же вопросы выходят за пределы его специальных познаний или представленные материалы недостаточны для дачи заключения и восполнение их невозможно, эксперт обязан сообщить в письменной форме органу, назначившему экспертизу, о невозможности дачи заключения.

Отмеченные выше нормы советского закона направлены прежде всего на то, чтобы экспертиза была выполнена в установленные сроки и на должном научно-техническом уровне, чтобы ни одно неправильное заключение не попало в сферу предварительного следствия и судебного разбирательства. Сразу же отметим, что в принципе ошибка эксперта полностью не исключается. Она может возникнуть в тех редчайших случаях, когда, например, эксперт из-за своей неосытлости выбрал ненадлежащие для конкретного случая методики исследования. Что же произойдет, если такое неправильное заклю-

чение попадет в руки следствия или суда? Явится ли оно неоспоримым доказательством по делу? Можно ли обнаружить и исправить экспертную ошибку? Обратимся к закону. Прежде всего заметим, что заключение эксперта не есть «научный приговор», который не подлежит обжалованию. Более того, статья 80 УПК РСФСР (такие статьи есть во всех уголовно-процессуальных кодексах союзных республик) прямо указывает, что «заключение эксперта не является обязательным для лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, однако несогласие их с заключением должно быть мотивировано». Каждое заключение эксперта не просто принимается на веру следствием или судом, оно подлежит тщательному изучению и оценке с учетом имеющихся в деле материалов.

Пленум Верховного Суда СССР, подчеркивая значение экспертизы как одного из судебных доказательств, вместе с тем указывал судам на ошибочность подхода к заключениям экспертов как к доказательствам, обладающим преимуществом перед другими доказательствами. Заключение эксперта, указывал Пленум Верховного Суда СССР, как и все иные доказательства, подлежит оценке по внутреннему убеждению судей, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности (постановление от 16 марта 1971 года № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам»).

В случае необоснованности заключения эксперта или сомнения в его правильности в соответствии с законом назначается повторная экспертиза, которая поручается в обязательном порядке другому эксперту или экспертам. Если заключение эксперта не обладает достаточной полнотой и ясностью, то может быть назначена не повторная, а дополнительная экспертиза, выполнение которой поручается любому эксперту, в том числе и проводившему ее ранее.

Эксперт не может быть заинтересован в исходе дела. Если он сам является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, свидетелем по данному делу, а также если находится или находился в служебной или иной зависимости от обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца или ответчика, и в некоторых других случаях, предусмотренных законом, он обязан заявить самоотвод.

Закон наделяет эксперта правами, которые сводятся к представлению ему возможности в полном объеме исследовать материалы дела, относящиеся к предмету экспертизы с тем, чтобы ответить на все поставленные перед ним вопросы, заявлять ходатайство следователю (суду) о представлении ему дополнительных материалов, если имеющиеся недостаточны для дачи заключения. Не редки случаи, когда эксперт в процессе производства экспертизы устанавли-

вает обстоятельства, которые, по его мнению, имеют значение для дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы. Такая инициатива эксперта помогает вскрывать не только новые обстоятельства совершения конкретного преступления, но и определять меры по предупреждению преступлений того или иного вида.

Чтобы обеспечить потребность следственных органов и судов в производстве различных видов судебных экспертиз, необходима четкая, слаженная система экспертных учреждений, оснащенная современной научно-технической базой. Экспертные учреждения созданы при министерствах юстиции, здравоохранения, а также в системе некоторых других ведомств. Экспертные учреждения Министерства здравоохранения СССР заняты в основном производством экспертиз, связанных с разрешением вопросов медицинского характера. Иные задачи у экспертных учреждений Министерства юстиции СССР. Кроме различных видов криминалистических экспертиз они также проводят судебно-бухгалтерские и судебно-автотехнические экспертизы.

Что же представляют собой экспертные учреждения системы Министерства юстиции СССР и каковы основные направления их деятельности? Каждое звено этой системы представляет научно-исследовательский комплекс (институт или лаборатория), в котором работают специалисты различных областей знаний: юристы, физики, химики, биологи, инженеры различного профиля, почерковеды, математики и другие. Головным институтом по проблемам судебной экспертизы является Всесоюзный научно-исследовательский институт судебных экспертиз (ВНИИСЭ), который не только обеспечивает производство наиболее сложных первичных, а также повторных экспертиз, но и проводит научно-исследовательские работы по проблемам судебной экспертизы, координирует в этом направлении деятельность периферийных экспертных учреждений.

Каждый институт или лаборатория состоит из подразделений, занимающихся, как правило, производством экспертиз определенного вида. В целом в учреждении сосредоточивается производство как традиционных видов судебной экспертизы, существующих уже многие десятилетия: почерковедческая, баллистическая, трассологическая, техническая экспертиза документов; так и относительно недавно появившихся экспертиз: экспертиза материалов, веществ и изделий (наиболее частыми объектами исследований здесь можно назвать горюче-смазочные, лакокрасочные вещества, волокна и тому подобное), экспертиза почв и другие.

Любой объект экспертного исследования, будь то чернильные записи в старом документе, отпечатки пальцев на рукоятке ножа,

остатки почвы на обуви подозреваемого в преступлении, микрочастицы волокон и других наложений на одежде, как правило, требует применения комплекса технических приемов и средств, с тем чтобы объективно и полно ответить на вопросы следствия или суда.

...На обочине проселочной дороги, за околицей небольшого населенного пункта был обнаружен труп гражданина Г. По характеру следов повреждения на теле и одежде потерпевшего было ясно, что он сбит автомобилем, следовавшим в районный центр, расположенный в нескольких километрах от места происшествия. Через несколько часов на улице райцентра был обнаружен и задержан автомобиль марки «Жигули», на капоте которого имелись незначительные вмятины. Водитель заявил, что никакого наезда он не совершал. При осмотре автомобиля на правой передней подвеске были обнаружены две серовато-бежевые нити. Перед следователем, естественно, встал вопрос, не принадлежат ли данные нити одежде потерпевшего. Была назначена комплексная экспертиза, производство которой было поручено экспертам различных специальностей.

В процессе исследования с применением сложного химического и молекулярного спектрального анализа в различных зонах спектра, электронно-микроскопического исследования определялась природа волокон и характеристики входящего в них красителя как на ткани одежды гражданина Г., так и на обнаруженных нитях. В результате анализа было установлено, что нити, изъятые с автомобиля «Жигули», и нити брюк гражданина Г. имеют одну и ту же природу волокон: состоят из смеси шерстяных и химических волокон (лавсана), одинаковы по цвету, толщине нитей, степени их изношенности и структуре пряжи, классу и марке красителей. В совокупности эти признаки позволили экспертам с большой степенью вероятности констатировать, что нити, обнаруженные на автомобиле «Жигули», принадлежали ранее ткани брюк потерпевшего. После предъявления заключения экспертизы водителю автомобиля «Жигули» последний признался в наезде. С помощью этого заключения впоследствии были добыты также и другие доказательства, подтверждавшие, что наезд был совершен водителем автомашины «Жигули», на которой обнаружены серовато-бежевые нити.

Для производства экспертиз используются самое современное оборудование и приборы. Универсальные микроскопы, спектрографы, спектрофотометры, газовые хроматографы, рентгеновские установки, приборы для механического и оптического профилирования, фото и киноаппаратура — эти приборы являются сейчас необходимой принадлежностью любого экспертного учреждения. Богатый технический

арсенал в руках опытных специалистов служит тем инструментом, с помощью которого следствие и суды получают важные по делу доказательства.

Безусловно, научно-техническая база экспертных учреждений постоянно совершенствуется с тем, чтобы быть на уровне современных требований и отвечать потребностям следственной, судебной и экспертной практики. Министерство юстиции СССР и министерства юстиции союзных республик разрабатывают научно обоснованные годовые и перспективные планы технической оснащенности экспертных учреждений. Наряду с производством экспертиз в наиболее крупных экспертных учреждениях ведутся научные изыскания по разработке новых приемов и методов исследования поступающих на экспертизу объектов. Результаты научных исследований в виде готовых методов и методик, прежде чем поступить на вооружение экспертов, проходят тщательную проверку и только после этого внедряются в экспертную практику.

Качество судебных экспертиз в значительной степени зависит от квалификации и профессионального мастерства кадров. В соответствии с Положением об организации производства экспертиз в экспертных учреждениях системы Министерства юстиции СССР судебный эксперт должен обязательно иметь высшее образование и только в исключительных случаях, при наличии большого практического опыта по специальности, могут быть допущены к этой ответственной работе лица со средним специальным образованием.

Министерство юстиции СССР осуществляет систематическую подготовку и переподготовку экспертов — на всесоюзных и республиканских научно-практических семинарах и специально созданных для этого курсах. Кроме того, эксперты проходят производственную практику в ведущих экспертных учреждениях, а также в научных учреждениях других ведомств. В последнее время введено очное стационарное обучение экспертов различных специальностей во Всесоюзном институте усовершенствования работников юстиции.

Молодые специалисты, пришедшие на работу в экспертные учреждения, прежде чем стать судебными экспертами, проходят в соответствии с существующей специализацией курс обучения. Специально созданная комиссия принимает у них государственные экзамены на право самостоятельной подписи экспертиз. Только после этого сотрудник получает право проводить экспертизы.

В дальнейшем специалисты экспертных учреждений, занятые производством судебных экспертиз, периодически проходят аттестацию, при которой с учетом деятельности того или иного эксперта решается вопрос о соответствии занимаемой должности и возможности

обеспечения им производства экспертиз на достаточно высоком профессиональном уровне.

Говоря о деятельности судебно-экспертных учреждений, необходимо остановиться на профилактике, которую они проводят. Эксперт, действуя в соответствии с процессуальным законом, на основе своих специальных познаний, в процессе исследования поступающих к нему объектов и материалов конкретных уголовных дел устанавливает причины и условия (обстоятельства), которые способствовали или могли способствовать совершению правонарушений.

На основе выявленных в процессе исследования данных экспертами разрабатываются мероприятия по устранению причин и условий совершения преступлений. Профилактические исследования по конкретной экспертизе проводятся экспертом как по заданию органа, назначившего экспертизу, так и по собственной инициативе. Так, при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы по уголовному делу в отношении работников одного из маргариновых заводов была установлена крупная недостача готовой продукции. Документальное исследование показало, что длительному сокрытию недостачи продукции способствовало то, что она списывалась за счет необоснованного перекрытия недостачи искусственно созданными излишками жирового сырья. Это противоречило требованиям основных положений по проведению инвентаризаций. Эксперты также установили, что действующие нормы естественной убыли при хранении и перекачках масложировой продукции распространялись в одинаковой степени как на нерасфасованную, так и расфасованную продукцию. Это была одна из лазеек для расхитителей.

По рекомендации экспертов заинтересованным ведомствам было предложено изменить существующий порядок списания естественной убыли готовой продукции и внести необходимые изменения и уточнения в действующие инструкции.

В свете выполнения программных требований нашей партии все более возрастает роль экспертных учреждений в работе по предупреждению преступлений и иных правонарушений. Специальные познания экспертов стали шире и полнее использоваться следственными органами и судами при исследовании причин и условий, способствующих совершению преступлений, и разработке мер, направленных на их предупреждение.

ВЯЧЕСЛАВ СТЕРИН

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН МОЗДОКА

О Ч Е Р К

Реж — уютный районный городок, лежащий на пути из Свердловска в Тюмень. Знаменит он своим заводом, который ровесник городу, поставлен два века назад по указу Петра Первого. Теперь, глядя на огромные пролеты цехов, нельзя представить, что на этом месте стояли закопченные коробки первых железоделательных мастерских. В последние годы Реж превратился в современный город — исчезли деревянные ветхие постройки, на их месте выросли современные дома со всеми удобствами...

В центре города, на широкой площади, взметнулся шпиль памятника погибшим землякам. Рядом плещутся волны городского озера, бьются о высокую бетонную дамбу — гордость режевчан. У памятника день и ночь стелется на ветру пламя Вечного огня.

Каждый год — в день Победы — приходят к памятнику ветераны Великой Отечественной войны. Приходят строем, некоторые в военной форме. Майское солнце высвечивает ордена и медали, ветер шевелит поседевшие волосы бывших солдат и командиров, отстоявших страну в грозные военные годы. И в этом строю на правом фланге шагает Евгений Саватеевич Хорьков, кавалер орденов Славы II и III степени, ордена Красной Звезды, председатель Режевского городского народного суда.

Он участвовал в боях за Моздок, воевал на «огненной» Малой земле под Новороссийском, он помнит бои на перевалах Индюк и Семашхо под Туапсе и атаки немецких егерей. Помнит он и каменистый берег под Керчью, помнит страшную и трагическую переправу в мае 1942 года на Таманский полуостров. Но он помнит не только отступления, помнит он и победы. В рядах 117-й стрелковой гвардейской дивизии старшина, а затем лейтенант Хорьков дошел до Берлина. Первомайский рассвет 1945 года его взвод встретил возле Имперской канцелярии — прямой наводкой били артиллеристы по логову фашистского зверя.

Последние двадцать лет земляки избирают Евгения Саватеевича Хорькова народным судьей. Они знают: не посрамил Хорьков родного Урала в боях Великой Отечественной войны. Знают они, что их судья удостоен звания «Почетный гражданин города Моздока» за то, что в тяжелое время боев вытаскивал из-под обломков домов мирных жителей — детей и женщин. Его не забыли моздокцы. И до сих пор к нему в Реж идут письма от тех, кого он спас в те грозные дни.

...Было это десять лет назад. Сыну Андрею шел пятнадцатый год. Сидели они вечером в кабинете — так было заведено в семье: отец и сын занимаются вместе. Андрей шелестел страницами учебников, сердито пыхтел — отец искоса поглядывал на него, «Видать, задачка трудная», — прятал улыбку Хорьков. Но особенно приглядываться не было времени — надо было вникать в дело, которое предстояло слушать в суде. Дело было запутанное... И вдруг его отвлек вопрос сына:

— Отец, тебя когда приняли в партию?

— Почему это тебя заинтересовало? На фронте меня приняли... В сорок втором под Моздоком...

— Расскажи!

— Был бой... Подбила наша батарея 13 немецких танков. Я корректировал огонь — лежал в окопе возле самого Терека. По окопу не раз танки прокатывались — но окоп-то я на славу отрыл, не завалился... А вечером в блиндаже на собрании дивизиона приняли в партию.

А в памяти Евгения Саватеевича возникло каменистое плато над Терекком, окоп с коробкой полевого телефона в нише, сполохи разрывов, голубые лапы прожекторов, шарящих в ночном небе. И голос взводного: «Хорьков, ползи в штаб на собрание, я за тебя тут побуду!»

Возник также штабной блиндаж, тусклый, дрожащий от дыхания людей огонь коптилки, сделанной из снарядной гильзы, проступили из мрака прошедших лет осунувшиеся лица бойцов и командиров, зазвучал в ушах хриплый, простуженный голос комиссара их 8-й отдельной гвардейской стрелковой десантной бригады Петра Ивановича Жикина: «Кто за то, чтобы принять кандидатом в члены ВКП(б) командира взвода разведки Хорькова Евгения Саватеевича — прошу поднять руки. Единогласно! Итак, Хорьков, отныне ты большевик. Помни это... Там, где другие шаг вперед делают — большевик обязан три сделать. Понял?»

А сразу же после собрания начался артналет — фашисты снова бросились в атаку. Никогда он не забудет той ночи — немецкие прожекторы слепили глаза, в их голубовато-мертвенном свете двигались, стреляя на ходу, ревущие танки. Фонтаны разрывов, грохот пушек, свист пуль, трассирующие очереди пулеметов, а над головой освещающие ракеты — и такое чувство, что нигде не укрыться от немецких танков и снарядов. Ну разве это можно передать словами?

— Вот и все, — сказал Хорьков и погладил голову сына. — А почему все-таки тебя это заинтересовало, сынок?

— Завтра меня принимают в комсомол, — ответил Андрей.

Они помолчали. Потом сын спросил:

— Сложное дело, отец? — и кивнул на пухлый том дела, которое лежало перед отцом.

— Несложных дел не бывает. Каждое сложно, потому что за каждым делом человек, судьба его.

Дело, которое он листал, действительно было сложным и запутанным.

Следствие установило, что Милюкова Тамара, ранее неоднократно судимая, занималась кражами денег и носильных вещей из квартир граждан, с которыми специально для этого знакомилась. Вместе со своим сообщником Пьяных Милюкова совершала также кражи из деревенских магазинов. На первый взгляд, расследование было проведено основательно: составлены подробные планы, и пунктиром вычерчены пути Милюковой и ее сообщника в кладовые магазинов, опрошены свидетели. Но только на первый взгляд! А стоило вчитаться в пухлые тома уголовного дела повнимательнее, как сразу же возникало много вопросов. И прежде всего о «сообщнике» Милюковой Пьяных. У него следователь при обыске обнаружил ботинки и костюм точно такого же фасона, что и похищенные ботинки и костюмы из магазина геологоразведки в деревне Липовка. Следователь инкриминировал хищение Пьяных, а тот заявил: купил эти вещи совсем в другом городе! А разве это улика — костюм и ботинки? Точно такие же костюмы завозятся в десятки магазинов области. В объяснениях Пьяных была логика — ничего не скажешь...

Однако Милюкова показывала: да, это она совместно с Пьяных похитила костюмы и ботинки, а также отрезки шерстяных тканей из магазина. И даже раскрывала «детали»: Пьяных, мол, лопатой сорвал с дверей магазина замок, помогал ей выносить вещи на улицу, прятать в кустах. В другом магазине, по словам Милюковой, тот же Пьяных разобрал кирпичную кладку подсобки, и они через пролом проникли внутрь помещения. Действительно, если подумать, то вряд ли под силу женским рукам такая «работа». Но Пьяных виновным себя не признавал и показывал, что Милюкову никогда до ареста не знал и увидел только в милиции.

Почему следствие не обнаружило других вещей у Пьяных? Успел сбыть? Но отчего Милюкова не успела сбыть? Как-то нелогично — обычно сообщники добычу сплавляют вместе, а тут все наоборот. Милюкова обвиняется в 21 краже, 11 она якобы совершила совместно с Пьяных, а тот даже не знал адреса квартир, в которых они воровали деньги.

Просматривая в тот вечер показания Милюковой, рассматривая фото, на которых она показывала, как проникала в тот или иной магазин, он никак не мог отрешиться от недоумения: отчего же следователь не вывозил на места преступлений Пьяных, не фотографировал того у разобранный кирпичной кладки? После показаний Милюковой о краже в Липовке возникло у него сомнение — он неоднократно бывал в той деревне, часто заходил в магазин и помнил: полка с товарами находится справа от прилавка! А Милюкова показывала: Пьяных встал на прилавок и достал отрез сукна с полки... Значит, она сама не была в этом магазине, а взяла на себя чужое дело. Заодно оговорив Пьяных! Но зачем, зачем — ломал он голову. И пришло решение: выехать всем составом суда на место преступления! Он чувствовал: у следствия явно не сходились

концы с концами. Он догадывался: Милюкова что-то скрывает, хитрит.

В ноябрьский непогожий день суд выехал в Липовку. В деревню приехали к обеду: дорога была неважная, с утра сеялся мелкий надоедливый дождь, машины часто буксовали. Возле магазина он обратил внимание на поведение Милюковой: та заметно нервничала, ежилась, кусала губы.

После исполнения обычных формальностей состав суда и подсудимые прошли в магазин.

— Милюкова, вы подтверждаете свои показания, данные на предварительном следствии и в судебном заседании? — задал он ей вопрос.

— Подтверждаю, а как же? — недоуменно пожала плечами Милюкова.

— Покажите, Милюкова, как Пьяных достал отрез материи с полки?

В магазине возникла нервная тишина — все следили за Милюковой.

— Как, как — говорила уже! Взобрался на прилавок и руку протянул к... — и тут бледность покрыла ее лицо, на лбу вспухли капли пота — Милюкова заметила расположение полок и осеклась. Она хрипло дышала.

— Ладно, начальнички, ваша взяла, — произнесла она после паузы, — везите обратно в суд — расскажу без утайки. Сашку, сожителя своего, спасала — думала, пусть он на воле пока погуляет, все, может, когда передачу в колонию придет, Вот и взяла его дело на себя, а этот мужик вообще ни при чем.

В суде Милюкова написала заявление, указав причины оговора Пьяных. Дело он возвратил на новое расследование — Пьяных изпод стражи суд освободил. А вскоре Хорьков получил письмо, которое до сих пор хранит в сейфе: «...Еще раз благодарю вас лично и состав суда за выполнение вашего долга судьи и за то, что вы разобрались в том деле и спасли меня от незаслуженного наказания, вернули мне свободу... Искренне ваш — Пьяных...»

«Сложное дело? А бывают ли простые дела?» — Хорьков задумывается. И вспоминает...

Несколько лет назад в городской суд поступило исковое заявление от гражданина Матросова*. Вот что он писал в заявлении: «Матросова Нина Петровна, моя жена, родила мне сына в Режевском родильном доме. По приходе домой из больницы меня, как отца ребенка, взяло сомнение... у малыша на головке росли черные волосы... были черные глаза, смуглое тело... Мать моей жены стала меня уговаривать, что якобы глаза, кожа, волосы со временем должны измениться и станут светлее. Дело в том, что мы с женой оба — светлые, даже, скажем откровенно, — рыжие. Я поверил матери жены, но в душе осталось сомнение. Через несколько месяцев жену поло-

* Фамилии изменены.

жили в больницу с малышом. Однажды я пришел к жене в больницу и узнал, что к нам приезжали гости с поселка 75-го километра Курилловы и что они хотят с нами говорить о чем-то неотложном... Куриллова родила мальчика — лица его она не видела. Только заметила, что у ребенка была головка клином. Через 15 минут моя жена тоже родила мальчика. В палате после родов моя жена и Куриллова лежали вместе... Когда детей разносили на первое кормление, Куриллова, посмотрев на мальчика моей жены, подумала, что это ее ребенок, так как головка у того была продолговатая, клином. Но Куриллова об этом никому не сказала. Потом принесли малыша Курилловой, головка у того была нормальной... Через некоторое время у малыша Курилловой появились рыжие волосы на головке и на бровях. Всем Курилловым это было на удивление, так как у них вся порода была смуглой... После приглашения мы с женой и матерью жены привезли к Курилловым нашего малыша. Мы хотели поглядеть на малыша Курилловых. Их малыш очень походил на мою жену. Просьба как можно скорее разобраться и уточнить все данные о детях».

Суду предстояло решить очень сложный и деликатный вопрос. Научно разработана методика, позволяющая с большой долей достоверности установить, является ли ребенок ребенком именно этих, конкретных родителей. Передача антигенов (особых белков, находящихся в красных кровяных шариках — эритроцитах) от родителей к детям подчиняется строгим законам наследования признаков. К примеру, если у отца и у матери группа крови А, то от них не может родиться ребенок с группой В. И первое, что сделал судья — направил родителей вместе с детьми на экспертизу. Но Хорьков не ограничился этим. Так как об истории с детьми Курилловых и Матросовых знали многие жители города и с нетерпением ожидали, как же поступит суд, Евгений Саватеевич решил продемонстрировать широкие возможности современной науки даже в таких исключительно сложных вопросах. И сделать это как можно нагляднее. Хорьков знал о методах работы профессора Герасимова, восставившего портрет Ивана Грозного по черепу. Возникла мысль обратиться в Москву, к Герасимову с просьбой помочь городскому суду по фотографиям родителей и младенцев определить, кому принадлежат дети.

Коллеги усмехались: полноте, да будет ли профессор затруднять себя? Хватит, мол, и выводов областной экспертизы... Но Хорьков все же написал профессору большое и взволнованное письмо. Он писал, что верит в его метод, надеется на его помощь. С этим письмом в Москву ушли фотографии родителей и детей. На обратной стороне фотокарточек родителей стояли их фамилии, фото детей таких надписей не имели.

Наконец почта принесла объемистый конверт с московским штемпелем. Это был ответ профессора Герасимова — его выводы подтверждали выводы экспертизы. Герасимов прислал и подробное объяснение того, как использовать его метод для доказательств, писал о том, как исследовались фотографии родителей и детей в его лаборатории.

К этому времени были готовы уже результаты экспертизы по крови: «...Мальчик Саша не может быть ребенком Матросовых, а

может быть (не исключается) ребенком Курилловых.. У матерей Курилловой и Матросовой мог произойти (не исключается) обмен детей...»

Когда слушалось это дело, в тесном судебном зале, как говорится, яблоку негде было упасть. Люди стояли в проходах, сидели на подоконниках, кому не посчастливилось попасть в зал — тянулись на цыпочках, выглядывали из-за плечей впереди стоящих, ловили каждое слово.

Он огласил исковое заявление, заключение судебно-медицинской экспертизы. Затем перешел к письму Герасимова, показал матерям увеличенные фотографии их самих и детей, расчеты профессора. И почувствовал, с каким удовлетворением и доверием восприняли все сидящие в зале решение суда. Нет, все-таки нелегко бывает человеку удостовериться в своей правоте, осознать, что ребенок, которого кормили и нянчили, — не твой... Он видел, как стоят слезы в глазах тех, кто был в зале: у нянечек и медсестер роддома, и подумал, что они себя будут казнить строже всяких администраторов, что вряд ли теперь что-нибудь подобное сможет произойти в их городской больнице...

Было оглашено и частное определение. В нем предлагалось администрации усилить контроль за работой нянь и медсестер в родильном отделении.

...Не сразу улеглись страсти в городе, разбуженные этим делом. Коснулись они тогда даже его семьи. Как-то на рыбалке, когда над костром ворчал котелок с закипающей ухой, спросил его с усмешкой Андрей:

— Отец, а меня случайно не перепутали в роддоме?

— Что-о? — он задохнулся от приступа смеха. — Почему ты задаешь такие вопросы?

Андрей охотничьим ножом выстругивал колышек из березовой ветки, чтобы пробовать в котелке рыбу. Солнце опускалось за косматые вершины сопок на другом берегу реки. Было тихо, только бульканье ухи да шорох падающих оземь листьев с берез нарушали тишину. Шел Андрею тогда уже восемнадцатый год, готовился он к армии.

— Был я на суде, когда детей возвращали. И подумал: почему я блондин, а ты какой-то сивый...

— Нет, тебя не перепутали. В твои годы и у меня были волосы, как пшеница. Война меня перекрасила, сынок. В мае сорок второго — я ж тебе говорил, ранило меня в ногу под Керчью. Еле дополз до берега, взяли меня на мотобот. Считай, последний мотобот, который уходил на Тамань. Повезло... А перед Таманью берег уже виден, осталось метров триста — на мотобот спикировал «юнкерс»... Одни щепки от него остались. Плавать я особо не умел, не на море же вырос, а тут еще раненая нога. Глотаю водичку соленую, перед глазами оранжевые круги, и тащит меня к берегу за ворот гимнастерки морячок. Кричу ему, мол, брось меня, братишка, спасайся сам, а он мне в ответ: «Чтоб ты меня сволочью на том свете считал? Нет уж, корешок, плыви вместе со мной!» И дотащил до берега. Лежим на песке, дышим, как загнанные кони, улыбаемся друг другу: мол, выжили, мол, еще повоюем... А над нами «мессер» тут как тут — мнс ни одной пули не досталось, а у него в спине больше десятка дыр

оказалось... А было ему, между прочим, столько, сколько тебе... В госпитале глянул я на себя — а волосы-то мои совсем в другой цвет окрасились. Вот с тех пор я уже никогда и не был блондином... Уразумел?

— Угу, — сосредоточенно ответил Андрей и ткнул колышком всплывшего окунька. — Уха готова, отец... Да я это так, для смеха спросил.

— То-то, — улыбнулся Евгений Саватеевич... — Перепутали... Тебя перепутаешь...

Как быстро летит время! Андрею уже двадцать пять. Кончает институт. Но и сегодня, как и тогда, сын и отец одинаково понимают многие важные вещи, одинаково стремятся отдать свой долг людям. Долг судьи! Хорьков часто думает об этом. Он не только в том, чтобы карать преступников. Он подразумевает, что судья сделает все, что в его силах, чтоб не было условий для правонарушений... Долг требует: мало еще осудить преступника, надо до конца разобраться в причинах, при которых стало возможно данное преступление.

— ...Суд удаляется на совещание для вынесения приговора!

Эта фраза подводит итог судебным прениям, последним словам подсудимых. В совещательной комнате будут взвешены словно на весах дела и проступки подсудимых и определено наказание за содеянное. Начинается томительное ожидание для подсудимых в камере, неприкаянно слоняются по судебным коридорам родственники тех, кого увел конвой из зала. Да и представители обвинения и защиты неспокойны — через час, через два четко и недвусмысленно будет оценена их работа и станет ясно, с чьей точкой зрения согласился суд. Сегодня же в Режевском городском суде очень много родственников: слушалось дело о преступлении несовершеннолетних, и потому в коридорах толпятся заплаканные матери, нервно курят отцы в уголках. Обвинялись подростки в «совершении особо опасных хулиганских действий и грабеже»...

Фабула дела несложна. Трое подростков праздновали с приятелями по общежитию получение первой зарплаты. Никто из них и не собирался совершать преступление, не собирался избивать и грабить прохожих, когда поднимал стакан с вином. Двое потерпевших тоже не собирались стать потерпевшими, вечером они «обмыли» очередную зарплату. Троице подросткам в общей сумме 50 лет, двоим потерпевшим — 60! Выпив, подростки вышли на улицу — послушать гитару, покурить на свежем летнем воздухе, пошутить с девчонками. А курева-то как раз ни у кого не оказалось. По улице ковыляли двое пьяных. Один из подсудимых подошел к пьяным, спросил закурить. У тех не оказалось. Пережить это унижение — на тебя смотрят товарищи, девчонки из соседней «общаги», а какие-то типы отказывают тебе в бросовой сигаретке? Подсудимый ударил пьяного мужчину в челюсть — тот упал. Подбежали еще двое, упавшего пинали ногами, до тех пор пока тот не уполз под стоявший рядом трактор. А у второго пьяного, который успел сам свалиться на асфальт, один из подсудимых вытащил бумажник и дал стрекача. Милиция быстро задержала хулиганов и грабителей, отыскали потерпевших. Задержанные сразу признались во всем и все чистосердечно рассказали.

Несложное, право, дело, а сколько сложных вопросов поставило враз.

Родители, приехавшие из другого города области, склонны были во всем винить местные власти: у ребят, де, не было сносной спорт-площадки, красный уголок, мол, закрыт на ключ, нет кружков, а клуб завода, где работали подсудимые, от общежития далеко — на другом конце города. Они заявляли на суде, что их дети, когда жили вместе с ними, не употребляли и капли спиртного, не курили, были весьма примерными детьми — занимались спортом, помогали им по хозяйству... Представитель завода резонно замечал, что если молодой парень интересуется боксом или танцами, то ему необязательно покупать портвейн «Южный» и накачивать себя до скотского состояния, а пройтись полтора километра до клуба и спортзала все-таки лучше для здоровья и общества, чем пить вино тайком и слушать гитару в подъезде... Хотя, конечно, он признавал, что красный уголок обязан работать, да и спортплощадка должна быть при общежитии... Неужели — будь потрезвее взрослые, «обмывавшие» получку, не смогли бы они противостоять трем несовершеннолетним хулиганам? И разве было бы начато уголовное дело, если бы взрослые дали отпор пьяным подросткам? Конечно, нет... Но для этого они должны были быть трезвыми... А затем — неужели в общежитии разрешается распивать вино бывшим воспитанникам ГПТУ, только две недели назад ставшим рабочими?

И вот приговор... Суд определил всем трем одинаковую меру наказания — год лишения свободы с содержанием в воспитательно-трудовой колонии. Суд также вынес частные определения в отношении предприятий, где работали потерпевшие, указав, что такое поведение в дни получки не украшает данных граждан. Суд вынес также частные определения, которые направил администрации завода, где хотя и недолго, но работали осужденные, — к молодым рабочим надо относиться повнимательнее... Приговор был понятен всем и ни у кого не вызвал протестов.

Конвой увез осужденных в тюрьму, медленно расходились убитые горем родители несовершеннолетних преступников, тихо и пустынно становилось в здании суда. Секретарь прятала в сейф бумаги и дела, строя планы на предстоящую субботу, расходились адвокаты...

Хорьков в своем кабинете записал в настольном календаре: «В субботу зайти в общежитие завода»...

г. РЕЖ, СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

В. ЦЕПКОВ,
генерал-майор внутренней
службы, начальник управления
внутренних дел
Мособлсполкома

НАЙТИ ПОМОЩНИКОВ

О милиционере сложилось мнение как о человеке, выходящем на схватку с преступником. Что же, это правда. Сотрудники уголовного розыска, служб ГАИ, аппаратов следствия и БХСС должны обладать кроме профессиональных навыков профессиональной смелостью, недюжинной силой, храбростью. Все это так.

Но сейчас не менее важной милицейской службой становится служба профилактики, служба ранней диагностики и предотвращения правонарушений. Сотрудники новой службы наиболее тесно связаны с широкими слоями населения. Успех их работы зависит от того, насколько люди будут доверять милиции, я бы даже сказал — любить милицию, идти в милицию за советом, помощью, идти с горем и бедой. Поэтому сотрудник новой службы должен обладать еще и добротой, деликатностью и главное — умением расположить к себе людей.

В Отчетном докладе XXIV съезду КПСС Леонид Ильич Брежнев сказал: «Серьезной задачей остается борьба с преступностью. За последнее время установлена более строгая ответственность за некоторые виды правонарушений. Наряду с применением мер наказания, предусмотренных законами, у нас проявляется все большая забота о профилактике преступлений, о том, как их предупредить, не допустить». Эта задача поставлена партией перед всеми коммунистами и в первую очередь перед коммунистами органов внутренних дел.

Нашим обществом уже накоплен большой опыт профилактической работы. Назову лишь некоторые, наиболее действенные формы: комиссии по делам несовершеннолетних и комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом при исполкомах Советов депутатов трудящихся, движение наставничества, добровольные народные дружины, товарищеские суды и посты народного контроля, военно-спортивные лагеря для трудных подростков, работа по месту жительства, детские комнаты милиции.

Сегодня на повестку дня поставлен вопрос о более целенаправленной работе всего нашего общества, всех коммунистов по искоренению преступности.

Одной из форм претворения этой идеи в жизнь явилось создание в составе органов внутренних дел службы профилактики. Созданию новой службы предшествовала большая аналитическая работа.

Какие задачи поставлены перед новой службой? Прежде всего — изучение причин, порождающих правонарушения, и условий, способствующих их совершению, разработка на этой основе конструктивных рекомендаций и предложений по устранению причин и условий противоправного и антиобщественного поведения, внесения их в заинтересованные государственные и общественные органы; самая широкая информация руководителей предприятий, учреждений, организаций обо всем отрицательном в правоохранительном отношении.

Было определено, какие категории людей дают нам рост преступности. В первую группу были выделены люди, злоупотребляющие спиртным. Во вторую — бывшие осужденные. В третью — так называемые трудные подростки.

Из сотрудников милиции, «отвечающих» за исправление и перевоспитание этих лиц, решено было составить новую службу.

В 1971 году на базе Коломенского отдела внутренних дел был проведен эксперимент. Там создали отделение профилактики.

Уже первые шаги новой службы доказали жизненную необходимость постоянной связи с общественностью. Потому что участковому инспектору, выявившему пьяниц и дебоширов, проводящему беседы воспитательного характера, одному, без широкой помощи общественных организаций фабрики, завода, где работает его «подопечный», не решить положительно вопроса перевоспитания. Инспектору детской комнаты милиции, поставившему на учет подростка из неблагополучной семьи, опять-таки одному (или даже с помощью шефа) не предотвратить будущих правонарушений несовершеннолетнего. Одному, без помощи комсомольской, пионерской организаций школы, родительского комитета, без помощи тех учреждений, которые могут воздействовать на нерадивых родителей. Так же как начальнику инспекции исправительно-трудовых работ, инспектору части, осуществляющему административный надзор, одному не решить проблему трудоустройства и перевоспитания в трудовом коллективе бывших осужденных, условно осужденных. Потому что мало просто трудоустроить людей со сложной, исковерканной судьбой. Нужно, чтобы трудовой коллектив вдумчиво, требовательно и непременно справедливо относился к таким людям, нужно, чтобы общественные организации повседневно мудро и ненавязчиво вели работу по перевоспитанию.

Надо сказать, что партийные, советские органы, общественные организации Подмоскovie профилактики правонарушений уделяют большое и неослабное внимание.

В мае 1971 года бюро МК КПСС рассмотрело вопрос об эффективности воспитательной работы среди населения по месту жительства и профилактике правонарушений. Немного позднее исполком Мособлсовета принял решение «О мерах улучшения работы по профилактике правонарушений в Московской области».

Сессия областного Совета депутатов трудящихся обсудила вопросы организации воспитательной работы и профилактики правонарушений в Можайском и Люберецком районах. Большой трудо-

вой подъем вызвало Обращение областного Совета ко всем трудящимся с призывом превратить Подмоскovie в область образцового общественного порядка и высокой культуры быта.

Вопросы укрепления социалистической законности и профилактики правонарушений обсуждены на пленумах всех горкомов и райкомов партии, сессиях городских и районных Советов депутатов трудящихся, собраниях партийного, профсоюзного, комсомольского активов. Разработаны и утверждены мероприятия, направленные на повышение роли общественных организаций в профилактике правонарушений.

Чуть позднее исполком Мособлсовета постановил создать в области опорные пункты охраны порядка для более целенаправленной профилактики правонарушений по месту жительства.

Сейчас в области создано более ста опорных пунктов.

При опорном пункте микрорайона решением бюро ГК КПСС и исполкома городского Совета депутатов трудящихся создается совет опорного пункта из 9—11 человек. В состав совета входят заместитель секретаря парткома головного предприятия микрорайона, секретарь или заместитель секретаря комитета ВЛКСМ, командир или начальник штаба ДНД, заместитель начальника ЖКО; председатели домовых и уличных комитетов, товарищеских судов, депутатских групп, родительских комитетов школ; воспитатели общежитий и детских комнат; работники милиции и представители других учреждений, расположенных в микрорайоне.

Работу общественности и милиции в опорном пункте направляют ГК КПСС и исполком городского Совета депутатов трудящихся через совет опорного пункта.

Приведу к примеру, как в положении об опорном пункте, утвержденном совместным решением бюро ГК КПСС и исполкома горсовета Электростали, записаны права и обязанности совета опорного пункта.

«Совет опорного пункта организует проведение идеологической и воспитательной работы среди населения микрорайона. Обеспечивает строгое соблюдение советских законов и правил социалистического общежития. Принимает меры по активному привлечению к этой работе жителей микрорайона.

Ежемесячно на своем заседании заслушивает вопросы укрепления общественного порядка в микрорайоне, отчеты руководителей групп общественности и работников милиции о состоянии практической работы, о мерах по совершенствованию ее форм и методов.

Вносит предложения в партийные и советские органы, руководителям предприятий и учреждений, в административные органы об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушений в микрорайоне.

Ходатайствует о поощрении представителей общественности и работников милиции, отличившихся в работе по охране общественного порядка и проведении индивидуальной профилактики правонарушений».

Надо сказать, что коммунисты и комсомольцы города Электростали, городского отдела внутренних дел понимают меру своей ответственности. Недаром из года в год добровольная народная дружина города занимает в соревновании ДНД Подмоскovie призовые

места, А на одном из совещаний сотрудников милиции области была отмечена вдумчивая работа старшего участкового инспектора майора милиции Геннадия Петровича Китова. Опорный пункт «Восточный» — один из лучших опорных пунктов области.

За последние три года в городе наблюдается последовательное сокращение преступности.

Чем объяснить такие результаты? Главное — это координированность действий всех общественных организаций, входящих в совет опорного пункта. Ежемесячно на заседаниях совета отчитываются председатели секций и одновременно намечаются меры по устранению вскрытых недостатков.

Председатель секции товарищеских судов докладывает о всех делах, которые разбирали товарищеские суды. О квартирном скандале, о пьяном дебоше около магазина, о мелком хулиганстве подгулявшего рабочего. Это сообщение — как сигнал для действий ДНД. Командир тут же намечает новые маршруты дружинников. Это сообщение — и как руководство к действию для сотрудников детской комнаты милиции: они намечают проверки этих неблагополучных родителей, с тем чтобы выяснить, нормальные ли отношения в семье, как растет там подросток, в каком климате формируется его характер.

Когда же рассказывает о работе сотрудник детской комнаты милиции, то в блокнотах членов товарищеских судов появляются пометки («поговорить с родителями»), представителей школ и родительских комитетов («внимание на уроке», «выяснить каждый случай непосещения школы»), «контакт с родителями», парторга предприятия, где работают родители подростка («поговорить с рабочим С.», «выяснить», «помочь»).

На примере опорных пунктов и общественность, и органы внутренних дел убеждаются: без взаимодействия не может быть успеха в предупредительной работе. Теперь и прежние традиционные профилактические формы углубляются. И общественные организации, и сотрудники органов милиции ищут (и находят) линии взаимодействия.

На ряде предприятий области активно и наступательно работают советы по профилактике нарушений норм права и дисциплины труда. На Ступинском металлургическом комбинате такой совет был образован в 1970 году решением партийного комитета и дирекции комбината. Совет заседает еженедельно, по четвергам. На заседания приглашаются работники, допустившие нарушения, и непременно мастера или другие руководители, в непосредственном подчинении которых нарушители работают.

Оказавшись перед лицом товарищей, среди которых большинство — такие же рабочие, как и он сам, даже отпетый нарушитель чувствует себя неуютно.

Но особенно действенной работа совета стала с тех пор, как на его заседания стали приглашать и участкового инспектора Александра Федоровича Савина.

— Теперь провинившийся знает, что и участковый инспектор, и общественность опорного пункта возьмут его под неослабный контроль, — рассказывает парторг комбината Алексей Иванович Батурин. — На этих же заседаниях наш Александр Федорович делает сообщения о тех отступлениях от норм поведения, которые допускают

иные рабочие за проходной комбината. Для нас такое сообщение — толчок, чтобы пристальнее присмотреться к человеку, побеседовать, разъяснить, если не понимает, или «применить иные меры общественного воздействия», как говорится в таких случаях.

На комбинате меньше стало прогульщиков, нарушителей трудовой дисциплины. На территории опорного пункта — меньше хулиганов, дебоширов, пьяниц.

А вот другой пример. Уже несколько лет исключительно интересно и насыщенно живет в городе Краснозаводске Загорского района детский клуб «Республика Красная гвоздика». Ребята здесь ведут летопись своей «республики», изучают основы журналистики, встречаются с ветеранами труда и войны, устраивают военно-спортивные игры. Летом «республиканцы» работают в соседних колхозах и совхозах, путешествуют по нашему прекрасному Подмосквовью, ездят на уборку урожая в молдавский колхоз, с которым давно по-дружили.

Много среди воспитанников «Красной гвоздики» бывших трудных. Инспектор детской комнаты милиции Валентина Владимировна Давыдова, зная умение и увлеченность организаторов «Красной гвоздики», направляет сюда ребят, состоящих на учете в детской комнате милиции. Работая в контакте, они добились многого: всего за время своей работы «Красная гвоздика» помогла исправиться 87 трудным подросткам.

И случаев сотрудничества общественных организаций и органов милиции все больше и больше. Они уже складываются в систему.

Формируя новую службу, мы вполне отдавали себе отчет, что для нее нужны люди, обладающие способностью убеждать, хорошие организаторы, имеющие склонность к общественной работе, которые начали бы приобщаться к ней в силу внутренней потребности. И вместе с тем люди добрые.

Если сегодня приходится отмечать успехи нашей молодой службы, то это прежде всего потому, что в самом начале основное внимание было сосредоточено на подборе таких людей, которые взялись бы за новое дело не по приказу, а по душевной склонности. Большую помощь оказала нам в этой работе областная партийная организация, советские и комсомольские органы, коллективы трудящихся, которые направили на работу в милицию, в том числе и в службу профилактики лучших коммунистов и комсомольцев, передовиков производства.

Хотелось бы назвать некоторых из них. Таких, как Василий Матвеевич Ерзунов. Это о нем, молодом организаторе детского клуба, десять лет назад писала «Комсомольская правда».

Беспокойный парнишка, о котором писала газета, теперь уже не Вася, а Василий Матвеевич. Живет он все в том же городе Ступино. Василий Матвеевич не утратил вкуса к общественной деятельности, ему по-прежнему чужда успокоенность. Только с годами в его делах и поступках стало больше уверенности, прибавилось опыта и деловой цепкости. Ныне В. М. Ерзунов — начальник отделения профилактической службы Ступинского городского отдела внутренних дел.

Более трех лет работает в отделении профилактики Электро-стальского ГОВД капитан милиции Иван Иванович Матиенко. В прошлом это один из лучших сыщиков, исключительно добросовестный

сотрудник, и не удивительно, что он стал умелым организатором индивидуальной предупредительной работы с ранее судимыми. Отвечая за организацию профилактики среди состоящих под административным надзором, И. И. Матиенко постоянно оказывает им помощь в трудоустройстве, принимает меры к закреплению за поднадзорными шефов и наставников, систематически лично проверяет соблюдение ранее судимыми установленных для них ограничений, привлекает к этой работе других сотрудников милиции и общественность. Десятки бывших осужденных благодаря кропотливой и настойчивой работе И. И. Матиенко твердо стали на путь исправления, работают на заводах и стройках, учатся в различных учебных заведениях. Многие из них оказывают милиции помощь в поддержании общественного порядка.

Подлинными энтузиастами своего дела являются майор милиции А. Ф. Кукушкин из Коломны, майор милиции В. Я. Тимашков из Щелкова, капитан милиции В. П. Куракин из Электростали.

В профилактике правонарушений мы, сотрудники милиции, нашли помощников понимающих, ответственно относящихся к делу, настоящих энтузиастов,— это общественные организации. Мы будем крепить этот союз.

В. И. Ленин указывал, что социалистического правопорядка можно добиться лишь в том случае, если сама народная масса помогает. Истинность этого положения еще раз подтверждена делом.

А. ЛЕБЕДЕВ,
следователь прокуратуры
Можайского района
Московской области

ИЗВЕЩЕНИЕ

Х Р О Н И К А О Д Н О Г О
Р А С С Л Е Д О В А Н И Я

У

тром 16 июня Таня Соколовская направилась к железнодорожной станции, которая находилась в трех километрах от деревни. День был теплый, солнечный, и идти по лесной тропинке было легко и приятно. Она прошла уже больше половины пути, когда на тропинке, в том месте, где к ней вплотную подступают кусты ивняка, появился мужчина. В правой руке у него тускло поблескивал небольшой топорик. Он неожиданно шагнул на-

встречу Тане и схватил ее за руку. Совсем рядом она увидела багровое и опухшее лицо незнакомца. Таня почувствовала резкий запах табака и винного перегара.

Другой рукой он выхватил Танину сумочку. Опустив топор и продолжая одной рукой держать девушку, мужчина попытался открыть сумочку, но у него это не получалось. Ее замок был довольно сложным. Рука, держащая Таню, ослабла, девушка рванулась, со всей силы толкнула грабителя и бросилась к деревне.

— Только бы не упасть... только бы не упасть,— сверлила голову одна-единственная мысль. По лицу текли слезы. Она размазывала их и бежала, бежала.

Таня уже не видела, как нападавший собирал оставленные ею вещи, как озирался по сторонам и, убедившись, что свидетелей не было, исчез в кустах. Она даже ни разу не оглянулась. Ей казалось, что дорожке, по которой она бежала, не будет конца. Но вот тропинка сделала крутой поворот, и Таня выбежала на край поля, на другом конце которого — рукой подать — была деревня. На поле мирно рокотал трактор. Несколько человек что-то снимали с прицепной тележки и складывали неподалеку. Только теперь Таня остановилась. К горлу подступила противная тошнота, в висках стучало и невыносимо ломило. Она опустилась на землю и долго лежала неподвижно, пока не почувствовала, что может встать и идти.

Дома Таня Соколовская, как могла, рассказала, что с ней только что произошло. Вместе с родителями она пошла сначала к участковому, а затем в поселковое отделение милиции.

Сотрудники милиции сразу же выехали на место происшествия. Они тщательно осмотрели тропу и прилегающие к ней кусты. Но никаких следов обнаружить не удалось. Потерпевшая подробно описала внешность преступника, его характерные приметы. Вспомнила она и то, что одет нападавший был в изрядно поношенный серый костюм. А через несколько дней сотрудники милиции задержали по подозрению в совершении этого преступления жителя одной из деревень, некоего Зворыкина Александра Матвеевича.

...Зворыкин категорически отрицал причастность к разбойному нападению. 16 июня, заявил он, никуда не отлучался с приусадебного участка. Жена Зворыкина, Любовь Николаевна Трофимова, подтвердила, что ее муж в тот день неотлучно находился на приусадебном участке и занимался хозяйством. То же самое говорили и его соседи. И все же у следователя было еще много сомнений.

Зворыкин вновь был доставлен для допроса.

— Вы, как и прежде, отрицаете, что 16 июня совершили разбойное нападение? — спросил его следователь.

— Послушайте, гражданин следователь,— усмехнулся задержанный,— если вы не можете найти действительного преступника, то и не пытайтесь «пришить» это дело мне. Все равно у вас ничего не получится. Попусту время теряете. А я этого так не оставляю.

— Скажите, Зворыкин, есть ли у вас костюм серого цвета?

— Был, гражданин следователь, был. Да только в самых первых числах июня жена перекрасила его и продала на барахолке. Может спросить у нее.

Обыск в доме Зворыкиных результатов не дал. Правда, были изъяты два топора. Соколовская заявила, что не может сказать, был

ли какой-либо из них у преступника в момент нападения. Оставалась единственная надежда — предъявить Зворыкина потерпевшей для опознания. Но тут произошло непредвиденное.

Из камеры предварительного заключения, где находился Зворыкин как подозреваемый, он был доставлен в кабинет начальника следственного отделения на допрос в час дня. Примерно в это же время в город приехала Соколовская. Прямо со станции она направилась в районный отдел внутренних дел. Хотя до опознания, на которое ее пригласили, оставалось еще часа полтора, Таня решила, что ничего предосудительного не будет, если придет пораньше.

— Вам кого? — спросил ее дежурный отделения милиции.

— Мне к майору... — и Таня назвала фамилию начальника следственного отделения.

— Вам срочно, девушка?

— Да, очень.

— Тогда пройдите, — улыбнулся он, — четвертая дверь налево.

Таня вошла в кабинет и замерла от неожиданности. Перед майором сидел и что-то объяснял ему человек, незнакомое лицо которого навсегда запечатлелось в ее памяти.

— Вы уже арестовали его, — взволнованно воскликнула она. — Подлец!.. Негодяй!.. Теперь вы за все... за все ответите. Это он, он тогда напал на меня!

Майор резко встал из-за стола и как-то странно и растерянно посмотрел на Таню... Ее неожиданное появление не позволило провести опознание. Ведь подозреваемого, как того требует закон, надо было предъявить для опознания вместе с другими лицами и в присутствии понятых. Зато у следователя прибавилась уверенность: преступник найден. Но надо было искать доказательства его вины, ибо он по-прежнему все отрицал.

Вот в таком виде дело о разбойном нападении на Соколовскую Т. А. поступило в прокуратуру. Следователь Анатолий Васильевич Кудрявцев изучил дело и составил план расследования.

Предполагая, что Зворыкин постарался уничтожить все вещественные доказательства, надо было вновь пройти по всем этапам преступления и попытаться найти то, что, возможно, первоначально было упущено. Анатолий Васильевич был убежден в том, что ни один преступник, даже самый опытный и осторожный, не может совершить преступление, не оставив при этом никаких следов. Нужно только уметь найти их, обнаружить.

На следующий день следователь выехал в деревню, где проживал Зворыкин, чтобы еще раз побеседовать с соседями и другими жителями. С десятками людей пришлось встретиться Анатолию Васильевичу. И вот один из жителей вспомнил, что Зворыкин в тот день нес две жерди для ремонта изгороди. Это уже было что-то новое.

— Вы убеждены, что он нес эти жерди именно 16 июня? — еще раз уточнил следователь.

— Вполне. Ведь это был последний солнечный день. Той же ночью разразилась гроза. С тех пор до сегодняшнего дня стоит пасмурная погода. Я тогда работал на своем участке в одних брюках, без рубашки. Загорал. Зворыкин было остановился поговорить со мной, но его позвала жена, и он ушел.

— Какой костюм был на Зворыкине, когда он нес жерди?

— Вот этого сказать не могу, не обратил внимания. А вот что он нес жерди — точно.

Следователь тут же запросил районную метеостанцию о состоянии погоды днем 16 июня, в ночь с 16 на 17 и в последующие сутки. Вскоре пришел ответ: действительно, днем 16 июня в районе стояла теплая солнечная погода. В ночь же с 16 на 17 разразилась сильная гроза, и в последующие дни погода установилась пасмурная, с частыми дождями.

Получив эти данные, Кудрявцев вызвал на допрос жену Зворыкина Трофимову.

— Я хочу у вас выяснить, что делал ваш муж по хозяйству 16 июня?

— Он весь день работал на приусадебном участке, — повторила она первые показания.

— Что именно он делал? — продолжал следователь.

— Ремонтировал изгородь, — ответила Трофимова.

— Чем же ваш муж ремонтировал ее?

— Не знаю, я не смотрела.

— Приносил ли он в тот день свежесрубленные жерди?

— Не знаю.

— А вот свидетель Чернышев показывает, что ваш муж 16 июня приносил две жерди и что вы также это видели. Вспомните, пожалуйста, так ли это?

— Ах, да. Правильно. Муж в тот день действительно приносил какие-то жерди.

После ухода Трофимовой Анатолий Васильевич еще раз проанализировал составленный ранее план расследования, внес в него соответствующие коррективы.

Теперь необходимо было встретиться с потерпевшей. И вот в его кабинете сидит Соколовская.

— Скажите, Таня, вы хорошо помните все обстоятельства происшедшего? Расскажите все, что тогда произошло, и как можно подробнее.

— Да что, собственно, рассказывать? Ведь все уже давно записано. Ничего нового я не скажу.

— Ничего, ничего, Таня. Давайте вспомним об этом еще раз.

Рассказ потерпевшей длился недолго. Когда Таня кончила, Анатолий Васильевич поинтересовался:

— А в чем вы сами были одеты в тот день?

— Погода тогда стояла теплая. На мне была только белая шелковая кофточка. Я это хорошо помню.

— Скажите, а какой рукав был у вашей кофточки: короткий или длинный?

— Длинный.

— Потом вы надевали ее? Стирали?

— Нет. Я тогда вечером сняла ее, повесила, так она и висит до сих пор.

— На предыдущем допросе вы говорили, что нападавший схватил вас за руку. Причем схватил крепко и так держал несколько минут.

— Да, я это подтверждаю и сейчас.

— В каком месте он держал вас за руку?

— Вот здесь, несколько выше запястья.

— Таня, нам необходимо осмотреть вашу кофточку. И, если вы не возражаете, то давайте прямо сейчас и сделаем это.

При осмотре кофточки на левом ее рукаве было обнаружено небольшое грязное сальное пятно, оставленное, по словам Тани, руками преступника. Кофточку изъяли и приобщили к делу.

Теперь следователь вызвал на допрос Зворыкина. После ознакомления с показаниями Чернышева и жены подследственный заявил:

— Точно, гражданин следователь, все правильно. Срубил я деревца на жерди. Но когда меня так неожиданно задержали и доставили в милицию, да еще обвинили в разбое, я, естественно, побоялся об этом сказать. Думал, что на основании этого могут осудить. А уже потом, когда меня поместили в КПЗ, я понял, что бояться нечего. Ведь то, что я срубил две жерди,— не преступление. Знаете, когда впервые сталкиваешься с милицией и прокуратурой, поневоле оробеешь.

— Ну, положим, вас еще никто ни в чем не обвинил. Вы можете показать место, где вами были срублены два молодых деревца для ремонта изгороди?

— Безусловно.

Прямо из кабинета, пригласив понятых, выехали в лес. Действительно, в трех километрах от места нападения на Соколовскую Зворыкин указал на два небольших пня, заявив, что именно здесь в тот день он срубил два деревца. Это был серьезный козырь в его алиби.

С двух пней, указанных Зворыкиным, в присутствии понятых были сделаны спилы и на каждом куске дерева поставлен номер. Расположение пней было обозначено на плане, приложенном к протоколу выхода на место происшествия.

— Нам налево,— проговорил Анатолий Васильевич, когда машина выехала из леса.— Поезжайте прямо к дому Зворыкина.

Дорогой Зворыкин старался держать себя, как и прежде. Однако, когда подъезжали к деревне, какое-то беспокойство овладело им. Было заметно, что ему требуется огромное напряжение воли, чтобы скрыть его.

Вскоре машина остановилась неподалеку от дома Зворыкина.

На пороге тотчас же появилась Трофимова.

— Здравствуйте, Любовь Николаевна,— подошел к ней следователь.— Придется еще немного побеспокоить вас. Сейчас с понятыми мы осмотрим изгородь на вашем участке, а вы, если не трудно, придите вместе с нами.

На изгороди были обнаружены две жерди со следами свежих срубов. С них были произведены срезы комлевой части и затем пронумерованы. Время от времени Кудрявцев наблюдал за Зворыкиным и его женой. Его поразила та отчужденность, с которой она отнеслась к мужу: ни разу не взглянула на него, не пыталась заговорить с ним. Он же все время смотрел на Любовь Николаевну с каким-то напряжением, словно боясь, что она вот-вот сделает что-то непорочное.

Когда машина тронулась и деревня скрылась из вида, нетрудно было заметить, как Зворыкин почувствовал огромное облегчение — рад скорому отъезду.

На следующий день в прокуратуру вызвали потерпевшую. Вместе с ней, понятными, сотрудниками милиции и представителями общественности выехали на место происшествия. Анатолий Васильевич предложил присутствующим встать так, чтобы каждый видел своего соседа по обе стороны от себя. Вполне возможно, что жерди были срублены преступником где-то здесь, недалеко от места нападения на Соколовскую. Жерди, по-видимому, были очищены в том самом месте, где их срубили, поэтому, попросил он, обратите особое внимание на срубленные ветви.

Тщательно осматривая метр за метром, вся группа от указанного Таней места стала передвигаться по направлению к железной дороге. Вскоре в нескольких сотнях метров от места нападения были обнаружены два небольших пня со следами недавних срубов. И снова были сделаны спилы, пронумерованы, а место обнаружения пней отмечено на плане местности.

Срезы с пней на месте происшествия, с пней, указанных Зворыкиным, а также срезы с жердей с огорода Зворыкина были направлены в Москву во Всесоюзный научно-исследовательский институт судебных экспертиз Министерства юстиции СССР на трассологическую экспертизу, а белая шелковая кофточка с грязным пятном от рук — на химическую экспертизу. Для исследования туда были представлены и два найденных у подозреваемого топора.

Анатолий Васильевич с нетерпением ожидал результата экспертизы. А пока он еще и еще раз изучал дело. И чем пристальнее он это делал, тем больше и больше задумывался над тем, что же все-таки представляет из себя Зворыкин? Кто он?

Вскоре пришли ответы экспертов. Трассологическая экспертиза дала заключение, что следы разрубов на срезах с пней, изъятых с места происшествия, полностью совпадают со следами на комлевой части жердей, изъятых с огорода Зворыкина. Таким образом, эти части деревьев были ранее единым целым, а срубили их одним из топоров, принадлежащих Зворыкину. Срезы же с пней, которые указал Зворыкин, не совпали с жердями, обнаруженными на его участке. Эксперты пришли к выводу, что деревья, используемые Зворыкиным в качестве жердей, существенно отличаются и по возрасту от тех, которые были им указаны.

— Что ж, время работает против преступника. И как бы он ни изворачивался, разгадка теперь ясна, — рассуждал Анатолий Васильевич. — Посмотрим, что нам покажет химическая экспертиза. Так... так...

Он прочитал заключение: «На рукаве кофточки, представленной для проведения химической экспертизы, в сальном пятне есть мельчайшие вкрапления железа. Однородные вкрапления железа имеются и на ручке топора, которым были произведены срубы деревьев на месте происшествия».

Итак, круг замкнулся. Экспертизы изобличали Зворыкина в особо опасном преступлении. Однако следователь продолжал искать новые доказательства.

Анатолия Васильевича не покидала мысль: Зворыкин — отнюдь не новичок в преступном мире. Никаких доказательств этому не было, но опыт, интуиция следователя позволяли сделать подобный вывод.

Опять и опять Кудрявцев возвращался к протоколам допроса Зворыкина, воспроизводил в своей памяти каждую встречу с ним. На одном из допросов, еще в самом начале следствия, тот небрежно кинул фразу, которая настораживала следователя: «Не пытайтесь пришить это дело мне». Почему «пришить»? Почему? Ведь это выражение бытует лишь в преступной среде,— думал Кудрявцев.

Уже на допросе у Анатолия Васильевича Зворыкин заявил, что его «неожиданно задержали и доставили в милицию, а затем поместили в КПЗ». Задержали, а не арестовали. Да, Зворыкин, видимо, понимал разницу между задержанием и арестом. И еще Зворыкин на первом и на последующих допросах обращался к следователю не иначе, как «гражданин следователь». Гражданин, а не товарищ. Говорил автоматически, не задумываясь над содержанием. А как искусно он скрывал следы преступления, как уверенно, словно после репетиции, держал себя на допросах!

В следственный изолятор, где содержался Зворыкин, Анатолий Васильевич приехал рано утром. Ожидая, когда в кабинет для допроса доставят арестованного, он еще раз проанализировал ход предстоящего разговора.

— Если следствие имеет дело с опытным преступником,— рассуждал он,— тот, будучи избалованным неоспоримыми доказательствами, постарается изобразить наивного, ничего не смыслящего простачка, чтобы, ну если не уйти от ответственности вообще, то хотя бы значительно смягчить свою ответственность в содеянном и, по возможности, избежать наказания, которого он заслуживает. И, конечно же, постарается как можно лучше сыграть это. Кроме того, ему крайне не выгодно, чтобы следствие затягивалось. Ведь всегда будет ощущаться угроза разоблачения других преступлений, если они были.

— Здравствуйте, гражданин следователь,— нарочито громко произнес Зворыкин, едва переступил порог кабинета.— Приблизились ли вы к нашей общей цели? Если да, то насколько? Я, право, уже начал беспокоиться.

— Садитесь, Зворыкин, садитесь. А беспокоились вы не напрасно. Ознакомьтесь, пожалуйста, с содержанием этого документа,— Анатолий Васильевич положил на стол заключение трассологической экспертизы.

Тот долго и внимательно изучал заключение экспертов. Наконец, опустив его, отодвинул на середину стола.

На несколько минут в комнате воцарилось молчание.

— Знаете, а ведь я действительно срубал жерди недалеко от того места, где было совершено нападение на девушку. А когда пошли слухи, что где-то там совершено преступление, я, естественно, решил, что могут заподозрить и меня. Тогда-то я срубил еще два дерева в другом месте, чтобы было полное алиби. Но вижу, оно оказалось липовым. Но преступник-то все же не я.

Он не сдавался.

— Вот и я, Зворыкин,— сказал следователь,— подумал, что мо-

жет произойти ошибка и пострадает невиновный. Но в деле есть еще один документ, и я вижу, вас с ним необходимо ознакомить.

Зворыкин весь напрягся в ожидании.

Следователь не спеша достал, еще раз пробежал глазами заключение химической экспертизы и протянул его Зворыкину.

Что-то похожее на обреченность промелькнуло у него в глазах. Ознакомившись с выводами экспертов, Зворыкин достал сигарету, нервно размял ее, закурил.

— Прежде чем отвечать на ваши вопросы, я бы хотел знать, будет ли при определении меры наказания учитываться мое чистосердечное признание?

«Как четко формулирует свою мысль,— пронеслось в голове у Анатолия Васильевича,— прямо как по кодексу».

— Чистосердечное — да. Но в чем вы хотите раскаться?

— Нападение на Соколовскую совершил я.

— Куда вы дели вещи, унесенные с места преступления?

— Выбросил в пруд недалеко от станции.

— Можете показать, где именно?

— Да.

Отдыхающих, которых в этот день было особенно много, весьма удивило, когда на берегу пруда появились сотрудники милиции и два водолаза.

— Вот здесь,— указал Зворыкин на старую ветвистую иву, низко склонившуюся к воде.

Вскоре водолазы извлекли из пруда сумочку Соколовской. Других вещей найти не удалось. Но и собранных доказательств было вполне достаточно. Можно было сказать, что преступление раскрыто. Оставалось написать обвинительное заключение и направить его прокурору для утверждения.

Однако Анатолий Васильевич не торопился.

Его первоначальные подозрения в том, что на совести Зворыкина лежат и другие преступления, переросли теперь в убежденность, хотя на все запросы о судимостях, которые направлялись во время следствия, ответы приходили одни и те же: ранее не судим, к уголовной ответственности не привлекался.

На память вдруг незольно пришла встреча Зворыкина с женой в день, когда осматривался приусадебный участок. Наверное, мозг следователя, натренированный многими годами работы, сам изыскивал те моменты, которые когда-то им были зафиксированы, но до поры как бы отходили на задний план, оставались в тени. Перед глазами встало лицо Трофимовой, холодное и безразличное. Ее потухший, отсутствующий взгляд. И тут же, как в калейдоскопе, на смену этому возникло напряженное лицо Зворыкина, его беспокойно бегающие глаза.

— Что же все-таки кроется за этим? — думал Анатолий Васильевич. — Почему Зворыкин в этот день так испугался присутствия жены? Да и фамилии у них разные почему-то: он — Зворыкин, она — Трофимова...

Вечером после работы следователь выехал в деревню, где проживала семья подсудимого.

— Здравствуйте, Любовь Николаевна,— произнес он, входя в дом Зворыкина,— не ожидали гостя?

Только теперь Кудрявцев рассмотрел ее. Это была женщина лет тридцати пяти. Лицо ее было уже изрезано глубокими морщинами. Чувствовалось, жизнь изрядно потрепала ее.

— Любовь Николаевна, почему вы первоначально скрывали, что муж ходил 16 июня в лес за жердями? Почему утверждали, что пиджак мужа вы еще раньше перекрасили и продали? Да и вообще стремились направить следствие по ложному пути... Что-то постоянно угнетает вас, Любовь Николаевна, не мучьте себя, выскажите все, что у вас наболело... Если вам что-то известно, помогите нам. Я же вижу, что вы что-то не договариваете, о чем-то умалчиваете.

— Не могу я так больше,— сказала она наконец тихим голосом,— не могу. Вся жизнь с ним я не жила, а существовала. Вечный страх за себя и за сына измучил меня. Я состарилась раньше времени, истосковалась по нормальной жизни. Больше я так не могу.— Она встала из-за стола, несколько раз прошлась по комнате.— Муж мой никакой не Зворыкин, а Трофимов. Трофимов Аркадий Емельянович. Когда мы с ним познакомились, был человек как человек. Ничем от других не отличался. Поженились. Вскоре родился Сашка.

Она говорила быстро, торопливо, словно боясь, что если сейчас не выскажет всего наболевшего, то уже никогда никому не расскажет этого. Анатолий Васильевич слушал молча, не перебивая.

— Так вот,— продолжала она,— через некоторое время я стала замечать, что муж встречается с какими-то темными дельцами. Они приходили к нам, пьянствовали. Стали появляться чужие вещи, иногда очень дорогие. Потом вещи исчезали. Однажды Зворыкина несколько дней не было дома. Вернулся он ночью. На нем был длинный черный плащ с чужого плеча. Его пиджак, брюки, рубашка были густо испачканы кровью. Местами одежда была порвана. Он молча снял ее и велел тут же сжечь. Вид его был так свиреп, что я не смогла не сделать этого. Левая рука мужа, чуть выше локтя, была перевязана белой тряпкой, которая тоже была измазана кровью. «Если где пикнешь,— пригрозил он мне,— убью! Если не успею я— это делают вот они»,— и он указал на пришедшего с ним мужчину. С этого момента жизнь моя стала невыносимой. Я не могла спокойно жить ни одного дня.

...Вскоре муж опять исчез куда-то и вернулся недели через две. Рука его, по-видимому, поджила, так как он уже свободно владел ею. Несколько месяцев после этого он никуда не выходил из дома и к нему никто не приезжал. Только иногда получал открытки с какими-то поздравлениями, и все. Но постепенно опять стали появляться его друзья, стали продолжаться пьянки. Он сам подолгу не появлялся дома. А жизнь Трофимовой была каким-то кошмарным сном. Она ненавидела мужа, презирала себя, но сделать ничего не могла. Женщину сковал страх. Страх не столько за себя, сколько за подрастающего сынишку. Что будет с ним, если она разоблачит мужа, а его сообщники выполнят угрозу? Она не видела выхода...

— Но ведь вы могли обратиться к нам,— сказал следователь.— Мы бы всегда помогли.

— Боялась,— коротко ответила Трофимова.— Все время боялась.

В этот момент дверь открылась и на пороге появился вихрастый мальчуган. Любовь Николаевна быстро подошла к нему, взяла

на руки, крепко прижала к груди. На глазах снова навернулись слезы. Она несколько раз поцеловала сына. Тот ничего не понимающими, широко раскрытыми глазами смотрел то на мать, то на не знакомого ему дядю. Малыш был очень похож на мать, и это обстоятельство почему-то радовало следователя.

Как ни важны были полученные сведения, продолжать беседу Анатолий Васильевич уже не мог. Уходя, следователь невольно оглянулся и заметил, с какой благодарностью Трофимова смотрит ему вслед. Видимо, все эти годы она скрывала от ребенка ту пропасть, которая пролегла между ней и мужем.

На следующий день Любовь Николаевна, уже успокоенная, продолжала рассказ в кабинете следователя. Два года назад она заметила, что муж живет в каком-то страхе. Страх перешел в ужас. Два дня и две ночи муж метался по комнате: выходил на улицу, возвращался и опять расхаживал взад и вперед. Он выглядел жалким и ничтожным. Трофимова поняла, что дела его плохи, что, возможно, его арестуют. И она ждала этого. Но возмездие не свершилось. Муж снова пропал куда-то. Вернулся он через неделю и заявил: «Собирайся, завтра мы уезжаем. И запомни: как только мы выедем за пределы нашего района, я — не Трофимов. Не Трофимов, а Зворыкин, Зворыкин Александр Матвеевич. Живем мы с тобой в незарегистрированном браке. О первом твоём муже ты ничего не знаешь и не пытались узнать после того, как он оставил тебя. Тебе незачем было это, так как я заменил его и материально ты была обеспечена. Мы будем жить на новом месте, и ты забудь все, что было до этого. Что будет в противном случае, ты знаешь».

— Так я жила все это время вплоть до его ареста, — закончила Трофимова.

— Вот вам ручка, бумага, — сказал следователь, — садитесь и опишите подробно все, что вам известно. Опишите тех, кто приходил к вашему мужу. Их возраст, рост, лицо, глаза. Во что они были одеты, их особые приметы, если они есть. Например, шрамы, наколки. Особенности их голоса. Как они обращались друг к другу, как называли один другого. Возможно, они упоминали какие-нибудь клички. В общем, все, все подробно. И не надо ничего бояться. Мы сегодня же допросим вашего мужа, и, уверяю вас, его участь разделят все его сообщники, если они, конечно, еще не разделили ее. По-видимому, он один из тех немногих, кому тогда после совершенного преступления удалось скрыться от следствия, уйти на дно. Теперь с вашей помощью и они не останутся безнаказанными, не уйдут от правосудия.

Паспорт Зворыкина был срочно направлен на криминалистическую экспертизу, которая определила, что он был выдан на имя Зворина Алексея Матвеевича, а затем подделан и Зворин Алексей Матвеевич превратился в Зворыкина Александра Матвеевича.

Все материалы о прошлой преступной деятельности Зворыкина-Трофимова были выделены в отдельное производство и направлены по подсудственности. «Ну вот и все, гражданин Трофимов-Зворыкин, конец нашему диалогу», — подумал Анатолий Васильевич, подписывая обвинительное заключение.

Наше общее дело

Юрий Грибов опубликовал повесть «Сороковой бор», которую прочел я единым махом, отложил на день и принялся за нее вторично, и не только потому, что книга эта — поэтическая, добрая, продолжающая великие традиции Михаила Пришвина, но и оттого еще, что вопросы, поднятые в ней, затрагивают проблемы отнюдь не локального, а общесоюзного значения.

Это — не детектив, не исследование и не приключение. Это неторопливый, влюбленный рассказ о Сергее Васильевиче Монсееве, сгере из деревушки Глушь, в центре знаменитого на Псковщине Сорокового бора, что неподалеку от Гдовского тракта, вокруг которого собрана «вся прелесть русской природы: тут и поля с озимой рожью, овраги, заросшие ольхой и черемухой, клеверные стога вдали, молодые перелески и гулки, нескончаемые урочища, где почти за каждым песчаным увалом то озерцо зеркальное светится, то река под обрывом играет».

Своеобычную повесть Юрия Грибова отличает определенно-го рода «сплав» — поэтики,

документальности (вымышленных имен у него нет) и тревоги, именно тревоги за судьбу природы нашей Родины, за то, что дано нам единожды, что невозместимо и неповторимо никогда и нигде.

Философия в книге Юрия Грибова наша, социалистическая; стиль — во многом перекликающийся с аксаковскими традициями, и еще есть в ней одно качество, крайне важное: открытая, атакующая гражданственность. Об этом, однако, позже. Поначалу хочется продолжить рассмотрение прозы Юрия Грибова. В повести его нет канонических начал, лихих сюжетных поворотов и — обычных для посредственности — счастливых развязок, которые устраивают и строгого критика — блюстителя канонов, и сентиментального читателя. Грибов идет по жизни, видит и чувствует ее не как турист и пишет поэтому просто, но в то же время в каждой строке его, самой даже лирической, присутствует тревога...

...Пришел сгерь Сергей Васильевич Монсеев в райком партии с заявлением об уходе. Хватит. Силенки еще есть, но

устал он биться с браконьерами один на один: вот и сердце начало из-за этого барахлить и старые фронтовые раны заныли. Пересфразируя Маяковского, он бы мог сказать: «Вот вам мое ружье, пожалуйста, охраняйте сами!» Но Моисеев не просто егерь; как и большинство людей этой профессии, он в душе поэт. И еще он хозяин леса. Уговорили Моисеева вернуться егерем, несмотря на то, что браконьеры и собак его постреляли, и на него самого покушались, и семье грозили.

А тут еще появились в районе Сорокового бора волки.

Мастерски, драматургически упруго Юрий Грибов описал сцену охоты: егерь — против стаи, один — против пяти, и, ей-богу, казалось мне, что писатель чувствовал за волчьим оскалом звериный браконьерский оскал.

В повести подслушан и точно передан чудный псковский, приграничный с Эстонской республикой язык. Главы о раненом лебедь и о лесном пожаре драматичны, написаны, чувствуется, с болью, на едином дыхании.

Словом, если подвести черту, разбирая повесть Юрия Грибова как произведение литературное, то следует поздравить писателя с большой творческой победой. Подражательство в искусстве — смертоносно. Грибов никак не подражал ни великолепным книгам В. Солоухина, ни пронзительно-грустным запискам Е. Дороша, ни атакующему стилю Г. Радова. Он шел своей дорогой, по своему Сороковому бору, по землям и весям родной ему Псковщины, и потому-то книга его самобытна, очень личностна, лирична и светится любовью к

его героям — нашим с вами, уважаемый читатель, согражданам.

Я говорил выше о том, что повесть эта поднимает вопросы общесоюзного значения, и это очень хорошо, ибо подчас проза наша подобна улитке — питает себе что-то, а что — непонятно, еле слышно и ограниченно своей надежной скорлупкой. Когда же проза позволяет поднимать и обсуждать проблему, волнующую не район или область, не ведомство какое-либо, а всю страну, тогда можно считать, писатель поступил по-некрасовски, ибо воистину «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Когда же поэтика и гражданственность воссоединяются, тогда можно радоваться истинной удаче и с особой мерой доверия исследовать проблему, поставленную писателем.

Действительно, трагедия (именно трагедия) егеря Моисеева является типической, ибо, несмотря на то, что в нашей стране приняты прекрасные, перспективные законы об охране природы, технически (мотоцикл, spisанный «газик»), подчас и организационно на местах их еще не везде подкрепили. А для того, чтобы они могли выполнить свою высокую миссию, требуется постоянная, действенная поддержка, в первую очередь от местного руководства.

Ну, слава богу, есть на Псковщине прекрасный егерь Моисеев, есть в Кабардино-Балкарии замечательный патриот природы, кандидат экономических наук Хажимел Санишоев, есть в Ставрополе истинный романтик, егерь Василий Алексеевич из Темполес-

ской станции, есть в Азербайджане, в Кзыл-Агаческом заповеднике Семен Герасимович Гишавили, есть свои поэты природы на Селигере и в Спас-Клепиках, но ведь им (говоря языком ведомственным — Главохоте РСФСР, республиканским обществам охотников, военным и профсоюзным) надобно помочь не только словом, но и делом.

Герою Грибова, егерю Монсееву провели телефон — и ведь как благодарен человек за это! Не по друзьям же ему звонить, не по подружкам — по делу, по нашему общему делу! Пожар лесной случись, услышь он выстрелы браконьеров в ночном лесу — можно хоть связаться с милицией, с активистами, с лесниками. Но ведь этого мало! Нужно подумать и о техническом оснащении егерских хозяйств страны (вплоть до предоставления им права арендовать вертолеты в случае необходимости для контроля над лесными угодьями с воздуха).

Потомки не простят нам, если мы оставим им в наследство леса, где не будет пичуг и токования глухарей, озер, в ко-

торых лишь лягушки будут квакать! Не простят нам потомки, если не сохраним мы для них журавлиного курлыканья, пересвиста крыльев быстрых шилохвостов на позднем осеннем перелете и медленного плесканья карпа посреди не озера, сокрытого тяжким, слонстым туманом, за которым робко угадывается будущее солнце.

Многое сделано для охраны природы в нашей стране, многое делается, но сделать предстоит нам еще очень много, ибо только тогда ты можешь считать себя ленинцем, когда сосредоточиваешь внимание не на успехах, а на тех нерешенных задачах, которые ждут своего безотлагательного решения.

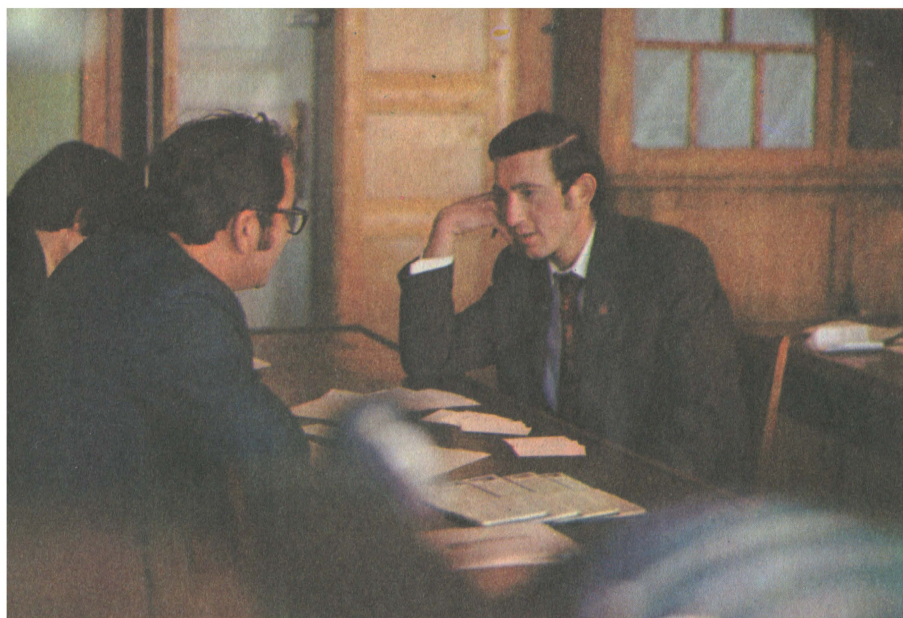
То, о чем с такой проникновенной грустью написал Юрий Грибов, должно стать предметом внимания широкой общественности и прежде всего исполкомов Советов депутатов трудящихся, которые могут и должны позаботиться о том, чтобы егеря чувствовали поистине всенародную поддержку.

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

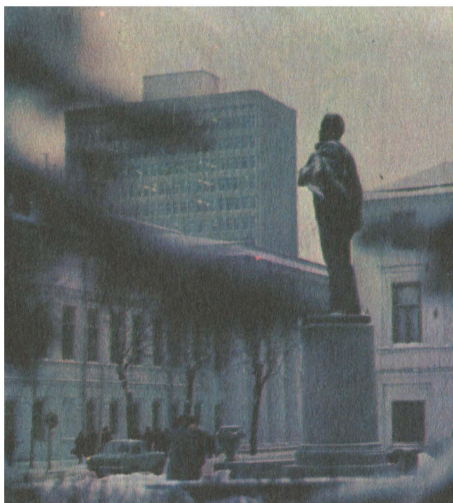
Ветеран Великой Отечественной войны Евгений Саватеевич Хорьков — председатель Режского городского народного суда (Свердловская область).

Фото В. ПАВЛОВА и В. ЯКОВЛЕВА.

**В КАЗАНСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМЕНИ В. И. УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА**

На снимках нашего фотокорреспондента запечатлены моменты из жизни кафедры охраны природы, самой молодой в университете. Слева: экзамен по биохимии. Слева внизу: в зоологическом музее университета. Внизу: на лекции.

**Заведующий кафедрой охраны природы
и биогеоценологии профессор В. А. Попов
беседует с выпускницей
Галиной Костровой.**

Фото В. ЗИМИНА.

По заветам Ильича

В нынешнем году в Казанском государственном университете имени В. И. Ульянова-Ленина будут вручены дипломы выпускникам самой молодой кафедры биолого-почвенного факультета — охраны природы и биогеоценологии. Наш корреспондент попросил заведующего кафедрой доктора биологических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР и Татарской АССР профессора В. А. ПОПОВА рассказать, чем вызвана потребность в создании кафедры охраны природы и чем она отличается от других кафедр факультета.

— Наше знамя — ленинское отношение к природе. В. И. Ленин подписал 94 документа по охране природы: по организации заповедников, охране леса, зеленой зоны и так далее. При В. И. Ленине был организован Комитет по охране природы, которым руководил друг и соратник Ильича — П. Г. Смидович. С каждым годом в нашей стране охране природы уделяется все большее внимание. Вы уже, очевидно, заметили: в названии кафедры есть слово «биогеоценология», означающее науку, цель которой изучать в общей совокупности как жизненные процессы, так и происходящие с землей, почвой. Вот мы и готовим специалистов, способных заниматься как охраной природы в целом, так и изучением всех сложных взаимоотношений в природе.

Чтобы было яснее, я познакомлю вас с принципами нашей деятельности. Уже с первого курса студент получает специализацию, на других же кафедрах это происходит лишь с третьего курса. Наш специалист должен быть знаком с ботаникой, животным миром, почвой, санитарной охраной, очистными сооружениями и так далее. Мы готовим специалистов широкого профиля, рассматривающих природу как единое целое, ибо нарушение одного звена в цепочке разбивает весь комплекс, и происходит то, что мы называем экологическим взрывом. И в то же время — диалектика — мы придерживаемся и третьего принципа: специалист должен быть узкого профиля, должен заниматься, скажем, рыбой, ботаникой либо пропагандой охраны природы. Чтобы наглядно проиллюстрировать, насколько велик объем нашей работы, скажу вам, что мы читаем студентам 28 специальных курсов, среди которых «Правовые вопросы охраны природы», «Международные правовые вопросы охраны природы» и другие.

— Виктор Алексеевич, а куда ваши выпускники — специалисты направляются на работу после окончания университета?

— Во-первых, в Госкомитеты по охране природы на Украину, в Белоруссию, Азербайджан и ряд других республик страны.

В министерства и ведомства, на которые возложена ответственность за охрану природной среды, в плановые органы областей и республик. Наши специалисты должны составлять планы по охране природы. Это особенно важно при строительстве новых гидроэлектростанций, заводов, жилых кварталов и так далее. Направляем мы их и в республиканские общества охраны природы. Должны быть биогеоценологи и в заповедниках, которых у нас в стране III. Готовим мы кадры и для высших учебных заведений. Ведь сейчас в каждом вузе и среднем специальном учебном заведении должен читаться курс охраны природы. А специалистов нет. И, наконец, наших выпускников мы направляем в научно-исследовательские учреждения.

— Как вы отбираете студентов, способных к научной работе?

— Уже с первого курса мы приучаем студентов к научной работе. Они зимой занимались изучением влияния подледного лова на маточное стадо и так далее. И вот большая кропотливая работа показала удивительную вещь: несмотря на ограничение любительского лова пятью килограммами рыбы, его объем больше, чем объем государственного лова.

Володя Бойдерин доказал, как при определенных условиях лыжня, оставленная на склоне гор, вызывает эрозию горных склонов. За дипломную работу Володя получил медаль Министерства высшего и среднего специального образования СССР и ЦК ВЛКСМ. Он оставлен в нашей аспирантуре. Выпускница Галя Кострова рабо-

тает в Полярно-Альпийском ботаническом саду при Кольском филиале Академии наук СССР. И таких примеров можно привести много. Здесь важно отметить главное: запросов на наших специалистов поступает намного больше, чем мы их выпускаем.

А это эпизоды из студенческих будней...

ПЕТРУСЬ БРОВКА,
Герой Социалистического
Труда, лауреат Ленинской
премии

СУДЬЯ

Являть гуманность и суровость
Ты должен на посту судьи
Добро и правда, честь и совесть —
Вот подзащитные твои.

Трудясь, наш светлый мир мы строим.
Но жжет иных не наша страсть:
Гореть в работе не дано им,
Им лишь бы выгадать, украсть.

Статьи закона четки, строги,
Они — оружие твоё.
Пока на нашей есть дороге
Рвачи и прочее жулье,

Твой долг — бороться с чуждым, старым.
И хоть порою враг не прост,
Не отступай! Тебе недаром
Доверен твой высокий пост.

Когда ведешь ты этот правый,
Еще не завершённый бой,
Есть над тобою герб державы,
А значит — весь народ с тобой.

Перевел с белорусского В. Корчагин.

ИЗ СВИДЕТЕЛЕЙ— НА СКАМЬЮ ПОДСУДИМЫХ

Недavno во время одного из судебных заседаний произошел такой случай. Не скажу, чтобы часто, однако время от времени нечто подобное происходит. В зал судебных заседаний под конвоем, с соблюдением всех должных формальностей и правил был приведен... кто бы вы думали? Свидетель. Самый безобидный, как говорится, чистый свидетель. Просто суду были нужны его показания. А он в суд не являлся. В результате мы вынуждены были провести операцию по розыску и приводу свидетеля. А когда его доставили в зал заседаний, то еще вынуждены были выслушать от него полную возмущения речь, обвинения в нарушении законности и даже угрозы. Ему показалось обидным, когда милиционер прямо с рабочего места доставил его к месту назначения.

— Не имеете права! — далеко не вполголоса заявил свидетель. — Это мое личное дело — давать показания или нет. А вести меня через весь завод, через весь город под конвоем... это оскорбление личности.

— Простите, но перед этим вас вызывали в суд повесткой. При чем вызывали не один раз.

— Ну и что?

Пришлось объяснить строптивому товарищу, что статья 73 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР обязывает свидетеля явиться по вызову следователя, прокурора, суда и дать правдивые показания, сообщить все известное ему по делу, ответить на поставленные вопросы. При неявке свидетеля без уважительной причины он может быть подвергнут приводу. За уклонение от дачи показаний свидетель несет ответственность по статье 182 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей довольно серьезный штраф или лишение свободы на срок до шести месяцев.

— Даже так? — удивился наш свидетель.

Здесь мы столкнулись со случаем, когда человек попросту не знает своих обязанностей, не знает законов и руководствуется, так сказать, собственным характером и настроением на данный момент.

Встречаются и другие свидетели, поведение которых продиктовано, скажем, равнодушием, безразличием ко всему, кроме собственной персоны. Обычно нам удается воззвать к их гражданской совести с помощью статьи, о которой я уже рассказывал. Но время от времени приходится иметь дело с такими свидетелями, которые не оказались на скамье подсудимых лишь по недоразумению, которое суду приходится исправлять, или потому, что вина их носит скорее моральный характер, нежели уголовный.

Разбирали мы как-то уголовное дело — драка, дебош в нетрезвом виде, да к тому же еще и на работе. На скамье подсудимых сидит В. Петров. В зале — потерпевший А. Подушкин. Свидетель — В. Колесников. Начинается судебное разбирательство. И постепенно слово за словом мы выясняем детали происшествия. Находясь в нетрезвом состоянии, А. Подушкин и В. Колесников затеяли драку с В. Петровым. Обороняясь, В. Петров ударил А. Подушкина, причинил тому тяжкие телесные повреждения. И вот теперь В. Петров перед судом. Как поступить суду? Ведь очевидно, что в случившемся есть вина свидетеля, и немалая вина. К тому же потерпевший тоже виновен. В результате все трое оказались на скамье подсудимых, правда, дело пришлось отправить на дополнительное расследование. После чего на судебном заседании, а затем в совещательной комнате мы уже разбирали степень вины каждого и в соответствии с этим назначали меру наказания.

Разбиралось, помню, как-то дело шайки воров, занимавшихся кражей запасных колес от автомобилей. На первый взгляд все было ясно: тут любой судья, не задумываясь, скажет вам — статья 144, часть 2 УК РСФСР. Но вот в процессе судебного заседания появляется странная фигура свидетеля — начальника первой колонны 13 Московского таксомоторного парка гражданина И. Сеня. Задаем вопросы ему, подсудимым, потерпевшим и постепенно выясняем, что, с позволения сказать, свидетель Сень купил у своего подчиненного шофера Р. Хуснетдинова, который в данный момент находился на скамье подсудимых, сперва четыре, потом еще четыре колеса. Купил и спрятал на работе. А через несколько дней дал Р. Хуснетдинову «производственное» поручение — вместе с другим шофером В. Рубченко отвезти все восемь колес к нему, И. Сению, домой. Что и было сделано.

— Гражданин Сень, — обращаюсь я к свидетелю, — не видите ли вы во всем случившемся и своей вины?

Мнется, краснеет, бормочет что-то настолько невнятное, что секретарь, ведущая протокол судебного заседания, даже записать ничего не может. А что ему ответить, ведь совершенно ясно, что начальник колонны — обыкновенный сообщник воров, скупщик краденого, к тому же злоупотребляющий служебным положением. Пришлось суду вынести определение о привлечении его к уголовной ответственности.

Должен сказать, что существует категория людей неразборчивых в средствах, услугами которых очень уж запросто пользуются всевозможные проходимцы. Сам этот человек вроде бы на преступление не идет, или, во всяком случае, он не считает собственные действия пособничеством, сообщничеством. У него есть более удобные выражения — помощь, взаимовыручка. Оказывал эту самую помощь,

человек лишь «слегка», как он считает, нарушает установленную формальность. А когда его привлекают к уголовной ответственности, то он чаще всего возмущается, убежденный в вопиющей несправедливости суда. Вроде бы за душевную доброту и отзывчивость получил год или два.

На память приходит дело по обвинению гражданки Н. Изра일로-вой по статьям 154, часть 2; 196, часть 3 УК РСФСР. Букет преступлений, если можно так выразиться. Что же произошло? Нигде не работавшая Н. Израилова постоянно спекулировала вещами, неоднократно вступала в незаконные сделки. В качестве свидетелей перед судом выступают некие Г. Венглинский и М. Егоршев. Давайте проследим, что это за люди, откуда они знают Израилову и какое отношение имеют к этому делу.

Г. Венглинский познакомился с Н. Израиловой в 1972 году и вскоре, узнав, что та нигде не работает, предложил ей место экскурсовода в Московском городском бюро путешествий и экскурсий. Может быть, Израилова была грамотным, образованным человеком, действительно способным рассказать людям что-то полезное, интересное? Ведь все мы знаем высокий профессиональный класс московских экскурсоводов. Но Израилова вовсе не собиралась работать и откровенно сказала об этом Венглинскому. А тот не менее откровенно сказал директору бюро: «Деньги ей не нужны, ей необходим трудовой стаж». Но директор бюро оказался «формалистом» — потребовал справку с места ее постоянной работы, так как по положению экскурсоводом можно работать лишь по совместительству.

И тогда Венглинский отправляется к доброму приятелю, начальнику жэка № 16 Ленинградского района М. Егоршеву, тоже необыкновенно «отзывчивому» человеку. Тот на служебном бланке, не колеблясь, выписывает Израиловой справку и собственной подписью подтверждает, что она неплохо работает в подвластном ему жэке... воспитателем.

«Устроившись» в бюро путешествий, Израилова, как стало известно суду, провела лишь одну экскурсию — сводила Венглинского и Егоршина в ресторан «Волга», где подробно познакомила их с холодными и горячими закусками, с крепкими и не очень крепкими напитками.

Заслушав подробные показания Венглинского и Егоршева, суд возбудил против них уголовное дело. Ведь фактически только с их помощью Израиловой, прикрываясь фиктивными справками, удавалось до поры до времени безнаказанно заниматься аферами. Свидетели поступали вполне осознанно, знали, что нарушают порядок выдачи документов, нарушают закон. И обстоятельства, выяснившиеся на суде, показали, что эти нарушения были совершены отнюдь не бескорыстно.

И наконец, в заключение хочу рассказать о судебном процессе, где «свидетелями» выступили люди, оказавшиеся активными пособниками преступников и даже пользовавшиеся результатами их преступных действий.

Раиса Денисова работала официанткой в столичном ресторане. Уважение к посетителям, которых обслуживала Денисова, находилось в полном соответствии с чаевыми, перепавшими ей. И вот однаж-

ды за ее столик сел прекрасный молодой человек, он же крупный мошенник, некий Щербаков, только-только вернувшийся из колонии, где он отбывал наказание за очередную аферу. То ли его манеры привлекли Денисову, то ли щедрые комплименты, то ли еще более щедрые чаевые, во всяком случае, он ее очаровал. А поскольку жить Щербакову было негде, он поселился у Раисы. И стала ее квартира настоящей базой преступника. Денисову не интересовало, откуда у него деньги. Однако, судя по ее показаниям на суде, голова у нее была ясная, она все поняла сразу. Да, она дала правдивые показания, разоблачающие ее друга. Но разве она только свидетель?.. Ведь она дала эти показания лишь во время следствия и в зале суда, а до того момента с удовольствием посещала с Щербаковым все значные места, куда он приглашал ее, расплачиваясь таким образом за квартиру.

По этому же делу проходила как свидетельница Петрова, тоже извлекавшая доходы от сдачи квартиры. Как все происходило? Щербаков, скооперировавшись с неким Саладзе, решил начать торговлю автомобилями. То, что машин не было ни у одного, ни у другого, их не смущало. Для продажи машин им нужна была квартира с телефоном и услужливой хозяйкой. Таковой оказалась Петрова. Пострадавший Алиев, позвонив к ней домой и получив заверение, что Щербаков вот-вот будет дома, поверил, что тот москвич, более того — работник Моссовета, как представлялся жулик. Эта доверчивость стоила ему двух тысяч рублей — таков был аванс за машину.

Откуда берутся все эти странные «свидетели»? Какова причина их появления? Я понимаю, что вопрос не прост, и причина тут, конечно, не одна. Неразборчивость в знакомствах, жадность, заставляющая закрывать глаза на очевидные вещи, излишняя доверчивость, юридическое невежество, халатность. Встречаются свидетели, знавшие о готовящемся преступлении, но им и в голову не приходило, что они могут предотвратить его, обязаны были это сделать. Закон требует от них этого. И закон наказывает их за то, что они этого не сделали.

Именно об ответственности таких «странных свидетелей» мне хотелось рассказать, еще раз напомнить, что если в ходе судебного разбирательства обнаружится, что свидетель был соучастником преступления или что он умышленно скрывает важные для судебного следствия детали, то он будет привлечен к уголовной ответственности. Никакие ссылки на неведение, на простоту и «щедрость» души для суда не имеют ровно никакого значения. Как говорили древние римляне, закон суров, но он закон.

Н. ЮДИН,
председатель Фрунзенского
районного народного суда
Москвы

СОБЕСЕДНИК

ПИСЬМО
ПОЗВАЛО
В ДОРОГУ

НИ ПО ЗАКОНУ, НИ ПО СОВЕСТИ

Уважаемая редакция! Я с сыном нахожусь сейчас в тяжелом положении: мне негде жить. А произошло это так. В то время, пока я работала по договору в Магаданской области, муж развелся со мной, женился вторично и прописал новую жену в нашей квартире. Вернулись мы в город, домой, а Шуклины Николай и Галина (мой бывший муж и его новая жена) нас в дом не пускают. Суд вынес решение: вселить меня в одну из комнат, но Шуклин всячески препятствует этому. И вот я уже несколько месяцев живу с сыном в гостинице. Что мне делать?..

**Л. ШУКЛИНА,
г. НОВОМОСКОВСК
ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ**

В жизни может случиться всякое. Бывает, встретятся люди, полюбят друг друга, проживут вместе лет пять — семь и расходятся. Разные на это могут быть причины. Но при разводе особенно важно сохранить объективность, справедливость, благородство. Однако находятся люди, которые из-за своих мелких выгод и обывательских амбиций не только не стремятся к разумному и законному разрешению семейного конфликта, но затевают унижающие человеческое достоинство тяжбы. И знакомство с судьбой супругов Шуклиных еще раз убеждает в этом.

Приехав в Новомосковск, снимаю номер в гостинице «Россия». В той самой, где живет автор письма. У администратора узнаю, что сейчас Лилия Ивановна Шуклина с сыном Сашей ночуют в красном

уголке: идет совещание угольщиков, все номера заняты, да и сроки проживания в гостинице прошли...

Небольшой зал красного уголка выглядит непривычно — по-домашнему: на диванах постельное белье, кругом стопки учебников и тетрадей, детские игрушки, посуда с едой, в углу чемодан, сумки, несколько пар обуви. За столом сидит белокурый парнишка в очках с толстыми стеклами — сын Лилии Ивановны Саша. Готовит домашнее задание по географии. Напротив — сама Шуклина.

— Вот так и живем. И никто о нас не помнит, никому мы не нужны, — слезы навернулись на глаза молодой женщины. Однако она быстро взяла себя в руки. — Но я добьюсь своего. Ее вышвырнут отсюда, а меня вселят. На моей стороне закон!

— Может быть, попробуем разобраться во всем с самого начала, по порядку, — прошу я.

— А где оно, начало-то, — опустила она на мгновение голову. Но только на мгновение, а затем энергично заговорила...

Эпизоды давно минувшего перемешались в ее рассказе с событиями последнего времени, воспоминания о недолгих днях супружеского счастья то и дело сменялись слезами неотмщенной обиды...

Только после долгого изучения судебного дела Шуклиных и многочисленных бесед с работниками суда, прокуратуры, горисполкома стала проясняться история, которую лишь чрезвычайно сдержанный человек может мягко назвать «неприглядной».

...Пожились Лилия и Николай еще в студенчестве. Вместе со всеми прочими атрибутами этого события у молодых появились и обычные супружеские обязанности. Правда, для Лилии этот брак значительно расширял их круг: Николай не имел обеих ног.

Вместе закончили педагогический институт (она стала преподавателем французского языка, он — математики), по распределению приехали в Новомосковск, здесь же получили двухкомнатную квартиру (ту самую, из-за которой ныне ведут тяжбу). Вскоре у них родился сын, Саша. И жизнь вроде бы совсем наладилась, но, как оказалось, не надолго.

Начались семейные разлады. Вообще-то их причины были сугубо личными, и они обычно всеобщей гласности не предаются. Но бывшие супруги, ничтоже сумняшеся, начисто отбрасывают эти «архаические условности» и во всеуслышание обличают друг друга во всех возможных и невозможных грехах. Перечислять их не буду. Скажу лишь, что неурядицы в семье Шуклиных закончились тем, что Лилия Ивановна с сыном уехала летом 1969 года на Север, забронировав при этом жилплощадь. Правда, местные жилищные органы сведения о броне Николаю не переслали, что впоследствии стало одним из главных «козырей» новой четы Шуклиных.

Одиночество Николая продолжалось недолго: спустя два месяца у него поселяется Галина Степановна Жукова, его будущая жена. Он прописывает ее к себе (помощь ему действительно нужна) сначала временно. Затем спустя несколько месяцев Николай разводится с Лилией Ивановной и регистрирует брак с Галиной Степановной.

На этом завершился первый этап семейной истории Шуклиных, когда супруги без колебаний и с обоюдной поспешностью предали забвению свои супружеские да и просто людские обязанности друг перед другом.

Дальше события развивались, по словам самих же Шуклиных, совсем в иной плоскости — стороны стали любыми дозволенными и недозволёнными методами отстаивать свои «права».

Женившись вторично, Николай прописывает на забронированную Лилией Ивановной площадь Галину Степановну уже постоянно. Впоследствии, оправдывая этот шаг, он скажет на суде: «Ни я, ни в ЖКО не знали, что площадь забронирована», чем и исчерпает весь запас доказательств законности своих действий. Что ж, у суда не было оснований подвергать такой факт сомнению. Но с другой стороны — не мог ведь Николай не знать, что Лилия уехала на Север по договору на определенный срок и когда-нибудь обязательно вернется домой. Да не одна, а с сыном!

А между тем летом 1971 года, как того и следовало ожидать, с Севера приезжает в отпуск Лилия с Сашей. Начинаются суды: делят вещи, определяют размер алиментов. Остается один нерешенный вопрос: где жить Саше с матерью?! А за то время и в новой семье родился мальчик.

Суд решил: вселить Л. И. Шуклину с сыном Сашей в эту двухкомнатную квартиру. Решил справедливо, поскольку, готовя дело к рассмотрению, в суде не один раз разговаривали с Шуклиными и знали: Лилия Ивановна не требовала тогда немедленного вселения. Она лишь хотела на основании этого решения получить равное с Николаем Васильевичем право на размен квартиры. А поскольку и новая чета Шуклиных в то время также не была против размена, то решение о вселении Лилии Ивановны фактически способствовало наиболее естественному и быстрому улаживанию конфликта.

Другое дело, что в такой ситуации обе стороны должны были бы проявить величайшую сдержанность по отношению друг к другу и начать активные поиски вариантов размена жилплощади. Но этого не случилось, и вопрос о размене «повис» в воздухе — бывшие супруги выжидали, кто первым уйдет с «поля боя». Так была подготовлена почва для скандала.

Приехав с сыном в отпуск уже весной 1974 года, Лилия Ивановна потребовала немедленного вселения в квартиру. И вот 7 мая вечером началась процедура вселения. Началось с перепалки: Галина Степановна не давала вносить вещи. Обе женщины на высоких нотах обменивались репликами, не стесняясь в выражениях. После почти пятичасового скандала Лилии Ивановне с сыном пришлось идти в гостиницу. Конечно, милиция, вызванная Л. И. Шуклиной, могла в этом случае «и власть употребить», но поступила, на наш взгляд, очень дальновидно и по-человечески, решив дать «поостынуть» накалившимся страстям.

Не хватает слов, чтобы оценить этот случай, инициаторами которого стали матери своих детей, воспитатели юности. Именно здесь они вольно или невольно проявили свои жизненные позиции: любые средства хороши в достижении нужных целей, даже если средства не только незаконны, но и безнравственны.

И все началось снова. Поскольку Галина Степановна и Николай Васильевич препятствовали вселению Лилии Ивановны с сыном в квартиру, последняя вновь обратилась в суд. Теперь она уже потребовала не только вселения, но выселения из квартиры второй

жены Шуклина (мотив — муж незаконно прописал ее на забронированную площадь без согласия Лилии Ивановны).

Вот так бой за «принципы», за то, чтобы говорить «на равных», создал почти неразрешимый конфликт. Теперь новая жена Шуклина с двухлетним ребенком, по мнению Лилии Ивановны, должна быть отселена от мужа.

— Не слишком ли? — спрашиваю я истцу.

— А с нами как поступают, оставляя без жилья вот уже сколько лет? Ну нет, я не отступлюсь. И обязательно привью сыну вечную ненависть к отцу. Пусть они узнают, на чьей беде строят свое счастье!

Юрий Павлович, напротив, считает, что прав только он...

Суд, где обе стороны заняли еще более непримиримые позиции, вновь решил: вселить Лилию Ивановну с сыном на спорную жилплощадь, а в иске о выселении второй жены Шуклина отказал.

Но Лилия Ивановна твердо стоит на своем и подает кассационную жалобу в областной суд, требуя выселить новую жену Николая.

Так история Шуклиных получила общегородскую огласку: в нее были втянуты суд и прокуратура, милиция и жилищные органы, исполком горсовета и редакция местной газеты. Необычность ситуации заставила эти организации с глубоким пониманием и деликатностью принять все возможные меры к тому, чтобы решить конфликт. Исходя из самых гуманных побуждений, исполком горсовета предложил Лилии Ивановне вне очереди комнату в хорошем доме со всеми удобствами. Изыскать такую возможность было, наверно, нелегко: с жильем в городе пока трудно. Но она отказалась: «Вот вселюсь, буду с ними на равных, тогда, может, и соглашусь на комнату!».

И вот начинается новое вселение. Лилия Ивановна идет на него с неистребимой уверенностью в своем праве на оплату. Николай и Галина Шуклины, тянувшие время, лихорадочно ищут выход (не хочется ведь терять отдельную квартиру).

Обо всем остальном бывшие супруги начисто забыли. Они теперь (с опозданием почти на пять лет!) много говорят о моральной подоплеке этого дела, о человеческом достоинстве, порядочности. Но стоит лишь напомнить им, что продолжающаяся тяжба и есть плод их недостойного поведения и что она могла быть прекращена даже без суда, из уважения к себе и людям, как наша беседа становится похожей на диспут, где одна из сторон всячески уходит от разговора по существу, забывая про только что сказанные слова о долге, морали. Но как бы вольно ни обращались с фактами бывшие супруги, своим нежеланием поступать ни по закону совести, ни по статье закона они лишний раз показали свою нравственную незрелость. Затеяв тяжбу, Шуклины не посчитались не только с потерей собственного престижа в коллективе и обществе, но и с тем, как болезненно может отразиться их родительская «слава» на своих сыновьях. А об этом-то Лилии и Николаю стоило подумать всерьез!

А. ТЮЛЬПИН,
наш специальный
корреспондент

нам пишут**Броварские ротозои**

Уважаемая редакция! По долгу службы мне недавно пришлось познакомиться с двумя производственными характеристиками одного человека. Довольно краткими, но очень емкими по содержанию. Приведу их дословно.

Первая: «За время работы проявил себя с положительной стороны. Технически грамотен. Трудолюбив. Дисциплинирован. Производственные задания выполнял».

Вторая: «За время работы он зарекомендовал себя как злостный прогульщик и пьяница, с ним неоднократно проводились беседы со стороны администрации цеха, его поведение обсуждалось на сменных собраниях и заседаниях цехового комитета, но воспитательная работа, проводимая администрацией и общественностью цеха, положительных результатов не имела».

Тексты документов воспроизведены не в выдержках, а полностью и подписаны одними и теми же людьми — руководителями предприятия, комсомольской и профсоюзной организаций, скреплены одной печатью, освещают один и тот же период деятельности человека — с января по июль 1973 года.

Столь противоположные, эти документы якобы характеризуют Шушарина Анатолия Мироновича, вулканизаторщика Броварского шиноремонтного завода.

В чем же дело? А ларчик открывается довольно просто — характеристики, видите ли, давались для разных целей: первая — при поступлении Шушарина на службу в одно авторитетное заведение. Но там быстро распознали «липу», и попытка проходимца потерпела крах. Было установлено, что Шушарин не только пьяница и прогульщик, но и преступник, занимавшийся мошенничеством и выколачивавший деньги у доверчивых сослуживцев.

Тут-то и появилась вторая характеристика: ее затребовал следователь, занявшийся делом этого проходимца.

Выдавая себя за частного снабженца, способного достать абсолютно все, начиная от натуральной норки и кончая искусственной почкой, этот рубаха-парень охотно «помогал» каждому, кто нуждался в чем-либо. Свою помощь Шушарин не ограничивал сферой дефицитных товаров. Требовался кому-либо больничный бюллетень или иной липовый документ — прошу, пожалуйста. За оказанную услугу «благодетель» брал фактическую стоимость товара либо то, что необходимо для «подмазки» дела. Деньги, разумеется, во всех случаях только вперед. Ну, а потом доверчивый клиент долго ждал обещанного. И напрасно. Его денежки быстро оседали в ресторанах за кутежи с купеческим размахом.

Не обходил своим вниманием Шушарин и руководство. Прослышав, что начальник его смены Лысенко хотела бы перебраться по-

ближе к родным, а закон обязывает ее, как молодого специалиста, повременить с этим еще два года, предложил свои услуги.

— Что закон? — обхаживал девушку делец. — Да я вам, Валюша, через друга-профессора в мгновение ока представлю справочку о несовместимости вашего хрупкого организма с броварским климатом, и вы — вольная птица.

Лысенко не устояла против таких веских аргументов. И шестьдесят рублей, предназначенных якобы для оплаты труда высококвалифицированного врача, переключиваются по маршруту Лысенко — Шушарин — ресторан.

Вывод из всей этой истории один: там, где еще водятся ротозей и «добренские» беспечные дяди, облеченные общественными полномочиями либо властью с печатью, всегда могут найти возможность для своих противоправных действий мошенники и проходимцы типа Шушарина.

Б. ПАНИН,
полковник юстиции

Нашли или украли?

С «трудными» ребятами мне, как инспектору детской комнаты милиции, приходится встречаться постоянно. Чаще всего наши знакомства начинаются с таких проступков, которые уже граничат с преступлениями. Один недавний случай и навел меня на мысль написать в редакцию.

...Все произошло мгновенно. Ребята не успели и глазом моргнуть, как Колька Минайкин вытолкнул их из Савеловского вокзала на улицу. Потом они бежали и оглядывались, хотя никто за ними не гнался. В первом попавшемся подъезде кинулись под лестницу. Долго не могли отдышаться, ошеломленные происшедшим, молчали.

Первым, как всегда в их тройке, очнулся Колька: «Забоялись, да? Но мы ведь не воры: бабка деньги потеряла, а мы подобрали... А здорово я их ногой накрыл!» — пытался развеселить он друзей. Потом Минайкин начал считать деньги — тысяча рублей! Всех троих «пробил» холодный пот: вот почему так отчаянно закричала бабка, когда обнаружила потерю. Что же с этой кучей денег делать? Первым желанием было — вернуть сейчас же. Но соблазн пересилил, и деньги не возвратили.

В тот же день решили уехать из Москвы, попутешествовать. Прибыли в Минск. Сутки проболтались в незнакомом городе и вновь вернулись в Зеленоград.

К этому времени ребят уже искали и родители и милиция. У одного из них отец обнаружил деньги. Веребочка потянулась, и дело раскрылось. Нашли старушку, вернули ей с помощью родителей все деньги (благо, что около восьмисот рублей они не успели истратить и припрятали). А ребят после многочисленных бесед с их родителями и учителями поставили на учет в детской комнате милиции.

Иногда у нас пытаются оправдать ребят, совершивших преступление. И тогда, как правильно заметил рабочий К. Вахлярский (см. статью «Сам за все в ответе» № 9 за 1974 год), получается, что все кругом виноваты: и родители, и школа, и трудовой коллектив. Только не сам подросток... А почему, собственно? Ведь всем хорошо известно, что подросток уже может (и обязан!) отвечать за свои поступки.

подавляющее большинство «трудных» ребят, с которыми нам приходится иметь дело, совершенно не приучены отвечать за свои дела. И восполнить эти пробелы в воспитании подростка очень тяжело. Тут нет готовых рецептов для всех, нужно искать пути к каждому конкретному человеку.

В нашем городе детям, особенно трудным, уделяют большое внимание и государственные учреждения, и общественность. Много сил отдает работе с малолетними правонарушителями полковник в отставке Иван Михайлович Чабров. Это он организовал в городе клуб юных друзей милиции (ЮДМ), собрав туда почти всех трудных ребят из близлежащих микрорайонов. Здесь стремятся не только организовать досуг подростков, оторвать их от сомнительных компаний, но и, используя принцип самоуправления клубом, воспитать у ребят чувство ответственности за свои дела.

Сейчас в клубе занимается около трехсот подростков и каждый находит здесь интересное дело — от спорта до живописи и радио-конструирования. Но при всем многообразии ребячьих интересов нравственным стержнем всей жизни в клубе остается доверие коллектива к подростку и строгий контроль за тем, как он соблюдает моральный кодекс строителя коммунизма.

Правление клуба держит тесную связь с детской комнатой милиции, школами, комиссией по делам несовершеннолетних при исполкоме горсовета. По первому же сигналу бедствия (такой-то начал прогуливать уроки, хулиганить на улице) юдезмовцы ненавязчиво, а по-дружески берут парнишку под свой контроль. И в подавляющем большинстве случаев эта коллективная опска дает действенные результаты: подросток выравнивается, а порой становится и примером для других.

Так было и с теми тремя мальчиками, о которых зашла речь в самом начале. Так было и с Сережей Куликовым, теперь одним из самых активных членов правления клуба. О его судьбе хочется рассказать подробнее. Как говорят, отбился он от рук в седьмом классе. В общем-то способный парень, а заниматься совсем перестал. Нахватал двоек, прогуливал уроки, начал даже выпивать и, наконец, убежал из дому. Тут-то мы поближе с ним познакомились, рекомендовали в клуб ЮДМ, связались со школой. Помучились мы с ним тогда, но не впустую: одумался парень, взглянул на жизнь другими глазами. Закончил 8 классов, пошел работать. Сейчас учится в вечерней школе и связи с клубом не теряет, сам помогает выправиться другим. Потому что именно здесь, в клубе, ему помогли понять, что человек начинается с ответственности за свои поступки.

Т. ОВСЯННИКОВА,
старший инспектор детской
комнаты милиции Зеленограда
(Москва)

**ПИСЬМО
с комментарием****ЗАКАЗЧИКУ
ВОЗМЕЩАЮТ УБЫТКИ...**

Следуя рекламным призывам службы быта, я еще в марте (до наступления лета) сдал плащ в химчистку. Пришло время получать.

— Пока не готово, зайдите через недельку,— предложили мне в комбинате бытового обслуживания...

Дело кончилось тем, что я написал жалобу на администрацию комбината. Ответ был такой: «...Задержка произошла ввиду перегрузки фабрики заказами. Приемщикам указано на необходимость более внимательно подходить к приему заказов...»

Так неужели ателье ответственно перед клиентами только в моральном отношении?

**И. ПОЛОВИНОВ,
Г. ГОРЬКИЙ**

Редакция попросила прокомментировать это письмо кандидата юридических наук Валентина Семеновича Мартемьянова.

Ателье службы быта отвечает перед клиентом за все причиненные по вине ателье убытки (а не только за «моральные», как пишет И. Половинов). Убытками же по закону считаются последовавшие из-за нарушения обязательств утрата или повреждение имущества клиента, понесенные им в связи с этим расходы, а также доходы, которые он получил бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом.

По ряду договоров для организаций бытового обслуживания закон устанавливает неустойку, которую они обязаны уплатить за допущенные нарушения.

Например, организации, выполняющие ремонтные работы в квартирах по заказам граждан, за просрочку ремонта обязаны уплатить заказчику за каждый просроченный день пеню в размере 0,1 процента стоимости ремонта (включая стоимость материала подрячика), а по истечении недели со дня срока исполнения заказа — еще и неустойку в размере 2 процентов стоимости ремонта (включая стоимость материала подрячика).

Нередко можно столкнуться с тем, как от человека, требующего правильного исполнения договора, стремятся отмахнуться, на его письма и запросы от-

дelvesаются отписками. Заказчик становится просителем, а ведь он по закону — равноправный участник правоотношения.

Поэтому, думается, расширение возможностей граждан защищать свои права в быту эффективно воздействовало бы на нерадивых работников сферы обслуживания. Тем более что в соответствии с решениями XXIV съезда КПСС объем бытовых услуг в этом пятилетии возрастает более чем в два раза.

Говоря о способах защиты гражданских прав в быту, нельзя не видеть и определенных недостатков в этом деле. Конечно, взыскание убытков, причиненных нарушением договора со стороны обслуживающих организаций, возможно. Но ведь чаще всего мы имеем дело с копеечными убытками в имуществе и с большими убытками неимущественного, морального свойства: потеря времени, испорченное настроение и, как результат, снижение трудоспособности. Моральной компенсацией в таких случаях могла бы служить материальная ответственность организаций хотя бы в форме неустойки (не говоря уже о предупредительно-воспитательном ее значении).

Но почему-то из всех договоров, применяемых в бытовом обслуживании, только в отдельных типовых договорах есть пункты о неустойке.

Положительную роль могла бы сыграть и «бесспорная» неустойка в делах, связанных с

просрочкой исполнения, начисляемая самим исполнителем по датам просрочки, указанным в квитанции. Кстати, такую незначительную сумму неустойки можно было бы взыскивать и не только в пользу гражданина, а в пользу местного бюджета. Взыскание неустойки тем не менее отразилось бы на финансовом положении обслуживающей организации и сыграло бы роль как взыскания, так и сигнализатора для органов, контролирующих службу быта. Это, разумеется, не должно исключать возможности граждан требовать удовлетворения и путем взыскания убытков.

Многие читатели предлагают более последовательно и детально определить штрафные санкции по всем возможным видам нарушений в сфере обслуживания и упростить процедуру их применения. Видимо, такие предложения заслуживают внимания и способны улучшить охрану прав граждан в быту. Во всяком случае, эксперимент в этом направлении необходим. И провести его могут министерства бытового обслуживания населения республик. Не следует, конечно, переоценивать значения имущественной ответственности как единственного средства защиты интересов заказчиков. Основную роль в этом деле призваны сыграть сами работники службы быта, за счет внедрения новой технологии, передового опыта. Многие в этом отношении могут сделать и местные Советы депутатов трудящихся.

по следам
неопубликованных
писем

Порядок в торговле наведен

Группа жителей города Вольска Саратовской области написала в редакцию о нарушении правил и организации торговли спиртными напитками в магазинах. Это коллективное письмо мы направили в прокуратуру Саратовской области, по поручению которой факты, изложенные читателями, проверялись Саратовским управлением торговли. Вопрос о состоянии торговли вино-водочными изделиями в магазинах города был специально рассмотрен на заседании исполкома Вольского городского Совета депутатов трудящихся.

Исполком запретил торговлю вино-водочными изделиями в магазине № 70, расположенном рядом с общежитием городского профессионально-технического училища № 25, а также в некоторых других магазинах. Открыт новый магазин № 7, оснащенный современным торговым, холодильным и подъемно-транспортным оборудованием. Он предназначен для торговли продовольственными товарами широкого ассортимента, в том числе и вином.

По заслугам

А. Тежельников жаловался в редакцию на строгую меру наказания, которую применил к нему суд.

Редакция попросила прокуратуру Тюменской области проверить уголовное дело А. Тежельникова. Заместитель прокурора области Ю. Уткин сообщил нам, что приговором Советского районного народного суда А. Тежельников, ранее судимый за хищение государственного имущества, осужден в 1974 году по статье 210 Уголовного кодекса РСФСР к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима и с применением принудительного лечения от алкоголизма. Тежельников осужден за вовлечение в пьянство двенадцатилетнего сына Николая. Систематически злоупотребляя алкогольными напитками, он неоднократно (в августе, ноябре, декабре 1973 года) спаивал спиртным Николая.

Вина Тежельникова доказана и не оспаривалась им самим. Принудительное лечение от алкоголизма назначено ему обоснованно, в соответствии со статьей 62 Уголовного кодекса РСФСР и заключением врачебно-консультативной комиссии.

Санкция статьи 210 Уголовного кодекса РСФСР предусматривает наказание до пяти лет лишения свободы. Тежельникову определено наказание в соответствии с законом, и оснований для изменения приговора нет.

Гражданка А. Носыр из Карагандинской области жаловалась в редакцию на директора совхоза-техникума имени Мичурина, якобы «устроившего против нее гонение», выразившееся в необоснованном наложении на нее взысканий и незаконном увольнении с работы.

Проверкой жалобы занималась прокуратура Карагандинской области.

Выяснилось, что А. Носыр работала в совхозе-техникуме имени Мичурина с 1962 года. В июле 1971 года она была задержана в поле за кражу мешка огурцов. Товарищеский суд ходатайствовал перед администрацией совхоза о переводе ее на нижеоплачиваемую работу. Но А. Носыр приказ о переводе ее на другую работу не выполнила и более месяца прогуляла, за что и была уволена с работы.

Народный суд города Шахтинска восстановил ее на работе, мотивируя решение тем, что за мелкое хищение А. Носыр может нести ответственность лишь по статье 76 Уголовного кодекса Казахской ССР.

Начиная с июня 1972 года А. Носыр работала ночным сторожем по охране ремонтно-механических мастерских центральной усадьбы совхоза. В 1974 году на нее было наложено два взыскания: выговор за то, что она не вышла на работу, направив вместо себя мужа, и строгий выговор — за вторичный невыход на работу.

Другие факты, которые А. Носыр привела в своем письме, также не подтвердились.

После выступления журнала

Виновные наказаны

В очерке «Где же вы были, люди?», опубликованном в № 10 нашего журнала за 1974 год, рассказывалось о возмутительном случае коллективной пьянки в одном из колхозов Ивнянского района Белгородской области, что стало причиной гибели двух человек.

Как сообщил нам секретарь Ивнянского районного комитета КПСС А. Серкин, очерк «Где же вы были, люди?» обсуждался на заседании бюро райкома. Факты, изложенные в очерке, подтвердились. Строго осуждена порочная практика проведения коллективных обедов с употреблением спиртных напитков по случаю праздников, торжественных собраний и других мероприятий.

За непартийное поведение, выразившееся в организации пьянки с трагическими последствиями, С. Никулнну и В. Тищенко объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку.

За попустительство к организаторам пьянки и несвоевременное принятие мер к виновным секретарю парткома Д. Семенову и председателю колхоза Н. Гусеву объявлены выговоры.

Районному отделу внутренних дел, народному суду, прокуратуре исполкомом местных Советов депутатов трудящихся предложено усилить работу по предупреждению правонарушений.

Правоспособность и дееспособность несовершеннолетних

В редакцию часто приходят письма от наших молодых читателей с вопросом: какими правами обладает подросток, какие обязанности на него возлагает закон? Об этом и пойдет сегодня разговор.

Но прежде рассмотрим юридические термины «правоспособность» и «дееспособность», ибо они по закону выражают суть нашего вопроса.

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ — это способность иметь гражданские права и обязанности. Она возникает с рождения человека. И в течение всей жизни человек правоспособен независимо от здоровья и возраста.

ДЕЕСПОСОБНОСТЬ — способность человека своими поступками, действиями приобретать гражданские права и обязанности. В полном объеме дееспособность наступает с совершеннолетия. А какая же дееспособность у подростка? Давайте сначала определим круг его основных прав. Прежде всего надо сказать, что молодежь в нашей стране имеет право на учебу, на получение образования. Переход к коммунизму предполагает воспитание и подготовку коммунистически сознательных и высокообразованных людей. Поэтому партия придает первостепенное значение вопросам образования молодежи.

Из имущественных прав, пожалуй, самым основным является право детей получать от родителей средства на свое содержание. А для родителей это — обязанность. Она закреплена в статье 18 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье: родители обязаны содержать своих несовершеннолетних и нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в помощи.

Дети в любом возрасте могут иметь авторское право на созданные ими произведения.

Несовершеннолетние независимо от их возраста могут иметь в личной собственности имущество, полученное в подарок или по наследству. Однако до 15 лет они самостоятельно не могут продать, подарить, обменять это имущество. В случае необходимости от имени несовершеннолетних такие сделки совершаются их родителями, усыновителями или опекунами.

Дети, не достигшие 15 лет, обладают сравнительно небольшой дееспособностью. Они вправе самостоятельно совершать только мелкие бытовые сделки: покупать продукты в магазине, билеты для проезда в городском транспорте, школьные принадлежности, билеты в театр, музеи и так далее. Все остальные сделки за них совершают родители, усыновители или опекуны от их имени.

Независимо от возраста дети могут быть вкладчиками государственных трудовых сберегательных касс. Несовершеннолетний, внесший сам вклад на свое имя, распоряжается им самостоятельно. Если вклад на имя несовершеннолетнего внесен кем-либо, то этими деньгами распоряжаются: до достижения несовершеннолетним 14 лет — родители или усыновители, опекуны, а с 14 лет — сами дети, но с согласия родителей или иных законных представителей.

В этих случаях дееспособность несовершеннолетних ограничена законом в интересах самих же несовершеннолетних. С пятнадцатилетнего возраста закон наделяет несовершеннолетних значительно большими гражданскими правами.

Несовершеннолетние в возрасте от 15 до 18 лет вправе совершать с согласия родителей, усыновителей или попечителей любые сделки. Без согласия родителей, то есть вполне самостоятельно, распоряжаются заработком или стипендией, совершают мелкие бытовые сделки, осуществляют авторские и изобретательские права.

А в 16 лет несовершеннолетний может уже поступить на работу, заключить трудовой договор и получать гарантированную государством заработную плату. В исключительных случаях (по согласованию с фабричным, заводским, местным комитетом профсоюза) на работу могут быть приняты несовершеннолетние в возрасте 15 лет.

Все работающие несовершеннолетние пользуются определенными льготами. Так, например, несовершеннолетнего по закону нельзя использовать на тяжелых работах, на работах с вредными и опасными условиями труда, а также на подземных работах. Подробно об этих льготах мы расскажем в статье, специально посвященной труду молодежи.

С 16 лет подростки могут быть приняты в члены колхоза. Для них колхозы устанавливают сокращенный рабочий день и предусматривают другие льготы.

Получая оплату за труд в колхозе, несовершеннолетний вправе, разумеется, самостоятельно распоряжаться заработком. И только при наличии достаточных оснований (например, в случае неразумного расточительства) несовершеннолетний колхозник, как и несовершеннолетний работник предприятия или учреждения, может быть по ходатайству общественных организаций или других заинтересованных лиц ограничен или лишен права самостоятельно распоряжаться своим заработком.

Теперь рассмотрим вопрос о дееспособности, связанный с браком. Вступление в брак возможно, по общему правилу, по достижении 18 лет. Лишь законодательством Украинской и Узбекской союзных республик брачный возраст для женщин установлен в 17 лет. Исполкомам районных (городских) Советов депутатов трудящихся законом предоставлено право в отдельных исключительных случаях по уважительным причинам снижать брачный возраст не более чем на один год для женщин, а в некоторых республиках (Грузии,

Белоруссии, Литве и других) и для мужчин; в РСФСР как для женщин, так и для мужчин — не более чем на два года. В Узбекистане возможность снижения брачного возраста законом не предусмотрена. Юноша и девушка, вступившие в брак на законных основаниях до наступления совершеннолетия, приобретают дееспособность в полном объеме с момента заключения брака.

На несовершеннолетних возлагаются и определенные обязанности. Главные из них — прилежно учиться либо добросовестно работать. Соблюдать законы и нормы морали. Если подросток нарушит нормы морали, к нему могут быть применены меры общественного воздействия. А если он нарушит закон, будет нести гражданско-правовую, административную либо уголовную ответственность. Но такая ответственность наступает с учетом возраста подростка. Давайте рассмотрим эту зависимость. Возьмем, скажем, ответственность за действия, причинившие вред здоровью или имуществу гражданина.

По общему правилу вред, причиненный личности или имуществу гражданина, организации, должен быть возмещен в полном объеме лицом, причинившим вред.

За вред, причиненный несовершеннолетним, не достигшим 15 лет, отвечают его родители или опекуны, если они не докажут, что в этом не виноваты. Если подростком до 15 лет вред был причинен в то время, когда он состоял под надзором учебного заведения, воспитательного или лечебного учреждения, то отвечают должностные лица этих учреждений (при таких же условиях).

Несовершеннолетний же в возрасте от 15 до 18 лет сам отвечает за причиненный им вред, как и совершеннолетний. Но если у несовершеннолетнего нет имущества или заработка, достаточного для возмещения вреда, причиненный ущерб взыскивается как с самого несовершеннолетнего, так и с его родителей или попечителей. Имущественная ответственность родителей или попечителей детей в этих случаях является дополнительной.

Если несовершеннолетний совершил преступление, то он может быть привлечен к уголовной ответственности с 16 лет, а за общественно опасные преступления (убийство, разбой, злостное хулиганство, кража и некоторые другие) — с 14 лет.

По уголовным делам несовершеннолетних закон требует обязательного участия защитника, родителей или иных законных представителей подсудимого. Равным образом и по гражданским делам. Права и охраняемые законом интересы несовершеннолетних защищают в суде их родители, усыновители, опекуны или попечители. При этом несовершеннолетние в возрасте от 15 до 18 лет также привлекаются к участию в деле.

В заключение отметим, что права и законные интересы несовершеннолетних строго охраняются законом. Во многих положениях нашего законодательства закреплены гарантии реального осуществления прав несовершеннолетних. Это очень важно. Ведь от того, как обеспечивается защита прав и интересов молодежи, зависит формирование подрастающего поколения.

П. ТРУБНИКОВ,
заслуженный юрист РСФСР,
доктор юридических наук

**юридический
конкурс****НАСЛЕДНИКИ ПЕТРОВОЙ**

В кооперативной квартире, состоящей из двух изолированных комнат, проживали две одинокие женщины, пенсионерки по старости, родные сестры. Они жили одной семьей, вели общее хозяйство. Членом кооператива была Петрова.

У Петровой, скоропостижно скончавшейся, — две дочери. Одна из них, старшая, жила в этом же городе, с мужем и взрослым сыном, в квартире мужа площадью 27 кв. м. Другая, младшая, незамужняя, жила в другом городе на частной квартире.

В нотариальную контору обратилась сестра умершей — Кириллова и обе ее дочери с просьбой о признании их наследниками. Младшая дочь предполагала переехать в этот город и поселиться в комнате квартиры Петровой, поскольку своей жилплощади она не имела. Старшая хотела поселить в комнате своего взрослого сына. Сестра умершей Кириллова просила признать ее наследницей квартиры и оставить ей в пользование комнату, которую она фактически занимала.

Какие права имеет каждый из наследников на кооперативную квартиру?..

**ОТВЕТ НА ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЗУС,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 3**

В статье 334 Гражданского кодекса РСФСР указано, что Совет Министров СССР и Совет Министров РСФСР могут установить списки предприятий и учреждений важнейших отраслей народного хозяйства и отдельных ведомств, из домов которых допускается выселение в судебном порядке без предоставления другой жилой площади рабочих и служащих, прекративших трудовые отношения в связи с увольнением по собственному желанию либо за нарушение трудовой дисциплины или за совершение преступления.

Однако без предоставления другой жилой площади не могут быть выселены инвалиды войны, труда 1 и 2 групп, пенсионеры по старо-

сти, персональные пенсионеры и некоторые другие категории граждан.

Согласно пункту 3 статьи 326 Гражданского кодекса РСФСР и соответствующим статьям гражданских кодексов других союзных республик квартиры, находящиеся в домах предприятий и организаций, включенных в списки, о которых говорилось выше, обмену не подлежат, за исключением случаев, когда наниматели этих квартир не могут быть выселены без предоставления другой жилой площади.

М. В. Киндина — пенсионерка по старости, а поэтому она не может быть выселена из квартиры без предоставления другой жилплощади. Следовательно, она вправе обменять квартиру.

Отказ ЖКО комбината в разрешении на обмен был оспорен Киндиной в судебном порядке на основании статьи 325 Гражданского кодекса РСФСР

Народный суд, рассмотрев исковое заявление Киндиной, удовлетворил ее требования и обязал комбинат разрешить обмен квартиры.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

наши
консультации

ПРАВИЛА РАБОТЫ МАГАЗИНА

Приказом Министерства торговли СССР от 18 мая 1973 года утверждены Основные правила работы магазина. На их основе и в соответствии с ними разработаны и утверждены правила работы магазина во всех союзных республиках. В этих нормативных актах четко и обстоятельно регламентирован порядок организации розничной торговли. Установлено, что главная задача магазина — ведение торговли товарами народного потребления в широком ассортименте, обеспечение высокой культуры обслуживания граждан — с наименьшей затратой ими времени на покупки, — выполнение и перевыполнение плана товарооборота, достижение наибольшей экономической эффективности.

Расскажем об основных положениях, касающихся работы магазина, которые надо знать каждому покупателю.

Прежде всего — о времени работы торговых предприятий. Ранее действовавшими правилами разрешалось прекращать

доступ покупателей в магазин за 15 минут до обеденного перерыва и до окончания работы. Из этих минут складывались многие часы рабочего времени, в течение которых терялась выручка. Разумеется, недовольны были и покупатели, перед которыми захлопывалась дверь магазина. Теперь же поступать так категорически запрещено. При закрытии магазина на обед или по окончании рабочего дня кассы должны прекращать работу в точном соответствии с установленными часами работы. Однако все покупатели, уже имеющие на руках кассовые и товарные чеки, должны быть обслужены. В магазинах, где нет кассовых аппаратов, обслуживание покупателей прекращается точно с наступлением времени обеденного перерыва и закрытия магазина. В торговых предприятиях самообслуживания при закрытии их на обеденный перерыв или по окончании работы обслуживаются все граждане, находящиеся в торговом зале. За 5—10 минут до прекращения об-

В первом номере нашего журнала за 1975 год помещен материал «Скандал у кассы», в котором рассказано о некоторых правилах работы магазинов. Учитывая пожелания читателей, редакция публикует консультацию, содержащую подробное изложение этих правил.

служивания работники магазина предупреждают об этом покупателей.

Время работы магазина указывается на табличке или в трафаретной надписи, помещаемой на входной двери.

Магазин обеспечивается необходимым оборудованием и инвентарем. Причем весы, гири, метры, мерные емкости, дозаторы и другие измерительные приборы должны иметь клейма, нанесенные в установленном порядке.

Закрытие магазина для проведения санитарных мероприятий, на ремонт или в связи с его ликвидацией допускается лишь с разрешения вышестоящей торговой организации и после проведения необходимой подготовительной работы. О закрытии магазина покупатели извещаются не позднее, чем за 5 дней до этого, для чего вывешивается специальное объявление. Магазин может быть закрыт и для проведения учета.

Торговые организации при закрытии отдельных магазинов обязаны оповещать граждан об адресах ближайших розничных предприятий, где можно купить аналогичные товары.

Помещения магазина должны отвечать техническим, санитарным, противопожарным и другим требованиям, установленным для торгового предприятия соответствующего типа. Необходимо рационально использовать площадь торгового зала, складских и подсобных помещений, обеспечивать наиболее эффективное размещение и использование оборудования.

В витринах магазина выставляются образцы только тех товаров, которые есть в продаже. Каждый образец снабжается четко оформленным ярлыком

цен (ценником). По мере необходимости, с учетом сезонности, поступления новых товаров и в зависимости от других конкретных условий витрины обновляются. Коробки витрин должны быть оборудованы в соответствии с установленными требованиями, содержаться в чистоте и обеспечиваться средствами, предупреждающими запотевание и обледенение стекол. В вечернее время витрины необходимо хорошо освещать.

Товары, находящиеся в витринах как образцы, продаются по требованию покупателя с учетом времени, необходимого для проверки их качества.

Образцы, используемые как элементы композиционного оформления витрины или являющиеся инвентарем, ярлыками цен не оформляются и не продаются.

Правилами установлено, что товары, поступившие в магазин, принимаются и принимают работники, на которых возложена материальная ответственность за их сохранность. Принимаются и принимают только доброкачественные товары, отвечающие требованиям стандартов и технических условий. Не допускается приемка товаров с истекшими сроками реализации.

Перед открытием магазина должны быть пополнены запасы товаров в торговом зале, проверены ценники и инвентарь, подготовлены упаковочные материалы, нарезана бумага листами нужных размеров и выполнена другая работа, обеспечивающая нормальное функционирование предприятия.

Товары продаются всем гражданам на общих основаниях. Инвалидам труда и Великой

Отечественной войны, которым по состоянию здоровья трудно самим совершать покупки, магазин оказывает помощь в этом. Обеспечивается прием от инвалидов предварительных заказов, доставка им покупок на дом, предоставление других дополнительных услуг, а также особо внимательное отношение к ним при обслуживании непосредственно в магазине.

Детям те или иные товары продаются только в том случае, если ребята способны — с учетом их возраста — самостоятельно совершать соответствующие покупки. Запрещено продавать несовершеннолетним спиртные напитки, пиво, табачные изделия и игральные карты.

Товары продаются за наличный расчет, а некоторые из них — и в кредит (с рассрочкой платежа), в соответствии со специальными инструкциями, которыми торговая организация обеспечивает каждый магазин, ведущий такую торговлю.

Не разрешается продажа товаров из подсобных и складских помещений, а также до начала и по окончании установленных часов работы магазина.

Правила запрещают обуславливать продажу одних товаров покупкой других, то есть навязывать так называемый принудительный ассортимент.

Установлено, что предварительное комплектование и продажа подарочных наборов производится только в универмагах, специализированных магазинах «Подарки», крупных протоварных магазинах, перечень которых утверждается министерствами торговли союзных республик, не имеющих

областного деления, министерствами торговли автономных республик, краевыми и областными управлениями торговли, главными управлениями торговли исполкомов Московского, Ленинградского и Киевского городских Советов. Причем такие наборы должны комплектоваться квалифицированными работниками с учетом эстетических требований, характера и назначения основного подарка и сопутствующих ему предметов (например, мужская сорочка и галстук, дамская сумочка и перчатки, духи, пудреница и пудра, брошь и серьги, авторучка и почтовые принадлежности). При отсутствии в этих магазинах в отдельной продаже товаров, входящих в наборы, они по требованию покупателей безоговорочно разукomплектовываются (кроме наборов фабричного изготовления). Во всех других протоварных магазинах подарочные наборы можно комплектовать только по просьбе граждан из изделий, имеющихся в данный момент в продаже, с применением по желанию покупателей соответствующих упаковочных материалов.

Торговые организации обязаны не допускать предварительного без заказов покупателей комплектования и продажи наборов продовольственных товаров, кроме детских подарков из кондитерских изделий и фруктов к праздничным дням. Разрешено продавать наборы фабричного изготовления, состоящие из продовольственных товаров (винных, табачных, кондитерских). Разрешено также в столах заказов магазинов заранее, для удобства покупателей, комплектовать наборы продуктов, но лишь при условии,

что все они продаются и от-дельно.

За нарушение порядка комплектования наборов промышленных и продовольственных товаров виновные работники торговых организаций и предприятий привлекаются к строгой дисциплинарной ответственности.

Правила продажи алкогольных напитков утверждены приказом Министерства торговли СССР от 17 ноября 1972 года. Предусмотрено, что торговля алкогольными напитками производится в специализированных винно-водочных и продовольственных магазинах. Не разрешается их продажа в мелкорозничной торговой сети, во всех столовых и буфетах (кроме буфетов при зрелищных предприятиях и гостиницах, где допускается торговля шампанским и виноградными сухими винами), в специализированных продовольственных магазинах (за исключением магазинов по продаже плодоовощей, рыбы и консервов, в которых допускается продажа коньяка, шампанского, виноградных и плодово-ягодных вин и других напитков крепостью до 30 процентов). Запрещена продажа напитков крепостью 30 процентов и выше (кроме коньяка) в торговых предприятиях, находящихся в районе расположения производственных предприятий истроек, учебных заведений, детских учреждений, больниц, санаториев и домов отдыха, вокзалов, пристаней и аэропортов, культурных и зрелищных учреждений, а также в местах массовых гуляний и отдыха трудящихся.

На право торговли спиртными напитками предприятие роз-

ничной, торговли или общественного питания должно иметь специальное письменное разрешение отдела торговли исполкома районного (городского) Совета депутатов трудящихся. В разрешении указываются адрес предприятия, виды напитков, которые там можно продавать, и форма продажи — в розлив или навывнос.

Продажа водки и других алкогольных напитков крепостью 30 процентов и выше (кроме коньяка) может начинаться не ранее 11 часов утра и прекращается не позднее 19 часов. Коньяк продается в часы, установленные на местах для торговли напитками крепостью менее 30 процентов (в Москве, например, с 11 часов утра до закрытия магазина). Во многих местах продажа алкогольных напитков всех видов запрещена до 11 часов утра.

Советам Министров союзных республик дано право ограничивать или полностью запрещать торговлю водкой и другими напитками крепостью 30 процентов и выше (кроме коньяка) в воскресные и праздничные дни.

Запрещено продавать алкогольные напитки лицам, находящимся в состоянии опьянения, и несовершеннолетним, а также работникам данного торгового предприятия в их рабочее время.

Проданные спиртные напитки назад не принимаются и не обмениваются.

В торговом зале магазина вывешивается извлечение из правил продажи алкогольных напитков, с указанием мер ответственности за их нарушение.

Покупателю предоставляется возможность проверить правильность веса или размера отпущенных ему товаров как самостоятельно, так и с помощью работников магазина. В продовольственных магазинах для этого устанавливаются на доступном месте контрольные весы, мерные кружки и мензурки, а в магазинах, торгующих тканями, — контрольные метры.

Товары, не имеющие фабричной упаковки, отпускаются в бумаге, пакетах или другой магазинной упаковке. По просьбе покупателей продавцы обязаны нарезать продукты (колбасу, сыр и тому подобное). Нерасфасованные жидкие и полужидкие товары отпускаются в посуду покупателя по весу или с применением стандартной мерной емкости.

Не разрешается продавать товары недоброкачественные, не имеющие должного вида, с истекшими сроками реализации.

В магазине самообслуживания товары, поступившие в нерасфасованном виде, расфасовываются с учетом спроса и сроков их реализации и упаковываются — в зависимости от их свойств — в пленку, пергаментную и оберточную бумагу, пакеты, сетчатую тару, коробки.

Гастрономические и кондитерские товары фасуются различными порциями — от 100 граммов и выше, а фрукты и ягоды — от 500 граммов и более. Причем гастрономические товары должны быть расфасованы без довесков. В один пакет помещаются продукты одного сорта и вида.

При расфасовке товаров в магазинах на упаковке или вкладных ярлыках, изготовлен-

ных в типографии, указываются наименование предприятия, сорт товара, его вес, цена, дата фасовки, номер фасовщика.

Некоторые гастрономические и рыбные товары, фрукты и ягоды разрешается продавать в зале самообслуживания через прилавки. При этом продавец указывает на упаковке стоимость покупки для оплаты ее в едином узле расчета.

Магазины (отделы) самообслуживания обеспечиваются корзинами, тележками, лотками, щипцами и другим инвентарем для отбора товаров. В продовольственных магазинах самообслуживания (кроме специализированных хлебных и мясных) покупатели складывают отобранные ими товары в инвентарные корзины или на тележки, которые обязаны взять при входе. С теми, кто не выполняет этого требования, расчеты не производятся.

Работникам магазинов самообслуживания не разрешается требовать от покупателей, чтобы они предъявляли при входе в торговый зал приобретенные в других местах товары, а также обязывать их оставлять личные вещи. Если же покупатель хочет оставить личные вещи (портфель, хозяйственную сумку и тому подобное), магазин обязан обеспечить их сохранность, для чего устанавливается соответствующее оборудование — стеллажи, полки.

При продаже сложных технических изделий (телевизоров, радиоприемников, пианино, баянов, аккордеонов, холодильников, стиральных машин и так далее), а также некоторых других промышленных товаров, например тканей, ковров, мебели, на отобранные покупателем вещи выписывается товарный

чек. В нем указываются номер или название магазина, наименование и сорт изделия, его цена, дата продажи, фамилия продавца. Чек выписывается в двух экземплярах, один из которых выдается покупателю. (В магазинах самообслуживания товарный чек не выписывается, там покупателю при расчете вручается кассовый чек).

Непродовольственные товары, отобранные покупателем, могут храниться на контроле до оплаты их стоимости в течение 30 минут, после чего вновь поступают в продажу. Этот срок в отдельных случаях может быть продлен администрацией магазина, но не более, чем на 2 часа.

При необходимости гражданам предоставляется возможность оставить в магазине на бесплатное хранение купленные громоздкие вещи (мебель, пианино, холодильники, стиральные машины, телевизоры и другие) на срок не более двух суток. Эти товары хранятся по квитанции отдельно от непроданных изделий.

Установлен и порядок расчетов с покупателями. Кассир, принимающий деньги за товар, обязан: четко назвать сумму полученных денег и положить их отдельно на виду у покупателя; напечатать чек на кассовом аппарате; назвать сумму причитающейся сдачи и выдать ее вместе с чеком (при этом бумажные купюры и разменная монета выдаются одновременно). После окончательного расчета кассир кладет полученные деньги в ящик.

В магазинах, где оплата покупок производится через кассы, на прилавках у продавцов устанавливаются заплом-

бированные кассы-копилки для приема сумм доплаты, не превышающих 10 копеек.

Расчет за все товары, приобретаемые в магазинах самообслуживания, в том числе и за отпущенные продавцами через прилавки, производится только в едином узле расчета. Нельзя требовать от покупателей предварительной оплаты товаров, продаваемых через прилавки в зале самообслуживания. Работникам магазинов самообслуживания запрещено также осуществлять двойной контроль при выходе покупателей из торгового зала, то есть дважды проверять правильность оплаты покупки.

Продовольственные магазины, где продаются продукты в стеклянной таре (воды, пиво, соки, молоко, винно-водочные изделия, масло растительное, консервы овощные и фруктовые), обязаны принимать от населения порожнюю посуду в течение всего рабочего дня. Если посуда принимается в отдельном приемном пункте, об этом в магазине вывешивается объявление.

Санитарное состояние магазина должно соответствовать требованиям, установленным органами государственного санитарного надзора, приказами и указаниями вышестоящих торговых организаций. В помещениях ежедневно производится тщательная уборка.

Все работники магазина во время исполнения служебных обязанностей должны быть опрятно одеты, соблюдать правила личной гигиены. Работникам продовольственных магазинов запрещено находиться на рабочих местах без санитарной одежды и форменных головных уборов.

Продавец обязан быть вежливым, предупредительным, не вступать в пререкания с покупателями, не отвлекаться от исполнения своих обязанностей. Он должен также:

- помогать гражданам выбирать товары, давая при этом необходимые пояснения;

- информировать покупателей о дополнительных услугах, оказываемых магазином;

- приглашать в торговый зал руководителя магазина (отдела, секции) по просьбе покупателей;

- разъяснять гражданам порядок покупки товаров в магазине самообслуживания;

- подносить товар к узлу расчета, если самому покупателю сделать это трудно.

Продавец несет установленную законом ответственность за нарушение правил торговли

и цен, обмер, обвес и обсчет покупателей.

В магазине должна быть книга жалоб и предложений. Она находится в торговом зале в установленном администрации, доступном для покупателей месте. Работники магазина не вправе чинить препятствий гражданам, желающим сделать запись в книге жалоб. В универсамах, крупных магазинах книга жалоб и предложений должна быть в каждом отделе (секции).

Таким образом, правила работы магазина предусматривают права и обязанности как торговых работников, так и покупателей. И те и другие должны руководствоваться этими правилами. Соблюдение их обеспечивает четкую работу магазинов, нормальное обслуживание покупателей.

Н. КУЗЬМЕНКОВ,
заместитель начальника
управления Министерства
торговли СССР

**читатель
на приеме
у юриста**

П. Черненко из Харькова просит разъяснить, можно ли применять к нарушителям трудовой дисциплины такие меры воздействия, как перенос на более позднее время очередности на получение жилья или перенос отпуска на зимнее время.

Псновами законодательства Союза ССР и союзных республик о труде и республиканскими кодексами законов о труде предусмотрено, что в отношении нарушителей трудовой дисциплины администрация предприятия, учреждения, организации вправе применять следующие дисциплинарные взыскания: замечание, выговор, строгий выговор, перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев или смещение на низшую должность на тот же срок, а также увольнение.

Кроме того, в некоторых нормативных актах профсоюзным и хозяйственным органам рекомендуется наметить в коллективных договорах меры по укреплению трудовой и производственной дисциплины. Поэтому в коллективных договорах предусматриваются, как правило, дополнительные меры воздействия на нарушителей трудовой дисциплины. Иногда перечень таких мер включается в правила внутреннего трудового распорядка или в другие нормативные акты, издаваемые производственными объединениями, предприятиями и организациями, например в трудовые кодексы.

Каковы же эти дополнительные меры? Администрации предприятия, учреждения и профсоюзным органам обычно предоставляется право:

- переносить нарушителям трудовой дисциплины очередность на получение жилплощади на более позднее время;
- не предоставлять им ежегодных отпусков в летнее время;
- не предоставлять путевок в санатории, дома отдыха, оздоровительные базы;
- не выплачивать премии по результатам социалистического соревнования;
- лишать — полностью или частично — вознаграждения по итогам работы за год, так называемой «тринадцатой зарплаты».

Подобные дополнительные меры воздействия на нарушителей трудовой дисциплины не противоречат общим принципам советского трудового законодательства и имеют большое воспитательное значение.

Г. КОРОЧКИН,
юрист

**Прошу рассказать
о том, в каких случаях
создаются советы
молодых специалистов
и какими правами они
обладают.**

З. Ермолова, г. Витебск.

Советы молодых специалистов создаются на предприятиях (в организациях) промышленности, строительства, транспорта, связи и сферы обслуживания. Причем советы образуются на тех предприятиях, где работает не менее 10 молодых специалистов в возрасте до 30 лет, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения. Совет выбирается на ежегодном общем собрании молодых специалистов и затем его состав утверждается комитетом комсомола и руководителем предприятия. Непосредственное руководство деятельностью советов осуществляют партийные и комсомольские организации и руководители предприятий.

При советах молодых специалистов создаются комиссии: профессионального роста молодежи, содействия внедрению достижений науки и техники в производство, жилищно-бытовая и так далее. Могут образовываться комиссии и по производственному принципу (например, комиссии по работе с молодыми технологами, экономистами, конструкторами).

Раз в год совет отчитывается о своей деятельности на собрании молодых специалистов, а также перед руководителем предприятия и комитетом комсомола.

Совместно с администрацией совет подбирает каждому молодому специалисту руководителя из числа наиболее квалифицированных работников, оказывает помощь тем, кто проходит стажировку, в приобретении практических навыков, необходимых для выполнения обязанностей по занимаемой должности. Советы участвуют в подведении итогов стажировки молодых специалистов, в решении вопроса о наиболее целесообразном использовании их на дальнейшей работе.

Советы должны также привлекать молодежь к участию в научно-технических обществах, к работе по рационализации и изобретательству. Они помогают тем, кто проявляет склонность к научной работе, поступать в аспирантуру без отрыва от производства, подготавливаться к сдаче кандидатского минимума и защите диссертаций.

Советам предоставлено право:

- вносить руководству и общественным организациям свои рекомендации и предложения по всем вопросам, касающимся труда, быта и отдыха молодых специалистов;

- по согласованию с руководством предприятия поручать молодым инженерам, техникам и другим специалистам разработку производственно-технических вопросов и вносить предложения о практической реализации результатов этой разработки;

- устанавливать творческие связи молодежи с учеными и специалистами научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций с целью быстрее внедрения в производство новейших достижений науки и техники;

- вносить предложения руководству предприятия о командировании молодых специалистов на другие отечественные и зарубежные предприятия для изучения передового опыта, новой техники и технологий.

Советы принимают участие в оценке работы молодых специалистов, в решении вопросов о повышении или понижении их в должности.

Советы имеют также право выдвигать кандидатуры на соискание премии Ленинского комсомола, премий научно-технического общества и других организаций, рекомендовать для участия во Всесоюзном смотре научно-технического творчества молодежи лучшие работы молодых специалистов.

Порядок образования, задачи и права советов, о которых идет речь, предусмотрены Положением о них, утвержденным постановлением Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике, Министерства высшего и среднего специального образования СССР и Бюро ЦК ВЛКСМ от 16 апреля 1973 года.

Е. ХЛЫСТОВА,
юрист

С КОЛЛЕГИИ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

ЦК КПСС и Совет Министров СССР в постановлении от 23 декабря 1970 года «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве» указали, что правильная организация правовой службы в народном хозяйстве существенно влияет на укрепление экономики.

В последние четыре года министерства и ведомства многое сделали по упорядочению своих нормативных актов. Однако состояние правового регулирования в народном хозяйстве требует дальнейшего совершенствования. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа Москвы 14 июня 1974 года еще раз указал на важность этой проблемы. «В каждой отрасли народного хозяйства,— говорил он,— действуют тысячи разных предписаний и инструкций. Попробуй в них разобраться! Тем более, что многие из этих инструкций устарели, содержат неоправданные ограничения, мелочное регламентирование. Это стесняет инициативу, противоречит новым требованиям, которые ныне предъявляются к экономике».

Недавно состоялось расширенное заседание коллегии Министерства юстиции СССР.

На заседание коллегии были приглашены заместители министров, начальники юридических служб министерств и ведомств, ученые-юристы. Опыт работы по упорядочению ведомственных нормативных актов поделились министр морского флота СССР Т. Б. Гуженко и заместитель министра сельского хозяйства СССР А. А. Поморцев. Их доклады свидетельствуют, что министерства провели большую работу по систематизации нормативных актов, действующих в данных отраслях народного хозяйства. На коллегии отмечалось также, что и многие другие министерства и ведомства успешно ведут работу по кодификации и совершенствованию своих нормативных актов.

Министр юстиции СССР В. И. Теребилов в своем выступлении рассказал о ходе работы по кодификации хозяйственного законодательства и упорядочению ведомственных нормативных актов и том важном значении, которое она имеет для успешного выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве».

Коллегия Министерства юстиции СССР одобрила опыт правовой работы в министерствах морского флота и сельского хозяйства и некоторых других министерствах и ведомствах. Рекомендовано всем министерствам и ведомствам, в которых работа по упорядочению ведомственных нормативных актов еще не завершена, сформировать специальные комиссии с тем, чтобы в основном завершить эту работу в 1975 году.

ВИЛЬ ЛИПАТОВ

АНИСКИН И БОТТИЧЕЛЛИ

КИНОПОВЕСТЬ

Торестные, съезжившиеся, словно на морозе, стояли в опустевшей комнате Яков Власович и его жена Маргарита Андреевна. За их спинами участковый Анискин: тоже молчаливый и сердитый, глядел на стенку, на которой вместо многочисленных икон светлели разнообразные — квадратные, неквадратные, даже круглые — более светлые, чем вся остальная стена, пята от украденных икон. И только две иконы — большая и маленькая — оставались на месте.

— Почему не взяли? — зло спросил Анискин. — Чего вон маленькой пренебрегли? Красивая, и в карман сунуть можно...

— Ах! — тоненько вздохнул Яков Власович. — О чем можно говорить, если...

— Плохая, никудышная икона, — тихо сказала Маргарита Андреевна.

— Да, — подтвердил Яков Власович. — Ворует иконы выдающийся специалист, может быть, он сам художник, и хороший художник...

Анискин прошелся по комнате, ставшей гулкой. Сел на подоконник.

Распахнутое окно с разбитой филенкой выходило в большой, хорошо ухоженный сад-огород, где росли карликовые фруктовые деревья, кусты смородины, малины, винных ягод, стелилась по земле клубника и так далее. Дорожки были посыпаны тонким ярко-желтым песком.

— Мама моя! — по-бабьи воскликнула Маргарита Андреевна, увидев сломанный и поваленный на землю куст редкой смородины. — Вандализм!

— Торопились! — деловито объяснил Анискин. — Так, говорите, вор, может быть, даже сам художник? Образованный, выходит?

И пошел-пошел ищейкой рыскать по саду, который, как выяснилось, выходил «задами» не на соседнюю улицу, как можно было ожидать, а в лес, примыкающий к деревне. «Улов» Анискина был невелик — несколько клочков ваты, следы кирзового сапога с крупной солдатской подковой, гвоздь.

— Обратно солдатский сапог, — бормотал участковый, неся на вытянутой ладони кусочки ваты и гвоздь. — А вот этот гвоздь, он от иконы?

— Да.

— Хорошо! А теперь вопрос другой: кто это в вашем собственном доме так громогласно разоряется и речь длинную держит?

Пожав плечами — она ничего не слышала, Маргарита Андреевна подошла к раскрытому окну, поднявшись на цыпочки, заглянула в него и сразу сделала шага два назад, а в окне появилась роскошная вавилонская борода.

— Поклон нижайший и добросердечный! — пропел отец Владимир и даже в раме окна умудрился отвесить поклон. — Пришел на тот случай, чтобы разделить вашу печаль и скорбь по поводу столь великой утраты, которая плача и стенания достойна.

И вдруг заговорил по-простецки.

Окончание. Начало в № 3.

— Федор Иванович,— сказал поп.— Ворюги так обнаглели, что мне под порог две плохих иконы из украденных подбросили и записку оставили... Издеваются, подлецы! Боже, наложи на мои скверные уста замок молчания!

Анискин мигом оказался возле окна.

— Какая записка?

На хорошей плотной бумаге форматом в половину писчего листа на портативной пишущей машинке напечатано: «Чему вас учат в духовных семинариях, идиот? Эти иконы в сортир повесить нельзя! Боттичелли».

— Боттичелли! — охнул Анискин.— Это какой же национальной принадлежности?

— Великий итальянский художник,— сказала за его спиной Маргарита Андреевна.— Эпоха Возрождения.

— Я от него мокрое место оставляю! — вдруг взревел голосом оперного Кончака поп.— Морду начищу, любо-дорого!

Из окна показалась несчастная физиономия Якова Власовича.

— Боттичелли, Тинторетто, Джорджоне, Рафаэль, а икон нету,— бормотал он.— Веласкес, Рубенс, Гойя, а обворовали... Репин, Суриков, Левитан, а коллекция — тью-тью... Греков, Сарьян, Иогансон...

В церковной ограде Анискин принимал из рук отца Владимира две подкинутые иконы. Молил:

— Пальцами, пальцами поосторожней цапайте. Я вот, например, специальные перчатки поднадел, а вы, гражданин поп, всей пятерней иконы хватаете... Поосторожней, поосторожней! Мы эти иконки на отпечатки пальцев исследуем, ежели мне велит прокурор следователя вызывать...— Он нарочито вздохнул.— Мне теперь без райотдела милиции — хана! Учености нет во мне, этими... изо-то-па-ми я ворюгу искать не умею...

Действуя руками в нитяных перчатках, Анискин аккуратно уложил иконы, между ними проложил слой материи, все это обернул плотной бумагой.

— Я его, изотопа, не знаю, в какой руке держать! — жаловался участковый.— Вот такие дела, гражданин служитель культа! — И хитро, подначивающе, прищурился.— Я вас об одном прошу, гражданин поп, ежели вы преступника сами поймаете, вы ему, как в доме директора обещали, морду не чистите.

Отец Владимир торопливо перекрестился:

— Я сам не ведаю, что вещали мои оскверненные уста!

— А я ведаю,— отозвался участковый.— Ежели вы ворюге вязы свернете, вас судить придется — вот какая получается петрушка...

На буровой, неподалеку от которой шло оживленное, быстрое и современно-механизированное строительство производственных, подсобных и жилых помещений, участковый инспектор Анискин уединился с рабочим Василием Опанасенко в укромном местечке. Здесь, пожалуй, было немного потише, хотя все кругом выло, стонало, брэнчало и гремело.

— Ты меня, Василий, сейчас извиняй, назад извиняй и наперед извиняй, но у меня дело такое, что без разговору с тобой — зарез!

— Да брось ты, Федор Иванович, свои же люди, а я тебе до могилы благодарен, что от водки меня увел... Спрашивай, дядя Анискин.

Участковый все-таки смущенно покашлял.

— Ну, так начну,— наконец решился он.— Ты, как бывший пьющий, обязательно знать должен, кому пьянога одежонку загнать может, ежели, скажем, к примеру, на дворе ночь, а выпить нечего, а душа горит и... Ну, и прочее... К кому можно с одежонкой пойти и водки на нее взять?

— К Верке Косой! — мгновенно ответил Опанасенко.— У нее всегда водка есть, хотя она сама ее не покупает... Если у тебя деньги, за бутылку «экстры» — шесть рублей, если у тебя тряпка — до утра рядиться будет, но хоть за новое пальто больше бутылки не даст... Ты чего, Федор Иванович, такой сделался, будто тебя в воду опустили?

— Сделаешься! — печально ответил Анискин.— Я-то, парень, думал, что про деревню и про Верку Косую все наскрозь знаю, а вот про эту водку... Этого я не знал, Василий! Ну, меня надо — на пенсию! Кто же за Верку водку в сельпо берет?

— Не знаю, дядя Анискин.

— Ладно! Вопрос другой... — Анискин повернулся лицом к строительной зоне, показал глазами на длинновязого Георгия Сидорова.— Вот он! Что за человек?

Опанасенко подумал, затем уверенно сказал:

— Мужик правильной жизни, но тяжелый, ровно шарикоподшипник... Со всеми пересобачился, но по делу. Непорядок не терпит.

АНИСКИН. Вопрос так стоит, товарищ продавщица Дусенька... Ежели ты уже поела, а обеденный перерыв не конченный, то мы с тобой ошибки исправлять будем.

ДУСЬКА. Какие такие ошибки?

АНИСКИН. А наши, Дусенька! Твои и мои... Ставлю правильный вопрос... Кто у тебя водки много берет, а вот посуду ни-когда, повторяю, ни-когда не сдает?

ДУСЬКА. Это подумать надо, об этом развороте я и не мыслила... Водку берет, а посуду никогда не сдает?

АНИСКИН. Во! Во! Кто это есть и как прозывается?

ДУСЬКА. Подумаем...

АНИСКИН. Дусенька, старайся, на почетную доску милиции угодишь.

ДУСЬКА (торжествующе). Знаю! Вспомнила! Это бабка Лизавета Толстых, чтоб ей пусто было! Придет в магазин, скажем, пуговицу покупать, так душу вымотает — на мотоцикл. Или, скажем, берет шоколадные конфеты в бумажках, так не поверишь, почти каждую бумажку развернет. А вот если...

АНИСКИН. Охолопись, остановку сделай... Молодца! Теперь тащи счета, костяшками щелкай — мы прикидывать будем, сколько водки, по твоей памяти, Толстиха за последний месяц и квартал, ежели припомнишь, брала... Я от тебя до той поры не отстану, по-

куда до каждой поллитры не дойду... Ну, тащи счеты, играй ими, как твои двое субчиков на гитаре... (Поет) «Ваше величество женщина, вы неужели ко мне...»

ДУСЬКА (всплеснула руками). Подслушал! Ну, Анискин...

АНИСКИН. Чего там подслушивать, когда твой вольный стрелок на всю деревню ревет... Тащи счеты — я кому сказал! Мне иконы найти надо? Я тебя спрашиваю — надо? Это тебе не промеж двух гитар шастать!

Участковый Анискин выходил из дома старухи богомолки Елизаветы Григорьевны Толстых, да не один — за ним с панической легкостью, страхом и мольбой бежала-семила сама хозяйка.

— Феденька, родненький, — умоляла она, — ты уж меня-то в тюрьму не бери, я ведь старая-престарая, мне ведь в тюрьме через минуту — смертынька... Ой, лишеньки! Да ты хоть остановись, Феденька, я ли с твоей покойной матушкой, царствие ей небесное, не хороводилась, не подружничала... Ой, лишеньки, чего ты не останавливаешься?

Анискин остановился, повернувшись, пошел на старуху.

— Я тебя о чем просил? — рассердился он. — Наш разговор втайне держать просил?

— Просил, Феденька!

— А ты на всю деревню ревешь, сама себя гробишь... Это — раз! Второй раз — я тебе говорил, что, кроме штрафа, ничего не будет? Говорил?

— Говорил.

— Вот и забили гвозды! Сиди тихо, как мышь в норе, никому ни слова не говори... Хоть ты и старей старой, а статья-то выходит — форменная спекуляция... Будешь молчать?

— Буду, буду!

В дсме попа-расстриги просыпались под звон водочных пробок. Первым открыл глаза матрос Григорьев, лежащий под столом, зажмурился, снова открыл. Теперь у него было лицо человека, не понимающего, где он находится, почему лежит под столом, что вообще творится на белом свете. Так прошло несколько секунд, потом Григорьев тяжело поднялся, несчастный и согбенный, первым делом посмотрел на стол — там было пусто, как на районном аэродроме.

— Мать честна, — пробормотал Григорьев. — Чего же это делается-то?

Он зачем-то вяло слонялся по комнате и заглядывал в разные углы и закоулки, когда зашевелилась на окне Ольга Пешнева. Эта проснулась сразу, прыгнула с подоконника и через секунду пила ковш за ковшом воду из кадки. Она тоже стонала, но мужественно, сквозь стиснутые зубы, невольно при этом прихорашивалась и приводила себя в порядок.

— Не ряби в глазах, гада! — крикнула она речнику. — Сядь! И так голова раскалывается...

Речник ее не послушался, но зато от шума проснулся Васька Неганов. Сел на постели, по привычке начал креститься, но опомнился и, недокрестившись, выругался.

— Водки не осталось?

— У тебя останется! — крикнула Ольга.

Немного поругавшись, Васька и Ольга одновременно начали наблюдать за матросом, который по-прежнему с лунатическим видом шастал по комнате.

— Ты чего, Ванька? — спросил Неганов. — Чего шляндаешь-то? Сядь!

Речник махнул рукой:

— Бушлат не могу найти.

Васька Неганов и Ольга Пешнева так и осели.

— Бушлат? — захохотал Васька. — Ты его ищешь?

— Ну!

Ольга подошла к нему, подбочившись, насмешливо покачала растрепанной головой:

— Ищи, ищи! Может, вспомнишь, пропойца, что ты бушлат-то на полбанки выменял...

Речник ошалело таращил глаза.

— У кого бушлат? Кому на полбанки променял?

Васька Неганов и Ольга Пешнева сразу притихли; поп-расстрига приложил пальцы к губам, просипев «Тссс!», погрозил речнику ядреным кулаком — он ведь был коренаст, могуч, силен по-звериному.

— Не ищи того, у кого бушлат! — шепотом приказал Неганов. — Дойдешься до статьи!

В доме Верки Косой участковый Анискин, откинувшись на спинку стула, восседал в крохотном свободном пространстве, что чудом оставалось посередине комнаты.

— Документ имею, гражданка Вера Ивановна, — неторопливо говорил Анискин, держа в руке бумагу. — Продавщица товарищ Любцова из соседней деревни Гиреево показала, что вы за последний месяц сдали в торговую точку восемьдесят две бутылки от водки марка «Экстра»...

КОСАЯ. Вранье! Клевета! Она меня с кем-то путает...

АНИСКИН. Металлическая ты женщина, Вера Ивановна! Это надо же — пусты бутылки на горбушке за двенадцать километров носить!

КОСАЯ. Ты когда меня в покое оставишь, Анискин?

АНИСКИН. Вона! Да ты мне отдых дала на целый год... Как развелась с киномехаником Голубковым, так я с тобой ни разу не встрелусь... А продавщица товарищ Любцова из деревни Гиреево ошибки не давала — у нее свидетели есть, что восемьдесят две пустых бутылки ты сдавала.

КОСАЯ. Ну, сдавала...

АНИСКИН. Молодца, что признаешься! Теперь так же прямо отвечай: где бушлат старшего матроса, выменянный тобой у него на пол-литра водки прошлой ночью?

КОСАЯ. Ой, да нету у меня никакого бушлата, ой, да никаки бутылки я не сдавала, ой, да чего мне сдавать, ежели я за весь год только литру водки брала, да и то на Первой...

АНИСКИН. Замолкни! Елизавета Григорьевна, прошу войти!
ТОЛСТЫХ. Господи, прости грехи наши тяжкие!

АНИСКИН. Давай показания!

ТОЛСТЫХ. Я для Верки, может, за все время бутылок двести водки покупала. Посуду она мне на сдачу никогда не возвращивала... Господи, грехи наши тяжкие!

АНИСКИН. Ты свободная, гражданка Толстых! Иди! Гражданка Косая, давай дальнейшие показания. Ну!

КОСАЯ. Все правдынька, все-все, родненький, миленький, касатенький! Ой, чего это делается, ой, пропадаю, ой, не дай с кругу же выбиться, дядя Анискин, добренький мой да пригоженький...

АНИСКИН. Обратно молчи... Какую связь имеешь с матросом гражданином Григорьевым? Что от него получаешь или что ему передаешь за денежную плату и дефицитные товары?

КОСАЯ. Ой, ничего не беру, ничего не даю!

АНИСКИН. Ладно! Запишем, что запираешься... Неси бушлат!

КОСАЯ. Несу, несу, касатик! Я вся перед тобой открытая, дядя Анискин, как окошко.

АНИСКИН. (Вынимает кошелек). Получай за бушлат сумму, что бутылка «Экстры» стоит... Не пересчитывай — заранее деньги приготовил... Не один у тебя грех, не один. Ты ведь, гражданка Косая, имеешь отношения к иконам, которые ворованы... Они — как, еще не знаю, — через твои руки шли... Ну, ладно, засиделся я! Ты мне бушлат-то в газету оберни, два-три слоя газеты дай, хорошей бечевкой перевяжи, чтоб никто не догадался, что я по улице несу...

Ночь усыпана рясыными звездами, но темным-темна, так как не взошла еще полная луна, а только легкой позолотой пробивается над кромкой кедрача за околицей деревни... Воровское это время, тайное, опасное; и тем, кто плохими делами занят, надо торопиться, чтобы не успела выбраться ярким прожектором звонкая и прозрачная луна.

Высокий, тонкий, длинноногий человек, нагруженный до согбенности большой тяжестью, — он виден только со спины — пробирается густой чащобой. Дальше, дальше и дальше в лес! Наконец останавливается, по-прежнему не оборачиваясь, осторожно кладет на землю ношу — это иконы, аккуратно переложенные тряпочками, завернутые каждая по отдельности в особую бумагу. Разрыв хвою, он открывает выкопанный в земле тайник, осторожно, бережно, не дыша опускает в него иконы, предварительно обернув их целлофановой пленкой. Спрятав, закрывает тайник плотными и толстыми досками, нагребает на них ветки и хвою.

Он не возвращается знакомым путем, а уходит в лес дальше, путая и заматавая следы, — мы только сейчас видим, что за человеком тянется, привязанная за ремень, метла — не метла, кочерга — не кочерга. Это что-то такое, что оставляет на земле след, похожий на след лисьего хвоста. На ботинках неизвестного матерчатые чехлы. Мало того, он время от времени что-то сыплет на землю.

В первом часу ночи усталый, но веселый участковый Анискин, сидя за столом, разглядывает подброшенные плохие иконы и запи-

сочку, отпечатанную на машинке. Руки у него в перчатках, очки — на кончике носа, лупа — в правой руке. Так и этак разглядывает он вещественные доказательства; чуть ли не нюхает и не пробует на язык.

— Дрянные иконы, — бормочет он, — дрянные, а краски-то, краски-то, просто в глазах пестрит... Нет, не пойму пока, чего хорошего, ежели икона черна, как негр? Ну, с этим делом мы разберемся...

Когда, по мнению участкового, с иконами больше ничего делать не остается, он снимает телефонную трубку, секунду-две подождав, весело говорит:

— Здоров, Клавдия! Анискин... Ты бы мне, дева, дала райотдел, следователя Игоря Владимировича Качушина... Чего? Да не сомневайся! Он еще позже твоего дяди Анискина в своем кабинете обретается... Соединяй, Клава!

Еще через две-три секунды участковый бодро кричал:

— Здравия желаем, товарищ капитан! Чего не сплю? А с вас учусь, пример, говорю, с райотдела беру... Изотопы изучаю, что с ими делать, решаю по-научному... Не возводи напраслину, Игорь Владимирович, вовсе я над райотделом не насмешничаю... Учусь, вникаю, опыт беру полной лопатой, как говорится... Чего звоню? Приезжай, Игорь Владимирович, выручай, мил человек! Из церкви и у Якова Власовича все иконы увели... Говорит, что за все иконки можно тысяч пятнадцать взять, не мене... Ты вот что, Игорь Владимирович, ты на пароходе «Пролетарий» ко мне подгребай... У меня такая думка имеется, что без «Пролетария» нзм не обойтись! Лады!

Не успел положить трубку, как снова междугородной трелью залился телефон.

— Ромск? Анискин у аппарата... Да, вызывал с предупреждением Сергея Сергеевича Гольцова... Соединяйте! Сережка, Гольцов? Это дядя Анискин беспокоит посереде ночи товарища ученого студента... Здравствуй, Сережка! Время береги, на вопросы отвечай быстро... Тебя со стипендии снимали? Что? Вранье! Повышенную получаешь? Молодца! От тебя товарищ — длинный такой, при бороде и заикается — к твоей прабабке Валерьяновне приезжал? Слыхом не слышал? Обратно молодца! Значит, никто от тебя не приезжал? Удружил! Теперь говори, что Валерьяновне передать, какая нужда имеется? Все есть? Ничего не надо... Что? Пусть прабабка не дичает, пусть каждую копейку тебе не шлет? Ну, ты не только молодца, Сережка, ты — Боттичелли! Ладно! Деньги казенны, беречь надо... Всем нашим деревенским, которые ученые студенты, от меня — привет и поздравленья! Пусть не балуются...

За час до работы, на сиреновом и лучезарном рассвете неугомонный Лютиков, хоронясь от участкового за дома и заборы, пробирался по едва пробуждающейся деревне. Он держал путь к дому, где жила бригада «шабашников», встающая рано. Первым Лютикова заметил Юрий Буровских, в три прыжка подскочив к нему, схватил за воротник.

— Ля-ля-ля! — обрадовался он несказанно. — Попался, который кусался! Ребята, бригада «Ух и ох!», поймал шпиона, держу за воротник — решайте сообща, какую казнь назначить!

— Выпороть! — решил бригадир. — Ты, Буровских, и ты, Кадыр, ведите его к силосной под белы рученьки, ты, Ваню, по дороге наломай прутьев чернотала, ты, Молочков, захвати веревку — руки и ноги вязать, чтобы не брыкался...

Люткова мгновенно схватили за руки, повели к силосной башне, Ваню по дороге старательно выбирал прутья подлиннее и гибче, Молочков, сбежавший в дом, нес в руках толстую веревку. Бригадир деловито и неторопливо связал Лютикова по рукам и ногам, взяв у Ваню прутья, свистнул одним в воздухе.

— Через штаны будем пороть! — озабоченно сообщил он. — Больно будет до оранья, а следа не останется... Анискина тоже надо в расчет брать... А пороть тебя надо! Буровских, это ведь он тебя под решетку подводит?.. Хочешь?

Буровских восхищенно захохотал.

— Хочу! — сказал он и посетовал. — Только я смеяться буду, а от этого хорошего удара не получится...

Он поднял прут, отступив на шаг, прицелился и уж было хотел нанести удар, как его руку перехватил Евгений Молочков.

— Простим, братва! — обратился он к бригаде. — Посмотрите на него — дрожит, как осиновый лист... Попугайи и хватит! Думаю, больше не станет шпионить... Простим, а, братва?

— Женя правду сказал! — загорячился Ваню. — Пороть человека — нехорошо делать!

— Развязывать надо! — заметил Кадыр.

— Прощаю я его, дурачину! — хохоча, согласился Буровских. — Большой человек, чего с него взять...

Добровольного детектива развязали; он поднялся с земли, растирая запястья, молча и ожесточенно смотрел на «шабашников», видимо, хотел сказать что-то угрожающее, но, увидев сжатые кулаки бригадира, прикусил язык и, повернувшись, тихонечко пошел прочь.

В кабинете Анискина сидят Петька Опанасенко и Витька Матушкин. Оба — серьезные, сосредоточены, по-военному подтянуты.

— Вот ты, Петруха, — говорил Анискин, — как бывший Фантомас, и ты вот, Витюха, как бывший Фантомасов заместитель, лес округ деревни так знаете, что каждый сантиметр — назубок. Так говорю?

— Так, дядя Анискин, — ответил Петька.

— Знаем, — добавил Витька.

— Команда такая: весь кедрач и сосняк облазить, каждую стежку-дорожку проверить, под каждое дерево и каждый пенек — заглянуть! Ищите след кирзового сапога с большой солдатской подковкой — это раз! Подковки не будет, просто ищите — это два! Третье: ежели заметят, что вы...

Петька усмехнулся, перебил Анискина:

— Предупреждать не надо, сами понимаем! Ни один глаз не заметит... Вы и то лагерь Фантомаса неделю найти не могли!

Анискин обиделся.

— Неделю! — воскликнул он. — Да не больше четырех дней!

— Неделю! — сказал Петька.

— Ну и ну! — рассердился Анискин. — Арш выполнять задание!

Парнишки исчезли, Анискин, посидев немного, чтобы перевести дыхание, поднялся, подошел к окну, уселся на подоконник. На улице

появился матрос первой статьи Иван Григорьев, растерзанный, опохмелившийся, слегка покачивающийся. Он шел явно к милицейскому дому, но вдруг остановился и начал приводить себя в порядок — пальцами пытался вернуть складку на брюки-клеш, тельняшку туго заправил за ремень, фуражку, примерив ребром ладони, строго направил по носу. Вошел в кабинет, мрачно поздоровался.

АНИСКИН. Сердечно благодарю, что почтили присутствием!.. Вот скажите вы мне, товарищ старший матрос, что вам споет, ежели вы бушлат утратили, мой старинный дружок капитан парохода «Пролетарий» Семен Семенович Пекарский?

МАТРОС. С парохода списать могут!

АНИСКИН. Во! Держи бушлат, за тобой... Сколько стоит бушлатка «Экстры»? Отдашь, когда я тебя на «Пролетарий» поведу.

МАТРОС. Все равно ничего не знаю, никакой связи ни с кем не имею! Пропадай, моя телега, все четыре колеса!.. Бушлат не возмю — все одно мне реки больше не выдать, а я без неё...

АНИСКИН. Стой! Встань! Смирна!.. Вот так, молодец! Не можешь, значит, жить без Обишки? Не можешь, а бушлат не берешь! Я те пропаду, Григорьев! Ты — баранаковский?

МАТРОС. Но!

АНИСКИН. Макара Аверьяновича Григорьева, который одна нога, сын?

МАТРОС. Сын.

АНИСКИН. Я те пропаду, алкоголик несчастный! Я те так пропаду, что ты... Стой! Не шевельсь, ежели тебя по стойке «смирна» капитан милиции поставил! Одень бушлат. Теперь так: на-пра-ва! Из кабинета шагом — арш!

Под тремя старыми осокорями, на исторической в масштабах деревни скамейке сидели Анискин и Ольга Пешнева. Она была непонятно какая — трезвая или пьяная. Сидела неподвижно, глядела, упершись затылком в черную кору осокоря, на Заречье.

— У меня сколько на счету мужиков пить бросило? — сам себя спросил Анискин и начал загибать пальцы. — Завклубом, Васька Опанасенко, Еремей Костерин, пастух Сидор, что сейчас кнутом щелкает и на коров строжится... Мужики! Пропойцы — не моги трезвыми видеть, а вот... А вот с тобой, бабой, извиняюсь, женщиной справиться не могу, ровно с попом-расстригой Васькой Негановым... Это как так? — Задумался, тоже стал глядеть на розовеющее Заречье. — Правда, фельдшер Яков Кириллович мне говорил, что ежели баба к водке, как грудник к сиське, прильнет, то ее тяжелее отвадить, чем мужика... Такова, говорит, у бабы, виноват обратно, женщины, нервна система и... эта... конституция...

— Ты замолчишь, дядя Анискин, или не замолчишь? Ты понимаешь, что из меня душу вынаешь?

— Да нет, понимаю... Чего мне не понимать, ежели я душу из тебя согласно плану вынимаю...

— Я оттого и пью, дядя Анискин, — пронзительно говорила Ольга, — что безмужняя, бездетна, бездружна. Ну, нет на этой земле чело века, которому Ольга Пешнева в нужности бы находилась!

— Но ведь это черный круг получается, Ольга! — тихо отозвался участковый. — Безмужняя — так кто на тебе женится, если ты все-

гда насквозь пьяная? Бездетна — так разве тебе можно хоть от кого ребенка заиметь? Бездружна — так... Ну, чего еще можно говорить... Может, лучше помолчим, подумаем?

— Помолчим, дядя Анискин, подумаем...

Ах! Вон он и полыхнул — зеленый луч, которого, мало надеясь на удачу, все-таки ждал Анискин. Тонким прожекторным пучком луч возник в Заречье, скользнул по небу, зазеленил все и — пропал, исчез, точно видение.

— Зеленый луч! — прошептала Ольга Пешнева. — Второй раз в жизни вижу...

— Я в пятый раз, — подражая ее тону и голосу, произнес Анискин. — А есть люди, которые по десяти разов видели, например фельдшер Яков Кириллович... Но дело не в том, Ольга, не в том!

— В чем же, дядя Анискин?

— А в том, что мне тебя при себе самой сейчас придется оставить... Глянь: пароход «Пролетарий» гребет, так у меня на нем дело! — Он поднялся, повернулся к женщине. — Ты еще посиди здесь, Ольга. Послушай, как вот эти оскоря, которые мой прадед еще знал, пошумливают, как закат опускается, как вода под яром побурливает. Посиди! Мне — дело делать...

Ольга подняла голову: налитые слезами глаза, горько опущенные уголки увядших губ.

— Ты чего меня, дядя Анискин, про отставшего матроса не спрашиваешь? — сказала она. — Он с Веркой Косой дела имеет... Это заради его она две бутылки поставила при своей-то жадности...

— А мне это в известности, Ольга. Мне бы другое узнать: кто Верку Косую на матроса направил?

Ольга подумала.

— По пьянке все было, плохо помню... Только вышла я в полночь на двор Васьки Неганова, слышу: Верка Косая с кем-то шепчется... Приглядываюсь: мужик длиннющий, здоровенный, с гитарой через плечо...

Анискин слушал совершенно спокойно, ну, абсолютно спокойно, то есть так, что ничего в лице не изменилось — было грустным от разговора с Ольгой, таким и оставалось.

— С гитарой? — тихо и спокойно переспросил он. — А заикается, и борода — во!

— Шепотом говорил, не заикается, и бороды не было — это точно, хотя мужик в тени стоял и узнать я его не могла, но будто знакомый...

Густо стояли на верхней палубе разодетые пассажиры, капитан Пекарский на капитанском мостике покрикивал в мегафон: «Левую отдавай! Машине — стоп!», парочка на глазах всего мира целовалась на скамейке верхней палубы. И отъезжающий из деревни народ, что толпился еще на деревянном дебаркадере, тоже был празднично приодет. Поэтому речник Григорьев, стоящий скромно и тихо в толпе, казался грязным неестественным пятном.

Анискин, здороваясь направо и налево, протолкался к матросу, встав за его спиной, призывно покашлял. Потом стал разглядывать верхнюю палубу и нашел того, кого искал, — возле леверной стойки,

держась за нее одной рукой, стоял капитан милиции. Когда пароход прилип к борту дебаркадера, Анискин крикнул:

— Здравия желаю, товарищ капитан!

— Привет, Федор Иванович!

— Вы, товарищ капитан, — опять крикнул Анискин, — погодите сходить. Нам надо на пароходе побывать... — И перенес взгляд на капитанский мостик. — Семен Семенович, полчок, здорово!

— Федор! — загредел в мегафон капитан. — Здорово, полчок! Ну, давай, поднимайся... Эй, пассажиры — на месте! Никому не садиться! Пропустите милицию! А! Григорьев! — Он спрятал мегафон за спину, и получилось смешно, так как без мегафона голос у Пекарского оказался еще более громким. — Ах, ах! Пропажа нашлась! Григорьев обнаружился! Вот отчего ты, Федор, старого дружка-то вспомнил...

Григорьев, понурый и несчастный, впереди, Анискин — позади, первыми прошли через сложное и пахучее пароходное нутро, поднявшись по ковровым лестницам, оказались у дверей капитанской каюты, возле которых уже стоял капитан из райотдела милиции Игорь Владимирович Качушин.

— Рад вас видеть в полной форме, Федор Иванович! — сказал Качушин. — Рад, рад! Соскучился!

— Взаимно, Игорь Владимирович! Позвольте отозвать вас вон в тот уголок... Григорьев, оставаться на месте!

В уголке пароходного коридора участковый принял к уху Качушина, что-то шептал ему до тех пор, пока не появился капитан Пекарский — здоровый, как медведь, бородатый, как геолог, черный от загара, как негр.

— Здоров, Феденька! Забываешь старых дружков, но — леший с тобой! Иди-иди, не бойся, не сомну! Осторожно буду обнимать, бережно... — Но прежде чем обняться с Анискиным, коротко и властно: — Матрос Григорьев, зайдите в капитанскую каюту, сядьте в кресло справа от стола.

Когда матрос ушел, Пекарский и участковый крепко, по-фронтовому, по-сибирски обнялись.

— Матрос-то из него как, выпестовался?

— Баранаковский же! — ответил капитан. — Макара Григорьева сын... Ах, знаешь! — Он поднял большой палец. — Во матрос, но гибнет... Водка, женщины, карты, буги-вуги — весь джентльменский набор. Списывать придется, Федюк! Я в третий раз не прощаю. — И неожиданно мягко и печально вздохнул. — Ты вот его привел, а это — дело серьезное!

— Серьезное! — согласился Анискин. — В краже замешан... Сроком папахивает!

В капитанской каюте было много солнца, зеленые блики от воды отражались в графине, играли на линкрусте стен, на корешках книг, многие из которых были тиснены золотом, например «Лолция» или книга с английским названием.

— Продолжайте, Федор Иванович, у меня с дезертировавшим матросом Григорьевым свои дела... — сказал Пекарский. — Григорьев! Матрос не сутулится, не морщится, не дрожит, если даже ведут на расстрел. Сесть прямо!.. Давай, Федор Иванович.

Зачем-то разглядывая потертую кожу планшетки, участковый сказал таким тоном, словно разговаривал с самим собой, а в каюте никого, кроме него, не было:

— Гражданин Григорьев связан с человеком высокого роста, от него получает краденое, но не из рук высокого, а от гражданки Веры Ивановны Косой... Вывод: передаточное звено между деревней и областным центром...

— Выдумка! — просипел матрос.

Анискин медленно повернулся к следователю.

— Игорь Владимирович, разрешите?

— Действуйте, Федор Иванович.

Теперь участковый повернулся к капитану:

— Семен Семенович, ты нас в каюту гражданина Григорьева проводи. Чемоданишки, вещички его перетряхнуть надо. Да кроме тебя еще нам один понятой нужен.

Матрос онемел, выпучился, щеки сами собой ввалились.

Все вместе спустились в самое нутро громадного парохода, почти в машинное отделение, прошагав вдоль узкого, освещенного только электричеством коридора, остановились перед каютой без надписи.

Двухместная каюта с ярусно расположенными спальными полками была пуста, мала, едва вместила вошедших, и участковый попросил:

— Из-за двери ведите наблюденье. Мы с Григорьевым пошукаем...

Участковый в упор посмотрел на матроса.

— Какие чемоданы твои?

Григорьев просипел пропитым и перехваченным страхом голосом:

— У матроса не чемодан, а рундук...

— Ладно! Это чей чемодан? — спросил участковый, вынимая чемодан из дивно-неожиданного места — из-под стола, конец которого и опирался на чемодан, покрашенный и отделанный под дуб. Второй конец матросского стола был прикреплен шарнирами к бортовой стенке каюты. — Это не простой человек придумал, а голова! Боттичелли!

Пауза была велика, трагична, обреченно-зловеща.

— Мой чемодан, — наконец прошептал Григорьев. — То есть не мой, а... я его притащил. Я!

— Что в этом чудном чемодане?

— Не знаю! — честным голосом воскликнул матрос.

На самом деле чемодан был необычным — не было в нем ни застежек, ни замков, а только декоративные наклейки, имитирующие замки.

Несколько ловких, незаметных, профессиональных, как у знаменитых «медвежатников», движений сделал Анискин, и чемодан бесшумно открылся. Речник заглянул в него и от страха попятился, зажмурился, съежился так, что показался низкорослым.

— Иконы! — крикнул матрос.

Да, необычный чемодан был наполнен тщательно обернутыми и упакованными иконами. Анискин взял одну, потом вторую, развертывая, внимательно разглядывал их.

— Это из церкви! — объявил он. — Поп жалился, что шибко ценная икона уведена, под названием «Борис и Глеб»... Вот она и есть! Двое парнишонок при горностаевых шапках... Директорских икон здесь, конечно, нет и быть не может! — Он обратился к следователю. — Вот, значит, так получается, Игорь Владимирович. Церковные иконы они уже погрузили на пароход, а матрос нарочно отстал, чтобы притащить и директорские. По одному чемодану оно сподручнее да незаметнее таскать... Позвольте сделать задержание гражданина Григорьева? Есть, товарищ капитан! Гражданин Григорьев, вы задержаны, прошу следовать за мной!

В кабинете участкового шел обыкновенный допрос. Анискин и Качушин сидели рядом за столом, а матрос и Верка Косая, одетая нищенски, сидели в разных углах комнаты на тяжелых табуретах.

— Гражданин Григорьев, повторите последние слова, — сердито сказал участковый. — Так частите, что писать не успеваю... Я вам не пишуца машинка... Вот с этих слов повторите: «...Гражданка Косая обещала хорошие деньги, предложила мне провезти на пароходе...».

Матрос сосредоточился.

— ...Предложила мне провезти на пароходе чемодан с неизвестным грузом, упредив, что чемодан открывать нельзя, да он и сам не открывается. Я, конечно, сначала не зажелал, а потом... Потом она мне пятьдесят рублей, то есть пять червонцев, дает... Тут я и... взял.

— Это было?..

— Было это первый раз в мае месяце, числа двадцать пятого, но я в тот первый раз от парохода не отставал, как чемодан был в наличности один...

— «...В наличности один». Записал! Ставлю следующий вопрос: кому должны были передать воровской товар в Ромске? Отвечайте!

— Отвечаю, отвечаю помедленне... Прибываю я пароходом в Ромск, беру чемодан, выхожу из пристанского сквера. Ко мне подходит человек в черных очках, при бороде. Спрашивает: «Вы от Боттичелли?» Отвечаю: «Боттичелли любит Каф-ку». Он берет чемодан, а мне на руку — червонец. Потом говорит: «Вам еще и премия полагается!» И... ну, дает мне бутылку водки. Пейте, говорит, не отходя от кассы, чтобы прошло ваше идиотское волнение. Вы, говорит, весь бледный и трясетесь, как... Счас! Как протоплазма...

— Про-топ-лаз-ма... — записывая, повторил Анискин и уважительно покачал головой. — Ты, Григорьев, с шибкой интеллигенцией воровски дела завел... Протоплазма! Нет сказать: дрожись, как осиновый лист... Все рассказал?

— Все, до волосочка.

Анискин всем телом, пытаясь скрыть неприязнь и брезгливость, повернулся к Верке Косой. Он довольно долго глядел на нее пронизывающими глазами, потом, непонятно усмехнувшись, спросил:

— Подтверждаете показания Григорьева, гражданка Косая?

Верка суетливо вскочила, молитвенно сложив руки — ладонь к ладони, затараторила, запричитала, запела, заюлила:

— Все, все подтверждаю, до последней капелюшечки подтверждаю, что правдынька вся от начала до кончика, я бы и сама во всем

призналась, да прийти не успела, боялась, но хотела, хотела, это вся деревня знает, прийти к тебе, дядя Анискин, родненький, миленький, с повинной.

— Ма-а-алчать! — крикнул Анискин, и Косая даже присела, ойкнула.

— Почему молчать, почему, родненький? Когда надо, миленький, показанья давать, ты говоришь: молчать!

— А потому, что ты меня дядей Анискиным называешь. Прее-екратить! Я тебе вот кто: участковый! Более — ни слова! Не гражданин, не товарищ, а участковый... Поняла?

— Ой, поняла, родненький, не буду больше дядей Анискиным обзываться... Ой, миленький, участковенький, все-все подтверждаю.

— Сядь, запишу, помолчи, не трясись для виду... «Все подтверждаю. Точка». У кого брала чемодан для передачи гражданину Григорьеву?

Верка опять вскочила, приняла прежнюю позу:

— Ой, да я слыхом не слыхала, ой, да я и глазом не видала, ой, да я нюхом не нюхала, кто мне чемодан давал! — Сунув руку за пазуху, она выхватила бумажку. — Ой, родненький, ой, участковенький, вот по этой бумажочке, миленький, я все и производила.

Анискин принял половинный лист машинописного текста, положив посередине меж собой и следователем, взглядом уткнулся в написанное. Знакомым шрифтом было напечатано:

— «Чемодан найдете под шестой елью, рядом с большой муравьиной кучей. Взять ровно в 23-00. Боттичелли». Вот такая история, Игорь Владимирович, получается! — И к Верке Косой: — В первый раз с этим Боттичелли вы где встретились?

— Ой, миленький, участковенький, да я его так ни разу и не встретила! Все через записку, родненький, ладненький, добрененький...

— Так... А шестнадцатого июля в ноль-ноль часов с кем возле хлева во дворе гражданина Неганова вела шепотом беседу?

Верка замахала руками, точно ветряная мельница:

— Ой, да это выдумки, родненький, ни с кем я беседу не имела, участковенький, и кто это только придумал честных людей порочить...

Участковый встал, официально подтянулся.

— Вы пока свободны, гражданка Косая...

— Правильно, Федор Иванович, пусть гражданка подумает на досуге о забытой встрече с неизвестным на дворе Неганова.

Как только Косая, шаркая подошвами, по-монашески сутулясь и чахоточно покашливая, с благолепным лицом и опущенными постно глазами вышла из комнаты, Анискин облегченно вздохнул и освобожденно произнес:

— Через пять минут потерпевший придет, директор Яков Влазович...

Качушин перебрал несколько бумаг, что-то записал в большой и блестящий блокнот, переменял свободную позу на рабочую. Он был молод, красив, интеллигентен, одним словом, принадлежал к новой, современной формации работников МВД.

— Гражданин Григорьев Иван Макарович, — начал он спокойно, вежливо и в меру строго. — Возьмете чемодан, набитый для веса тяжестями, сойдете с «Пролетария» на ромской пристани, будете

дожидаться встречи со связным... Вести предлагаю себя обычно, как раньше при встрече со связным, молчать и не привлекать внимания окружающих, когда связного будут задерживать работники Ромского уголовного розыска...

— Как же я на «Пролетарий»-то попаду? — мрачно, но веселее прежнего спросил матрос.

— Об этом не заботьтесь... Все ли поняли, гражданин Григорьев?

— Понял! Сделаю, как велите...

— Превосходно! Однако учтите, что вы... Вас тоже задержат.

Матрос поник, посерел.

— Ждите дальнейших распоряжений на улице, возле дома. Посидите на скамейке...

Матрос не успел дойти до дверей, как в них постучали. Получив разрешение, вошел директор школы Яков Власович — несчастный, согбенный, даже, ей-ей, постаревший, так как забыл побриться.

— Садитесь, Яков Власович, садитесь, мил человек! — подставляя удобный стул, заторопился Анискин. — Сядьте, сядьте, найдем ваши иконочки!

Качушин, встав и подойдя к директору, крепко и дружески пожал ему руку.

— Здравствуйте, Яков Власович!

— Рад приветствовать вас, Игорь Владимирович! Варвару-великомученицу тоже украли...

Капитан райотдела подошел к выложенным и взгроможденным на подоконник иконам, взглядом попросил Якова Власовича приблизиться. Тот быстро вскочил, подбежал, но еще на бегу Анискин его оберег от разочарования.

— Это еще пока не ваши иконы, Яков Власович, — ласково сказал он. — Это пока поповские, а ваши мы со дня на день найдем...

Качушин сказал:

— Нуждаемся в вашей компетентной консультации, Яков Власович... Посмотрите на иконы и скажите, лучшие ли, самые ли ценные неизвестный преступник отобрал для отправки в Ромск? Правда ли, что неизвестный — большой ценитель древнерусского искусства? Наденьте перчатки...

Глаза директора школы мгновенно прояснились, лицо помолодело; он такими бережными и волнующимися руками начал перебирать иконы, какими увеленный сединами профессор-филателист пинцетом кладет редкую марку в альбом.

— «Борис и Глеб!» — благоговейно произнес директор. — Третьяковская галерея сочтет за праздник акт получения такой иконы. — Охо-хо! Спаситель в терновом венце... Божья мать, примерно семнадцатого века! Что? Девять икон из четырнадцати украденных? Две подброшены, три... Да, да! Отсутствуют иконы сомнительного достоинства... Преступник непременно и категорически знаток. Мать моя, иконы проложены тонким поролоном и специальной влаго- и воздухозащитной пленкой! Он — коллекционер, и коллекционер громадного размаха! Игорь Владимирович, пишите уверенно: знаток.

По Оби — широкой и солнечной — мчался корабль на подводных крыльях, «Метеор». На палубе стоял матрос Григорьев. С берега на него смотрели Качушин, Анискин и Яков Власович. Скоро, то есть

почти в считанные секунды, «Метеор» превратился в точку, потом — еще быстрее — исчез из поля зрения.

— Иконы и вещественные доказательства я передал с капитаном «Метеора», — сказал Качушин. — Будет произведено всестороннее исследование...

— Изотопами? — живо заинтересовался Анискин. — Или лучами, которые рентгеновски?

— Всесторонне, Федор Иванович, — ответил следователь. — Думаю, надо скорее возвращаться. Следует произвести официальный запрос на всех четверых подозреваемых — образование, истинное место рождения, связи с коллекционерами икон и нумизматами.

Яков Власович внезапно сделал догоняющее движение в сторону исчезнувшего «Метеора», забеспокоился чрезвычайно.

— Как бы у матроса иконы не украли! — воскликнул он.

— Вам-то что? — удивился Анискин. — Иконы-то — поповские!

— Как что? — всплеснул руками директор. — Может пропасть народное достояние.

Анискин примолк, глядя в пустой купол безоблачного неба, наконец пробормотал огорченно:

— Народное достояние? Эх, еще не все понимаю...

Анискин ввел Качушина в комнату, в которой когда-то жила дочь Зинаида, и все здесь напоминало о ней — портрет на стене, стеллаж с отлично подобранными книгами, большое зеркало-трюмо. Пышная кровать была расстелена, горел зеленый торшер для чтения, и Анискин сразу же показал на стеллаж.

— Ты, Игорь Владимирович, книги-то без спросу бери, — сказал он. — Ты без книги, я уж знаю, не заснешь!

Следователь благодарно улыбнулся.

— Спасибо, Федор Иванович! Но у меня — другое чтение... Он вынул из своего крошечного чемодана книгу, положил ее на тумбочку возле кровати. — Надо по делу почитать, Федор Иванович.

Анискин взял книгу, посмотрел на обложку и прочел:

— Владимир Солоухин. «Черные доски»... Про иконы?

— Да, Федор Иванович...

Участковый поскреб в затылке, покосился на Качушина.

— Может быть, и мне почитать, что ли, как вы закончите.

— О чем речь, Федор Иванович, завтра получите книгу...

— Ну, спокойной ночи!

— Спокойной ночи, Федор Иванович!

Ночь. Своей скрытой тропой к тайнику пробирается человек, высокий, с бородой, в перчатках, черных очках, поднятых на лоб. Шагает осторожно, на ногах — чехлы, конечно, надеты, одной рукой бережно прижимает к себе две упакованные иконы, в другой руке — палка, сучковатая, толстая. Незвестный едва-едва прикасается ею к земле. У него вид предельно счастливого человека.

Открывается тайник, неизвестный сидит к нам спиной, хорошо освещенный лунным светом. Руки в перчатках — руки искуснейшего хирурга. Вот он закрывает тайник, поднимается, пятясь уходит... О, ужас! Сучковатая палка остается прислоненной к могучему дереву, отполированная до блеска временем и руками, светится золотой загогулистой линией.

— Старик, старик,— пятась от сокровищницы, шепчет неизвестный.— Знал бы ты, дед, что продал за пятерку!

Ночь постепенно переходит в утро. Сладко спят на полу, на толстых матрацах Евгений Молочков и Юрий Буровских. Под подушкой у второго — стопка из шести икон. Оба сладко и смачно посапывают.

Быстро, как зверина, просыпается бригадир. Открыв глаза, сразу делается свежим, бодрым, готовым к немедленному действию. Не думая и не заботясь о сне соседей, гремит чем попало, скрипит половицами, бренчит дужкой ведра, из которого жадно пьет воду.

— Четыре! — отрываясь от ведра, прокричал бригадир.— Это вам не в колхозе — до десяти у меня не поспите!

Поднимаясь, еле еще продирая глаза, Юрий Буровских ворчит:

— В колхозе не в десять поднимаются — в семь... А мы что, не люди? Жаден ты, Иван Петрович, как поп...

Бригадир волчком повернулся к гитаристу, ощерился снова по-звериному.

— Поп? — зарычал он.— Поп, говоришь? Я жаден, а кто у попа и директора иконы украл? Ты — подлец, грабитель, ворюга. Я жаден, да работой, а ты... Шестью иконами глаза Анискину отводишь... — Он призывающе обратился ко всем.— Чего молчите, чертовы работнички! Если шабашник воровать начнет — кончилась наша сытая жизнь. Нанимать не будут, по миру пойдем с протянутой рукой...

— Зачем ругаешься, — сказал Ваню.— Не надо ругаться... А ты, дорогой друг Юра, если виноват, иди — признавайся...

— Жить честно надо, — сказал Кадыр.— Человек ворует — не люблю. Иди, признавайся, без тебя достроим...

— Н-да, положеньице, — сказал Евгений Молочков.— Хуже архиерейского...

Юрий Буровских стоял растерянный и робкий — так на него наседал бригадир.

Самый лучший день, пожалуй, вызрел над деревней и Обью! Просторно было так, что глаз не хватало, красиво — что сердцу тесно. Анишкин и Качушин шли по улице неторопливо, находили время и поговорить и по сторонам посмотреть. У трех древних осокарей они остановились, полюбовались на деревья, реку, заречье, чаек, что с криками носились над безморщинной, но стремительно и плавно несущейся к Ледовитому океану рекой.

— Красота какая, — сказал Качушин.— Теперь даже в райцентре четырехэтажные дома загораживают небо...

— Во! О красоте и поговорить охота, — обрадовался Анишкин.— О ней, красоте, все собираюсь вам слово сказать, товарищ капитан... Ну, ладно, Игорь Владимирович... Я ведь прочел «Черные доски» Солоухина, который Владимир... Деревенский мужик, хоть и словом красуется... Так что прочел я «Черные доски»...

— Понравилось?

— Наверное, понравилось, — задумчиво отозвался Анишкин.— Да нет, просто понравилось, ежели я теперь пропавши иконы со смыс-

лом ишу! Это и правда: народное достояние да неоценимое богатство...

Они пошли по улице дальше, к клубу, на котором висела афиша фильма «Калина красная».

Бежала серединой улицы, собирая за собой толпу, баба-сплетница Сузгиниха, махала руками, вопила:

— Все иконы у Валерьяновны украли, всю одежку увели, все Сережкины деньги забрали... Ратуйте, люди, ратуйте, обратно банда завелась, а чего милиция глядит! Ой, все у Валерьяновны скрали, ничего в доме не оставили, кроме щербатой сковородки!

За Сузгинихой и толпой шла согнутая временем Валерьяновна. Подойдя к крыльцу клуба, на котором стояли Качушин, Анискин, Паздников, Молочков, она выпрямилась, сделалась той Валерьяновой, которой была когда-то: красавицей, бой-бабой, грозой деревенских мужиков.

— Это чего же получается, товарищи милиция? — спросила Валерьяновна. — Что у меня барахлишко увели — это Сузгиниха брешет, а вот... У меня Иоанна Крестителя украли!

— Ну! — остолбенел участковый.

— Я на вас, милиция, не богу буду жаловаться, — сказала Валерьяновна. — Я вашему министру пожалуюсь...

Зазвонил телефон, Качушин поднял трубку, обрадовался:

— Да! Капитан Качушин! Здравия желаю, товарищ подполковник. Слу-у-у-шаю! Так! Так! Понятно! Советуете повторить операцию «Чемодан»... Есть, товарищ подполковник! Есть повторить!

Качушин положил трубку, разочарованно уронил голову на руки; вид у него, как и у Анискина, был усталый: не спали всю ночь.

— Советуют повторить операцию «Чемодан», — сказал Качушин. — Никто Григорьева не встретил...

— Это я уже засек! — вздохнул Анискин. — На операцию «Чемодан» надо пять дней туда, пять дней — обратно... Декада! А Валерьяновна грозит министру пожаловаться, у нее это дело не прокиснет... Шутка дело — министр! На меня кроме как в область еще не жаловались... Во! Председатель колхоза, сам Иван Иванович пожаловали. Здоров, Иван Иванович!

— Здравствуйте, Федор Иванович! Игорю Владимировичу — наш пламенный! Зачем звал, Федор Иванович? У меня ремонт уборочной техники...

Анискин хлебосольным жестом указал на самый новый, удобный и мягкий стул, стоящий почти рядом со столом.

— Милости просим, Иван Иванович! — Он посмотрел на часы. — Слух такой прошел, что твои шабашники к нам с Игорем Владимировичем преступника-ворюгу с минуту на минуту привести хотят... А нам без тебя, Иван Иванович, в это дело трудно встревать... Ты — председатель!

Помолчали. Качушин перелистывал отлично изданную книгу «Русские иконы», разглядывал лики святых. Участковый медленно перелистывал свой неизменный блокнот.

— Иван Иванович, а, Иван Иванович! — сосредоточенно окликнул он задумавшегося председателя. — Ты сколько денег колхознику, в среднем сказать, на трудовень кладешь?

— Около пяти рублей,— машинально ответил Иван Иванович.— Год на год не приходится...

— А этому, так его, шабашнику, как я говорю, вольному стрелку? Председатель сразу утратил задумчивость.

— Вот оно и есть!— после длинной паузы сказал Анискин.— На каждом колхозном собрании с трибуны от тебя только и слышать: «Соцсоревнование, соцсоревнование, соцсоревнование!», а вольному стрелку больше колхозника платишь... Чего помалкиваешь?

— Думаю.

— Во! Во! Думай!.. А хочешь, я тебе сейчас, не отходя от кассы, бригаду определю из колхозников, да такую, что они тебе не одну, а две силосны башни построят... Начнем с бригадира— им делаем Валентина Проталина, который что с топором, что с новой техникой— как повар с картошкой...

— Проталина нельзя!— вздохнул председатель.— Кто будет тракторным парком распоряжаться?

— Герка Мурзин.

— Ну, ты скажешь, Федор Иванович! Он же молодой, неопытный, молоко на губах не обсохло...

Анискин по-бабьи всплеснул руками.

— Молодой! Ему сколько лет?

— Двадцать пять.

— А тебе, который целым колхозом управляет?.. Во! Молчишь, так как тебе— тридцать первый пошел, а ведь колхоз-то миллионный, даже на новые деньги... Затираешь молодежь, а?

— Видишь ли, дядя Анискин,— начал председатель, но замолк, так как в сенях загрохотали многочисленные тяжелые сапоги, дверь мощно распахнулась, в проеме показался бригадир, держащий за шиворот упирающегося Юрия Буровских. Следом за ними в кабинет вошли остальные шабашники.

— Берите грабара, начальнички!— прохрипел бригадир.— Накололи мы его, сявку и голошлепа! Побармите с ним. Среди нас— народ честный, работающий, старательный.

Анискин прищурился.

— Звучно выражаешься, Иван Петрович,— сказал он грозно.— «Сявку», «накололи», «побарми»... Все еще тюрьму забыть не можешь? А? Чего молчишь?

Бригадир отпустил воротник Буровских, наступая на участкового, свирепо замахал ручищами.

— Я с тобой не разговариваю, Анискин!— заорал он во всю мощь необъятных легких.— Я к следователю обращаюсь!

Следователь поднялся, неторопливо проговорил:

— Ваше устное заявление принято, гражданин...

— Кутузов!

— ...Гражданин Кутузов. Прошу свидетелей сесть.

В кабинете участкового стояла напряженная и многозначительная тишина.

— Следствие само решит, кто совершил преступление, товарищ Кутузов!— сказал капитан Качушин.— Если эта сторона дела вам понятна, то могу перейти к следующей...

— Переходите, переходите!

— Перехожу... То, что вы устроили с товарищем Буровских, называется самосудом! Почему у него синяк под глазом?

Юрий Буровских мгновенно закрыл глаз ладонью, согнулся, чтобы на него не смотрели.

— Синяк — чужой! — прохрипел бригадир. — Мы самосуды не устраивали! Мы — работаем.

Из угла, где сидел Анискин, донеслось робкое призывное покашливание. Качушин повернулся на звук.

— Вы хотите что-то сказать, Федор Иванович?

— Хочу! Который Кутузов, не врет: синяк — чужой! Это товарищ Буровских... Одним словом, завклубом тоже при синяке ходит, но тот... Пластырем залепил и сообщает, что поцарапался лопнувшей струной...

Опять наступило молчание.

— А ведь ты дурак, Петрович! — раздался в тишине голос Евгения Молочкова. — Я же говорил: не наше это дело...

— Все свободны! — сказал Качушин. — Кроме Буровских и Молочкова...

После ухода «шабашников» Качушин действовал быстро — достал два форменных бланка, жестом подозвав Буровских и Молочкова, попросил:

— Дайте подписку о невыезде... Буровских, прошу вас не капризничать! А вы, Молочков? Тоже медлите?.. Спасибо! До свидания!

Когда Молочков и Буровских, подписав бумаги, ушли, следовательно и Анискин сели рядом, положив подбородки на руки, задумались.

— Три раза по десять тысяч шагов — двадцать один километр да четыре тысячи шагов — два километра восемьсот метров.

— Двадцать четыре километра почти, — отозвался Петька. — Мы с тобой скоро, Витька, покроем расстояние до областного центра...

Прилегли на траву, закрыли глаза, недовольные собой, раздосадованные, сердитые.

— Неужели не поможем дяде Анискину! — жалобно сказал Витька.

Петька резко поднялся, нахмурился.

— О-о-тставить пораженческие разговорчики! Найдем! Ну, ставь стрелки опять на нули... Возвращаемся в тайгу!

— Петька! Петя...

— Не возражать! Вперед!

Качушин и Яков Власович вошли в жалкую и гулкую комнату со следами икон на стенах и сочувственно переглянулись.

— Вы хорошо помните Георгия Победоносца? — спросил Качушин. — Не та ли это икона — она сейчас на экспертизе, поторопились отослать, — на которой художник скрыл портрет Емельяна Пугачева?

— Точно! — восторженно воскликнул директор. — Именно Емельяна Пугачева. А вы кем информированы? Анискиным?

— Нет! Знакомая с делом, я просмотрел несколько специальных книг... Об этой иконе упоминается как об утраченной. Она когда-то принадлежала одной из владимирских церквей...

Яков Власович схватился за голову:

— Владимирский! Я так и думал, я так и думал... Стоп! О ней знает московский коллекционер Сикорский. Он мне писал об утраченном Победоносце, но я... Я — провинциал! Я в себя не верю! Мне и в голову не пришло, что это именно тот Победоносец, который висит рядом, в церкви!

Качушин помолчал, цепко прищурился, напрягся.

— Хорошо, что вы упомянули о московском коллекционере. Меня интересуют ваши связи с московскими собирателями... Сколько их? Кто?

— Связан с тремя. Академик Борисов, художник Тупицын и генерал-полковник в отставке Смирнов... Отличные люди! Встречался только с генералом — у него много свободного времени, с остальными нахожусь в переписке...

Качушин встал, взволнованный, дрожащей рукой вынул из кармана вчетверо сложенный листок.

— Не пишет ли один из ваших корреспондентов на портативной пишущей машинке, Яков Власович? Вот на такой...

Он протянул директору одну из записок, подписанных «Боттичелли». Директор отшатнулся:

— Именно! Художник Тупицын. — Он бросился к секретеру, схватил пачку писем, такими же дрожащими руками, как у Качушина, выбрал несколько. — Извольте, извольте!

— Какой гость! Боже мой, какой гость!

Обойдя Неганова, участковый сел на лавку, притих, дожидаясь, когда пробочные гирлянды перестанут звенеть. Расстрига обернулся к нему, и несколько минут они внимательно смотрели друг на друга.

— Чего же будем делать, Василий? — спросил Анискин. — Ну, вот скажи ты мне, чего будем делать?

Анискин длинно вздохнул и посмотрел на Неганова такими тоскливыми, страдающими глазами, что тот поежился, бесшумно усевшись на лавку, зябко поджал ноги.

— Федя, — тихо ответил поп, — хоть на кусочки меня режь, но я не знаю, кто украл иконы...

Стеариновая свеча освещала смятую, скрученную в мучительные жгуты простыню, подушку с судорожно закушенным углом, одеяло с перекошенным пододеяльником.

— Васька, — шепотом сказал участковый, — что ты сделал с собой, Васяка!

Неганов плакал. Слезы медленно катились по щекам, пропадали в бороде, которая все еще лихо торчала. Он едва уловимо вздрогнул, когда участковый подошел к нему, наклонившись, положил тяжелую руку на плечо. В таком положении они были долго: рука Анискина лежала на плече Неганова, а расстрига беззвучно плакал. Потом поднял голову.

— Вот видишь, Федька, — прерывающимся голосом сказал он. — Весь я износился. Я всю жизнь веру искал, а ты в одной вере жил, и через это ты счастливый... Ты, Федор, как святой, тебя власть должна иконой сделать. Это ведь с ума сдвинуться можно, что ты почти сорок лет милиционером служишь. Вот через это я тебе завидую, но теперь я в такую веру перешел, против которой ты слаб.

Так что я, Васька Неганов, себя протопопом Аввакумом чувствую. Я, может, жизнь не зря прожил! — Силой, дерзостью веяло от расстриги. — Я теперь в радости живу! Я, может, первый из всех понял, что правда, она в... Водка — вот правда! Я латынь знаю: ин вино веритас! Истина в вине!

Теперь перед участковым стоял тот Неганов, которого Анискин привык видеть: с фанатично блестящими глазами, с волосами, казалось, подхваченными ветром.

— Так! — тихо сказал Анискин. — Эдак!

Он не мог смотреть в глаза Неганову: сумасшедший огонек горел в них. Правая рука расстриги была вознесена над головой проповедническим, осеняющим жестом.

Тоскуя, Анискин отвел глаза от Неганова.

— Ты, Василий, ни в каком деле не знаешь края! — горько сказал участковый. — Когда ты в молодости в курганах татарское золото искал, так ты только мозоли на руках набивал, а теперь ты поперек дороги у людей, которых спаиваешь, встал. Это преступление!

Который уж раз в жизни, за пятьдесят с лишним лет, стояли вот так — друг против друга — Анискин и Неганов!

— Люди, народ тебе судья, Василий! — сказал Анискин. — Что ты плакал, это я не видел, но ведь, Василий, жизнь наша кончается. Ты об этом мыслишь?

И осторожно, тихо, согнувшись, пошел к дверям. Был он такой, что спина казалась дряхлой-дряхлой, словно неживой. В нее и глядел Неганов... Глаза расширились, наливались тоской, скорбью, страхом смерти...

Из тайги пулей вылетели Петька и Витька, разевая рты в беззвучном крике, бежали со скоростью курьерского поезда к дому, где помещался кабинет Анискина.

Взлетели чайками на крыльцо, скрылись в доме, несколько секунд стояла тишина, потом раздались два голоса.

— Палку на месте оставили? — это испуганно прокричал Анискин.

— Умницы! Криминалисты! — это радостно похвалил за оставленную на месте палку Качушин.

Все это хорошо слышалось через распахнутое окно с резными наличниками.

Было по-таежному темно, глухо, зябко. Качушин и Анискин сидели в засаде возле тайника; в темноте светилась забытая сучковатая палка. Анискин ждал спокойно, надвинув фуражку на глаза, временами клевал носом; капитан Качушин — молодой человек! — немного волновался.

Раздались далекие, мягкие, вкрадчивые шаги. Тихонечко похрустывали сучки, шуршала сухая прошлогодняя хвоя; звуки шагов были необычными — ватными. Капитаны насторожились, перестали дышать.

— Во! — прошептал Анискин. — Пожаловали!

— Приготовились, Федор Иванович, приготовились! — вынимая из сумки-чехла фотоаппарат с «блицем», шепотом отозвался Качушин. — Опустите плечо, помешает...

Появился высокий человек. Борода — во! Черные очки — на лбу,

усы торчат пиками, парик волнистый, негритянский; на ногах — матерчатые чехлы. Подошел, увидев забытую палку, вздрогнул, выпрямился, принял такую позу, точно стоял перед объективом.

— Снимаю! — крикнул Качушин и щелкнул затвором. — Стоять на месте!

Вспышка «блиц» подобна громадной ветвистой молнии. Незвестный оказался так подробно освещенным, точно с ног до головы вспыхнул атомным пламенем. Показался похожим на негатив.

— Стоять на месте! Руки вверх! — приказал Качушин.

Дудочки! По-кенгуриному подпрыгнув, неизвестный бросился в кусты, длинноногий и легкий, так припустил, что все хрустело и стонало. Качушин устремился за ним, зацепился ремнем сумки-чехла фотоаппарата за кустарник, чуть не упал, выругался сквозь зубы, побежал дальше, хотя Анискин просительно крикнул:

— Не надо, Игорь Владимирович, не надо... Далеко не убежит! Однако Качушин уже исчез.

В доме Веры Ивановны Косой в то же время происходили события наиболее странные. Хозяйка дома — глаза горели елочными лампочками! — наблюдала раздевающегося мужчину. Не до стеснения было, не до женской гордости... Полетела на пол куртка из искусственной кожи.

— Спрячу, спрячу, ни одна душа не увидит! — вскрикнула Косая, хватая куртку и запихивая ее в сундук-дом. Брюки-то, брюки-то, чистый дек... дик... дактрон! Ой, сапоженьки мои, ой, хромовенькие! А чего это на их така больша подковка, ровно у солдата?

Кучерявый, бородатый, усатый неизвестный вместе с портфелем бросился в соседнюю комнату, крикнув на ходу:

— Мои вещи!

Вера Ивановна подошла вплотную к сундуку, принялась рыться в нем. Ой, как не хотелось возвращать вещи! Но надо, надо! Достала то, что требовал гость, бросила ему за дверь. Потом охнула — из соседней комнаты вышел торопливо «новый» человек: париком, гримом, глазами походил на молодого Есенина.

Подходил к пристани опускающийся по течению пароход «Пролетарий». Делал лихой и крутой поворот. На капитанском мостике — Семен Семенович Пекарский, человек десять пассажиров — большинство рабочие — готовились к высадке, толпились в кормовом пролете.

Качушин и Анискин за приближающимся пароходом пока наблюдали из окна — все будущие пассажиры проходили мимо них, так как другого пути не существовало.

— Кхе-кхе! — прокашлялся участковый. — А ведь все пассажиры-то! Ну, надо двигать, Игорь Владимирович!

— Здорово, Федор Иванович! — закричал без мегафона капитан. — Ты ко мне зайди! Обязательно!

Толпа загудела, зашевелилась. Из дощатой уборной вышел человек, похожий на Сергея Есенина, держа в руках фанерный маленький чемодан, скромно пристроился к очереди. Он был деревенский, как грабли.

— Сомнуть тебя, Васька, сомнуть! — пробормотал он с опаской. — Тута народ — городской... Сомнуть!

Анискин из толпы успел подмигнуть Качушину.

На одноместной каюте номер «12а».

— Во! — сказал Анискин. — Тринадцатой нету, ее не покупают... Двенадцать «а»! А?!

Постучали.

На мягкой полке лежал человек без парика и грима. Интеллигентный, высоколобый, ясноглазый. Поднялся, галантно поклонился, поправил джинсы.

— Чем обязан, дорогие товарищи?

Первым вошел Качушин.

— Вы арестованы, гражданин Тупицын Егор Валентинович!

Пассажир ничего не понял.

— Вы ошиблись каютой... Здесь двенадцать «а», вам же, думаю, нужна просто двенадцать...

— Документы!

— А что?.. Глобальная проверка пассажиров?

Качушин открыл, прочел:

— Молдавский Глеб Глебович, место работы... место работы... Штамп поисковой нефтяной партии... Место рождения? Калининград! Проживание? Ленинград...

Анискин тронул Качушина за плечо.

— Пароход надо отпускать, Игорь Владимирович! Это же «шабашник» Молочков, только без краски на лице и буднего парика... Вот! На правой руке — родинка! Три пальца тонкие, сухие — это от того, что кисть держит... Он же — художник... Здравствуйте, гражданин Боттичелли!

В кабинете Анискина продолжался допрос. Качушин — за столом, участковый — на подоконнике, допрашиваемый — на табурете, в центре комнаты.

— Вы? — спросил Качушин, неторопливо вынимая из стола большую фотографию. — Опознайте себя, гражданин Молдавский Глеб Глебович, он же Молочков Евгений Александрович, он же Тупицын Егор Валентинович, он же Боттичелли!

Допрашиваемый посмотрел. На фото — тайник, суковатая палка, человек в парике, гриме. Он улыбнулся, пожал плечами.

— Ну что вы? Никогда не встречал!

Качушин опять порывлся в столе.

— Ретушер снял с фотографии парик, грим, очки... Вы?

Допрашиваемый посмотрел на фото — был снят «шабашник» Молочков.

— Смешно; ей-же-ей... Не я!

Анискин с подоконника сказал:

— Это Молочков Евгений Александрович.

Качушин вынул очередную фотографию.

— С фото Молочкова Евгения Александровича ретушер снял парик, грим, накладные ресницы... Вы?

Допрашиваемый посмотрел — был изображен никому не известный человек.

— Ну что вы, товарищи!

Качушин повернулся к участковому:

— Федор Иванович!

Участковый подошел к допрашиваемому, наклонился:

— Снимите парик! Прошу от всего сердца...

Помедлив, допрашиваемый снял парик.

— Я! — сказал он.

Последняя фотография и допрашиваемый изображали одно и то же лицо.

— Тупицын Егор Валентинович, — сказал Качушин. — Москва, Лощадная, семнадцать, квартира сто пять... Так? Федор Иванович, ваше слово...

Участковый, продолжая сидеть на подоконнике, неторопливо показал четыре пальца:

— Их, которые длинные-то, четверо было... Ну, Юрия Буровских я сразу в сторону! Когда ему иконы воровать, ежели он включился в соревнование с завклубом насчет продавщицы Дуськи. Завклубом с Буровских с нее все лето глаз не сводят, за ней, как нитка за иголкой... Матроса Григорьева тоже долой! Он — баранаковский, Макара Григорьева сын, а у Макара отец и дед — каторжники. Богохульники! Ни в бога, ни в черта... Прадед-то барину красного петуха пустил и в Сибирь — шасты!.. Сидорова? Его я и на замет не брал. Дурак, большой дурак. Остается кто? Мо-лоч-ков!

Художник Тупицын улыбнулся, изысканно поклонился участковому.

— Как я на вас, гражданин Тупицын, вышел? Во-первых сказать, кримпленом не спекулировали, во-вторых обрисовать, глаз у вас зоркий, как у утки, все примечает, одно слово — художник. В-третьих, в церкви ни разу не был... Вот! Я на вас на второй день вышел...

— За неверие и скепсис расплачиваюсь! — сказал Тупицын. — Много слышал о вас, Федор Иванович, но не поверил! Думал, гипербола, стремление деревни к легенде и метафоре... Сам виноват!

Отец Владимир стоял возле второго окна, отнеся далеко от глаз икону «Святой Георгий Победоносец», смотрел на нее, как на... икону. Тупицын смотрел тоже, и тоже как на икону. Он прощался взглядом с бесценным сокровищем.

— Мне, что ли... это... посмотреть, — сказал Анискин, спускаясь с подоконника. — Одним глазом, а?

— Посмотрим, посмотрим! — обрадовался Качушин.

Они долго-долго смотрели на Георгия Победоносца.

— Он! — сказал участковый. — Емелька Пугач! Ежели ретушер делает бороду — во! Пустит на лоб волос, бровь вздымет — Емелька Пугач!

Отец Владимир изысканно улыбнулся.

— Не знаю, смею ли молвить, но... Федор Иванович, у Победоносца — ваши глаза... Простите великодушно!

В тишине Анискин и Качушин вернулись на прежние места, сев, онемели. Через секунду-другую участковый обратился к отцу Владимиру с нежной и хитрой улыбкой:

— Вот чего я понять не могу, гражданин поп, так как это вот он, Тупицын, за один раз мог вынести двадцать три иконы? Это как так, гражданин поп и Тупицын?

— За три раза! — сказал Тупицын. — За три дня!

Отец Владимир заскучал, смутился.

— Как так, а, гражданин служитель культа?

— Сие происшествие имело место... Три дня, великодушно простите, пребывал в пункте, райцентром именуемом.

Анискин расплылся:

— С матушкой-попадьей гуляли!

— Гражданин Тупицын Егор Валентинович, — сказал Качушин, — по справке Московского уголовного розыска иконами не торговал, не спекулировал...

Тупицын вскочил, крикнул:

— Я коллекционер — русский человек!

Анискин проговорил не глядя:

— Русский! Чуток нет... Русский человек такую красоту, как Георгий Победоносец, от народа прятать не будет... Вот берем Якова Власовича, директора нашей школы... Я ничего лишнего не говорю, Яков Власович?

— Хм!

— Яков Власович в деревне желает музей — я точно выразился? — музей!.. Хочет музей открыть там, где в клубе это... фойе. Так я сказал, Яков Власович?

— Хм! Да, да!

— Оно и безопасней,— сказал Анискин.— В клубе теперь, как аккордеон уворовали, сторож в наличии... Разорился райотдел культуры!

Тупицын улыбнулся.

— Музей! Даже если музей откроете, директор школы, советую: не сообщайте больше никому в сорокастраничных письмах каталог собственной коллекции. Бросьте эти ваши щедрые сибирские замашки!

— Не все жулики! — разозлился Яков Власович.

Величественно шла к милиционерскому дому прямая, помолодевшая лет на двадцать Валерьяновна. Черный кружевной платок, длиной почти до пят, черная сатиновая юбка миллионами складок вьется на ходу, на блузке — громадная камея... За ней шли три старухи богомолки. Валерьяновна приняла из рук Качушина икону Иоанна Крестителя, далеко отнесла от дальнозорких глаз — смотрела долго, внимательно, профессионально.

— Не! Она! Не подменили!

Обернулась к Тупицыну, сверху посмотрела на него царственно.

— Ты, что ли, скрал?

— Я.

— Понимаешь толк! Умный... Сам рисуешь?

— Пишу!

— Продолжай, толк будет... Из тюрьмы выйдешь — продолжай. Захочешь Крестителя посмотреть, приходи, ежели не помру... Кормить буду! На пухову перину укладу... Это кода отсидишь! Ну!

— Хорошо! Простите, если можете!

— Бог простит! Анискин — не...

Повернулась к участковому, смерила его взглядом с ног до головы, усмехнулась:

— На Георгия не похож, на Петра-ключника смахиваешь... Тот все райски ворота стережет... Ладно! Пошла!

У порога обернулась, бросила, как милостыню:

— Одно плохо: я ведь письмо-то министру отослала!

— Но!

— Отослала, Анискин!

Он свихнулся с подоконника:

— Давай в догон другое письмо, Валерьяновна, оправдание мне производи! Богом прошу!

— Подумаю! Пошла!

Рис. Г. МЕТЧЕНКО.

Проводники вагонов Зеликович, Ясемчик, Дунарский по предварительному сговору между собой и с помощью родственников-соучастников различными махинациями с железнодорожными билетами похитили более 2000 рублей государственных средств. Все виновные осуждены.

Редко в Таджикистане в январе выпадает снег. Скользкими становятся тогда горные дороги, и, естественно, ездить на автотранспорте по ним нужно, соблюдая особую осторожность. Водитель Баснаев, проезжая по Гиссарской дороге в снегопад, не принял во внимание усложнившуюся дорожную обстановку. Развив скорость более 70 километров в час, он не стал ее снижать и при подъезде к стоявшему на автобусной остановке транспорту.

Когда же, спохватившись, шофер стал тормозить, то машину резко занесло и ударило о бетонированную скамейку у остановки. При этом был сбит человек, получивший тяжкие повреждения.

Гиссарский районный народный суд приговорил Баснаева за нарушение Правил дорожного движения к трем годам лишения свободы.

Мезников и Демидов, захватив с собой специально изготовленную самоловно-крючковую снасть, на лодке Демидова поехали на незаконную рыбалку. Выловив четырех осетров, они вновь поставили снасть, но в это время были задержаны работниками рыбнадзора, которым оказали упорное сопротивление и которых пытались вытолкнуть из лодки. При проверке снасти на ней оказалось еще восемь рыб осетровой породы.

Центральный районный народный суд Волгограда за злостное браконьерство приговорил Мезникова к 4 годам лишения свободы, Демидова к 3 годам и 6 месяцам лишения свободы с конфискацией орудий лова и лодки с мотором. С них также взыскано в доход государства 600 рублей.

ИРЖИ МАРЕК

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Иржи Марек — новеллист и кинодраматург — известен не только в Чехословакии, но и в Советском Союзе. У нас выходили книги его рассказов, демонстрировались фильмы, поставленные по его сценариям.

Меня с Иржи Марекком связывает старая сатирическая дружба. При каждой встрече мы обмениваемся информацией: как пишется, есть ли новые книги. И вот очередное свидание в Праге.

— Что покажешь, соудруг! — спрашиваю я.

Вместо ответа писатель протягивает мне книгу. Выяснилось, что Иржи Марек, обратившись к полицейской хронике буржуазной Праги, написал серию рассказов «Старые криминальные истории». Многие из них проникнуты присущим автору чувством юмора.

Надеюсь, читатели с интересом познакомятся с одной из новелл этого цикла.

МАНУИЛ СЕМЕНОВ

уже старый судья, так что не удивляйтесь, что я трачу много времени на размышления. Не о процессах, которые я вел, а о правосудии и его смысле. Потому что от процессов не так уж много зависит. Процесс — дело рук человеческих, и поэтому в нем возможны ошибки, как говорят старые юристы.

Вот я и задаю себе вопрос: в чем же смысл правосудия и закона? Они должны оберегать человека от падения, исправлять его. Если же закон применяется неправильно или не к месту, да так, что обвиняемого не только не оберегает, но и не исправляет, то чья тут вина? Ясно, что не закона, а судьи.

Сколько раз я сам был в этом повинен?

Процесс, к которому я так часто возвращаюсь в своих мыслях, был сложный и поставил всю правовую науку в необычное положение. Должен признаться, я это знал и сам тому немного способствовал. Был я в то время еще честолюбив и хотел, чтобы все видели, как мудро я выведу эту несчастную правовую науку из ее затруднений. О, безрассудство! Чем больше судья занимается величием правосудия, тем меньше он думает о подсудимом, а это — огромная ошибка!

Должен вам сказать, что мне приходилось судить всякую публику. Воров кур и убийц, мошенников и ревнивых жен, которые подмешивали мужьям в еду яд, горемык и ловкачей, тех, кто глубоко сожалел о содеянном, и таких, кто, выйдя из тюрьмы через одну дверь, вскоре возвращался в нее через другую. Тут уж ничего не поделаешь, такова жизнь.

Но вот дело о ясновидце все время тревожит меня, хотя было это давно и с юридической стороны все в нем было правильно.

Как и всякий судья, я больше всего люблю тех преступников, что отбудут свой срок — и все: искупил он свою вину и перестал потому быть преступником не только перед законом, но и перед собственной совестью.

Со мной часто случалось — я этим очень горжусь, больше, чем почетной грамотой, — что открывалась дверь моего кабинета, входил немного бледный человек с узелком белья под мышкой и говорил:

— Пане судебный советник, пришел поблагодарить вас. Изволили мне, если помните, дать ровно шесть лет, и вот я эти шесть лет отсидел... Принесло мне это много пользы.

Тот, о ком я хочу рассказать сейчас, ясновидец, о процессе над которым я все время размышляю, не приходил ко мне с благодарностью после отбытия наказания, впрочем, я и не отправлял его в тюрьму. В этом-то и была ошибка.

Всяк может по праву спросить: как же это вообще возможно, чтобы перед судом предстал ясновидец? Будь это обычный ясновидец и гляди он только в будущее, он избежал бы суда; ну, а коли оказался перед судом, значит, сам дал доказательство того, что ясновидцем не является.

Может ли всемогущий и всеведущий господь бог быть судьей людским поступкам — это уже старый вопрос. С виду это был бы идеальный судья, потому что он все знает и все может. Но если он заранее знает, что такой-то человек подожжет амбар, возникает вопрос, почему же он не воспрепятствовал этому, коли он всемогущий? Или же он не мешает, чтобы создавать себе клиентуру, чтобы было кого прощать?

С ясновидцем и того сложнее. Рассудим только, может ли врач оперировать чирей на собственном задку? Не может, потому что ни глаза, ни руки туда не доходят. Ясновидец в том же положении: он просто-напросто не видит собственной судьбы, не достает до нее. И поэтому может и он в конце концов оказаться перед судом.

Я нарочно говорю об этом упрощенно, к тому же само слово «ясновидец» не совсем точно отражает суть дела.

Есть разница между ясновидением и предвидением, или прогнозом. Это, знаете ли, мне пришлось все изучить досконально. Поэтому я знаю, насколько что связано с телепатией и когда и как может перерастать в телекинез, то есть способность мысленно влиять на какой-либо предмет. Я могу перечислить вам тысячу случаев, когда разных людей будили на расстоянии или же они сами видели, что происходило в этот момент с их близкими.

Смеетесь? Думаете: как же возможно, чтобы судья, которому помогает вся безупречная юридическая наука, точная и ясная, как математика, поверил в такие вещи? Вы счастливый человек, потому что можете махнуть на все рукой и сказать, что все это чушь.

Но что говорить судье, перед которым поставили ясновидца?

Я знаю, вы можете назвать тысячу случаев, когда такие вещи со снами и передачей мыслей на расстояние оказывались обманом, и прибавить еще тысячу случаев, когда какой-нибудь ясновидец или телепат здорово ошибался. Но знаете, что даже это совсем не опровергает само понятие «ясновидение»?

По крайней мере, для суда. Возьмите, например, математику. Кто-нибудь неправильно решает уравнение и тем доказывает, что либо не знал математических законов, либо ошибся. Но это не доказывает, что математика — не наука. С ясновидением то же самое. Каждый может ошибаться, и ясновидец — тоже.

Ошибаться может и судья, судари мои, а это — печально.

Разумеется, он может и должен в спорных случаях прибегнуть к помощи экспертов, чтобы они сообщили ему свое компетентное суждение. Когда речь зашла о ясновидении, я сам вызвал крупнейших университетских профессоров. Вижу уже, что вы машете рукой: мол, и такой университетский профессор может оказаться сумасшедшим, и лично вы ни в какие тайные силы не верите.

Счастливым вы человек, вам легче, чем судье, который обязан прислушиваться к тому, что говорит эксперт. Они могут ошибиться, но судья, выслушав их, ошибиться в своем вердикте не имеет права. Так, во всяком случае, гласит закон.

Лет сто назад предстал перед судом некий крестьянин из Силезии, обвиненный в колдовстве и общении с дьяволом, потому что он омывал смоченной в воде губкой лиц мужского и женского пола и утверждал, что излечивает их. Впрочем, то же утверждали и они сами. Судья вызвал на процесс специалиста, придворного медика из Вены, так как тогда уже просто так верить в колдовство было нельзя. И знаете, сей гофмедикус отважился сделать на губке надрез только в том месте, где ее предварительно окропили святой водой. Разрезал он ее, чтобы получить возможность с уверенностью сказать, что дьявола в губке не нашел. Дело происходило уже в просвещенный век, и ведомо было, что дьявол может располагаться в губке лишь в духовном обличье и что нет смысла резать губку на куски, ибо эманация дьявола может неявно сохраняться в любом и каждом из кусков. Но это все было сто лет назад, и мы теперь надо всем этим смеемся.

Признайтесь, пожалуйста, мог ли я позволить себе оказаться в положении судьи, над которым люди бы потом еще сто лет смеялись как над ретроградом?

Процесс этот свалился на меня случайно, просто ясновидец устраивал свои представления в нашем окружном городе. Сам я на них не ходил, но мне говорили, что зрелище было интересное и захватывающее.

Каждый раз по окончании представления этого господина с черными, способными на слез очами, Эрик Иоханаан Хануссен, объявляя, что в частном порядке дает советы по личным вопросам.

Вмешивался он и в дела жандармских следователей. Однажды, говорят, к нему обратилась одна семья в Либереце с просьбой сказать, куда пропал их дядя, богатый мясник, потому что они тщетно ожидали наследства. Пропавшего нельзя объявить мертвым, а у жандармов не было никаких данных. Ясновидец сказал семье, что дядюшка — покойник, что убили его в уединенном доме, а труп его будет найден. Но он не сказал — где, и в результате получилось много неприятностей, потому что нетерпеливые наследники принялись теребить жандармов, а ничто их так не раздражает, как намеки на плохую работу.

У нас в городе на его представления народ валом валил.

Пришла и супруга жандармского штаб-ротмистра, а такая женщина в маленьком городе считается важной дамой и соответственно себя держит. Потребовала она, чтобы пан Хануссен принял ее в частном порядке с глазу на глаз, и поведала ему, что у нее из передней украли чемодан с бельем, которое она приготовила для катания. К ясновидцу же она обратилась, поскольку муж найти ничего не сумел. Она даже намекнула, что подозревает, кто вор.

Ясновидец обратился на нее свои темные очи, но вместо того, чтобы сказать, что она права или что она заблуждается, со всем любопытством спросил, кто же тот вор. А она ему сказала, что ей кажется, это, наверно, та мерзавка из соседнего дома. Кстати, эта мерзавка к тому же была супругой судейского чиновника. Ясновидец задумался, а затем объявил, что видит чемодан в углу чердака у ската крыши.

Позднее он утверждал, что не говорил, на чьем чердаке, а пани ротмистрша твердила, что в таких обстоятельствах и без того было ясно, что речь идет о чердаке той соседки... Дала она ему за вещание тридцать крон и поспешила домой. Вернее говоря, к той соседке. Дверь дома была не заперта, а хозяйка, ничего не ведая, как раз вешала белье на чердаке. Какое удивительное совпадение! Или это было внушение ясновидца?

Пани ротмистрша ворвалась на чердак, и в глазах у нее потемнело. У ската крыши в самом деле что-то чернело. Ее чемодан! И она принялась трясти жену судейского, выкрикивая ей оскорбления. Той это совсем не понравилось, она стала звать на помощь, а заодно рвать волосы незваной соседке. Получилась крупная драка, какие обычно заканчиваются судом, весь дом ходил ходуном, прибежали паны мужья, оторвали друг от друга разъяренных дам и для пущей уверенности бросились сами друг на друга. Дополнительно выяснилось, что то, что наша пани ротмистрша приняла за чемодан, оказалось каким-то ящиком, а другая дама вовсе невиновна. Это в рассказе так длинно выходит, а там все происходило быстро, и иск в суд на ясновидца подали сразу же два человека — ротмистр и судейский пристав, который в суде был особой значительной. А дальше — словно лавиной — посыпались заявления от новых пострадавших, и над ясновидцем начали сгущаться тучи. Он же сам этому ничуть не препятствовал, был он человек бывалый и рассудил, что от шумихи получит хорошую рекламу, ибо тут же объявилось человек пятьдесят, твердивших, что им он предсказал правильно, и желавших выступить в суде свидетелями. Они писали всякие благодарственные письма, а пан ясновидец передавал их для печати в местные газеты.

Тянулось все это очень долго, не удивительно, что следователю были одни огорчения, так как прокуратура несколько раз возвращала дело на исследование. Скажу вам, составить обвинительный акт на ясновидца — совсем не сахар. Довольны были одни адвокаты, они собирали богатый урожай. Когда же наконец дело получил я и занялся, как говорится, подготовкой к главному судебному разбирательству, то понял, что это будет чертовски крепкий орешек.

Короче, процесс — что надо!

Судебный зал был набит битком, все было переполнено. Приехали даже из Вены, из Германии. Достать в те дни комнату было вооб-

ще невозможно, местные жители поседавали все койки и сами спали на чердаках. Для нашего города такой наплыв приезжих был настоящей манной небесной; трактирщики провели чрезвычайное совещание и решили потребовать от суда, чтобы такие процессы происходили, по меньшей мере, дважды в год.

Но такое дело случается лишь раз в жизни.

Журналисты писали, что готовится обезьяний процесс, что на скамье подсудимых — вся парапсихология, и в газетах ставился вопрос: победит мракобесие или правда, причем, что понимается под правдой, не писали.

Вы, возможно, думаете, что ясновидца следовало просто наказать за те случаи, когда он не угадал, а деньги с людей взял. Но и это совсем не так просто. Вот покупаете вы лотерейный билет, платите за него деньги, но не станете же вы потом обвинять государственную лотерею, что вас ограбили, если ничего не выиграете!

Приглашенные профессора психологии разделились на два лагеря. Одни, опираясь на свой авторитет, твердили, что все это — сплошное надувательство и что нужно на этом процессе выступить против всякой реакции. У них была блестящая аргументация, и было приятно их послушать. Другие, тоже ссылаясь на авторитеты, утверждали, что, напротив, речь идет о препонах на пути новой науки, которая хоть и с трудом, но все сильнее пробивает себе дорогу, и они тоже говорили красиво и учено. Что же касается свидетелей, дело обстояло и того хуже. В общем, как гласит старая истина: свидетель — человек, который присутствовал при чем-то, но в этом не разбирается, а эксперт — человек, который сам при сем не был, но зато дело знает. Ну, а судья, который и не был, и не разбирается, должен все рассудить. Парил я, точно дух над водами, и не ведал, что делать дальше.

Признать виновным? Нет?

Опуская глаза вниз, на скамью подсудимых, где сидел пан Хануссен, который должен был на суде выступать под своим настоящим именем как Герман Штайншнайдер, я испытывал замешательство. Ведь дело не только в науке, хотелось мне крикнуть, но и в человеке!

А был это человек весьма примечательный, из документов суда явствовало, что он еще во время войны был известен как чародей. Развлекал он посетителей казино не только карточными фокусами, но и тем, что с завязанными глазами читал чужие письма либо угадывал цвет платка, на который в соседней комнате указывал перстом обер-лейтенант. Держался все время в казино, в окопы не шел... А однажды ему привелось предсказать нечто весьма важное, и он объявил пану уездному начальнику, что его уважаемая супруга обманывает его с гусарским поручиком. Что сделал уездный начальник со своей супругой, в судебных документах не указывалось, зато милому вещуну Штайншнайдеру пришлось отправиться с маршевой ротой, и он едва не лишился жизни.

После войны он справил себе лицензию на право работать фокусником и иллюзионистом и принялся разъезжать по свету, читая чужие мысли. Имел он успех в Вене, в Праге, побывал и в Баварии, а потом устроил гастроли по чешской провинции. И вот отъездился,

теперь вокруг него горели споры, возвышенные и научно интересные. Но его, скорее, волновало не это, он ждал, что скажу я...

Собственно, этого ждали все. Ждала этого вся правовая наука.

Ждала этого сама пани Справедливость.

Тогда я сделал нечто совершенно необычное. Коллеги даже за голову схватились, убежденные, что процесс выйдет жалкий. Я решил провести так называемый следственный эксперимент.

— Можете ли вы, подсудимый,— сказал я,— здесь, в судебном зале и перед лицом суда доказать, что действительно имеете способности, именуемые ясновидением?

— Почтенный суд,— ответил, поднявшись, подсудимый,— здесь не совсем привычная обстановка для столь тонкого и деликатного опыта, но попытаемся...

Он, видно, решил, что иного выхода нет; ведь, хотя суду было предъявлено и несколько положительных писем, тридцать четыре иска от лиц, у которых он, как говорилось в обвинительном заключении, мошеннически выманил значительные денежные суммы, потрясли ясновидца. Теперь ему предстояло доказать, что он не прикидывается ясновидцем — это для суда очень важно,— он действительно обладает необходимыми для этого способностями.

— Прошу почтенный суд разрешить мне курить, пока я буду сосредоточиваться.

Кто-то засмеялся, но я поднял руку. В судебном зале нельзя курить, но если этот человек должен на деле показать свое умение, нам следует предоставить ему все условия. И я разрешил ему курить.

В министерстве, наверно, схватились за голову и начали подумывать, не пора ли отправлять меня на пенсию.

Затем суд удалился на совещание, чтобы обсудить, что же именно должно быть предметом опытов. Мы должны были где-либо спрятать какой-то предмет, написать несколько слов, чтобы ясновидец по почерку определил характер писавшего, и, наконец, выбрать какое-то мелкое событие и назвать его дату, а ему предстояло определить, что же именно произошло. Он только попросил нас, чтобы мы выбрали такое событие, о котором часто вспоминаем.

Подсудимого отвели в закрытый с обеих сторон коридор, где при нем находились два жандарма с приказом не отходить ни на шаг. Им было запрещено вступать с ним в разговоры, а ему — встречаться с кем бы то ни было.

Да, судари мои, правосудие оказалось в трудном положении, и я как судья старался ему помочь.

Приготовив то, что от нас требовалось, мы вернулись в зал, после чего под стражей был введен подсудимый. Настала полная тишина.

Он приложил руку ко лбу и долго стоял, закрыв глаза. Потом двинулся к тому месту, где был спрятан предмет. Ключ... Зал зашумел, и я позвонил в колокольчик. Затем мы предложили ему три образца почерков. В двух случаях он определил характер писавшего совершенно точно, в третьем — частично. Что же касается событий... Одно он угадал приблизительно, в двух случаях ответил правильно, и меня особенно тронуло, что он сумел назвать событие, о котором я действительно часто вспоминаю: день экзаменов на аттестат зрелости, при воспоминании о котором меня и сейчас пробирает дрожь.

Я констатировал, что подсудимый справился с поставленными задачами на восемьдесят процентов и что судом это установлено.

Тут подсудимый встал и потребовал слова:

— Пане председатель, благодарю вас. Но позвольте сказать, что хотя Сметана был великий гений, если бы ему приставили к груди револьвер и предложили написать «Проданную невесту», он не сумел бы этого сделать. Я — не Сметана. Со мной все могло кончиться гораздо хуже!

Все засмеялись, и я пригрозил, что прикажу очистить зал, но сам чувствовал, что сказал он страшную истину.

И затем я вынес оправдательный вердикт, согласно которому Герман Штайншнайдер не признан виновным в том, что в 1927 году и позднее в различных городах северной Чехии, пользуясь слабым разумом людей, выманивал денежные суммы, делая вид, будто владеет сверхъестественными способностями.

Аргументируя приговор, я пояснил, что понятие «слабых разумом» неубедительно, поскольку некоторые приглашенные эксперты, университетские профессора, в ясновидение верят, и уж они-то наверняка не принадлежат к «слабым разумом». Здесь речь шла не об обмане в обычном смысле слова, следовало принять во внимание, что человек, пожелавший получить какие-либо сведения с помощью таинственных и, возможно, сверхъестественных сил, не имеет права на стопроцентную гарантию точного ответа. К тому же суд, исходя из того, в чем имел возможность убедиться, неправомочен объявить, что подсудимый этими ясновидческими способностями не обладает. Суд не заявляет авторитетно, что подсудимый ими обладает, но считает, что это возможно, и в случае сомнения имеет право и даже обязан придерживаться толкования, для подсудимого выгодного...

Да, это был замечательный процесс, и о нем много писали, один журналист даже написал, что республика может гордиться вердиктом, вынесенным по этому делу. Знаете, мне это льстило.

Что же до нашего ясновидца, ему было — о-хо-хо! Он мог в удовольствии продолжать свои представления и к тому же получил невероятнейшую рекламу. Наверно, поэтому решил он поискать что-нибудь получше и перебрался в Германию. Там, понятно, людей очень и очень занимало их будущее.

Жилось ему там отлично, как я читал позднее, он выступал в берлинском варьете, и ему уже не было нужды пророчествовать насчет украденных чемоданов с бельем.

Там, в Германии, о нем знали такое, что было совершенно неизвестно мне. Когда-то давно, когда он еще жил в Вене, пришел к нему небольшого роста человек с усиками и челкой, зачесанной на лоб, и заказал гороскоп. Согласно этому гороскопу человек, родившийся при таких небесных знамениях, должен был достигнуть большей славы, чем Наполеон. Он должен только остерегаться опрометчивых решений и стремиться к высшей власти... Клиент принял странную вещьбу неизвестного ясновидца с важным видом. И когда он действительно начал играть большую роль в политике, ясновидец стал гретаться в лучах его славы.

В его роскошной квартире бывали крупнейшие фигуры империи,

именовавшей себя «третьей». Его виллу у озера и яхту посещали мужчины и дамы, перед силой которых трепетали многие.

Мужчина с великолепным гороскопом, Адольф Гитлер, достиг высшей власти: он стал канцлером.

Что же сделал тогда его личный пророк Хануссен?

Сделал то, что надо было сделать. Сделал то, чего совсем нельзя было делать. Он подал заявление в гитлеровскую национал-социалистскую партию.

Заявление начали разбирать, и тут выяснилось, что Эрик Иоханна Хануссен именуется на самом деле Герман Штайншнайдер, что родом он из Простеева и не крещен, а обрезан и обвенчан раввином в Румбурке. Вся его семья... Ах, вся его семья принадлежит к низшей расе.

Увы, ясновидец не мог предвидеть собственной судьбы! Или был слеп и он, а не только его клиент, когда посягнул на высшую власть? Неужели и ясновидец был уже ослеплен блеском славы и полагался на покровителей, ежедневно сидевших в его приемной?

Возможно, он возлагал надежды на что-то иное. Поэтому приказал смонтировать в приемной устройство для подслушивания, чтобы не зависеть от одного дара ясновидения. Теперь уже он обязан был знать все о своих клиентах!

И все же он не знал, что знает о нем тайная полиция.

Однажды я с удивлением прочел сообщение, что известный ясновидец третьей империи Э. И. Хануссен найден мертвым на обочине шоссе под Берлином. Полиция не обнаружила преступников, впрочем, она их и не искала. Слишком много людей было убито в Германии, и все знали, кем. К чему же тогда розыски?

Был ли он убит по личному указанию Гитлера? Или его убили без указаний?

Бедняга Хануссен-Штайншнайдер еще не достиг такой славы, чтобы на него распространялась амнистия в расовых вопросах, коснувшаяся апостолов, которые все как один принадлежали к низшей расе, не говоря уже об их учителе? Либо слишком нагляделся на картежников, стремившихся овладеть миром?

На эти вопросы некому ответить.

Но что, если бы я попробовал ответить на вопрос? Что вышло бы, если бы я отмерил подсудимому Герману Штайншнайдеру наивысший возможный срок?

Вышел бы он как раз в том году, когда был убит, из окружной тюрьмы в Литомержице с узелком белья под мышкой, зашел бы ко мне в кабинет и сказал:

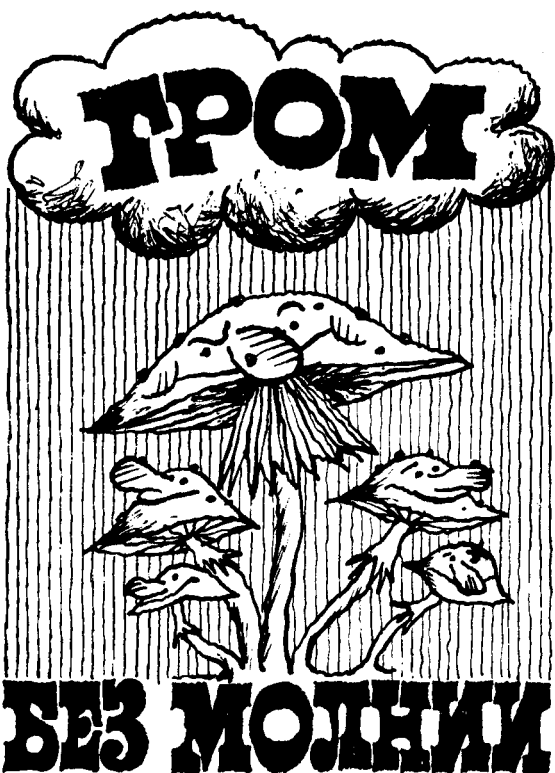
— Пане старший советник, благодарю вас за тот срок, что вы изволили мне назначить. У меня было достаточно времени для размышлений, и пришел я к выводу, что никакой я не ясновидец. Займусь-ка я чем-нибудь другим.

Закон должен не только осуждать человека, он также должен его оберегать и исправлять.

Мой приговор — столь славный — подсудимого Штайншнайдера не уберег, даже, напротив, погубил его. Но как я мог это предвидеть, если я — не ясновидец? И мог ли предвидеть это он, если ясновидцу не дано знать свою судьбу?

*Перевод с чешского ИГОРЯ СЕДЫХ.
Рис. В. ОЛИФЕРЕНКО.*

УМЯНУМ САТИРЫ

ФЕЛЬЕТОН

В славном городе Орше и прилегающих к городу сельских местностях некоторое время назад происходили, если и не совсем таинственные, то уж, во всяком случае, несколько необычные события.

Во-первых, в районе появилась шайка мошенников-спекулянтов. Вы скажете: и что ж тут особенно странного? Отвечу: шайка была неуловимой — проходила сквозь все заслоны, кордоны и рогатки, как рентгеновские лучи сквозь нашу брENNую плоть. Подобно означенным лучам, она,

эта шайка, давала некие смутные отпечатки, кое-какие неясные следы. Но самих мошенников-спекулянтов никто не видел, никто не слышал и никто с ними не говорил. Хотя в местной милиции имелись точные данные: мошенники скупают у населения скот и что-то с ним делают, обогащаясь в темпах, которым бы позавидовал американский автомобильный король Генри Форд-старший в пору наивысшего процветания своего бизнеса.

Во-вторых, на свет божий появился протокол общего собрания уполномоченных пайщиков Оршанского райпотребсоюза, в котором было сказано следующее: райпотребсоюзом руководит исключительно мудрый, опытный и проницательный человек. С чего бы это? — спросят нас. Мало ли... Но тут особый случай. Оказывается, еще восемь лет назад председатель предсказал, что заготовитель Бельковский и завскладом кожсырья Канович рано или поздно сядут в тюрьму. Никто в это тогда не поверил, ибо означенные лица считались исключительно ценными работниками. И все же пророчество сбылось. Сели ребята. Крепко сели. И этот факт дал повод сторонникам итальянского криминалиста Ломброзо вновь поднять голову: есть, значит, такие, у кого печать преступления лежит на лице. Председателя Оршанского райпотребсоюза в этой связи, по слухам, выдвинули в вице-председатели общества криминалистов-ломброзианцев. Но это лишь слухи. За точность не ручаюсь.

Наконец, третье необычайное событие состояло в том, что в Оршанском районе был образован некий фонд для поощрения оптимизма. Опять, конечно, могут нам сказать: ну и что? Вот если бы был создан фонд для поощрения пессимизма, тогда это было бы странно. Оптимизм же — явление здоровое. Почему его не поощрять? Все это верно. Тут весь вопрос в кандидатурах для поощрения. Кандидатуры, коим шли из фонда щедрые дары, подбирались еще более загадочно, чем иные кандидаты на Нобелевскую премию. Кто выдвигал, кто утверждал кандидатов — это оставалось тайной, покрытой густым мраком. Единственное, что просачивалось в массы, так это содержание даров. Не целиком содержание, а лишь кое-какие приметы: когда дар из фонда кантовали, в нем что-то булькало и из него тянуло чесноком. Вот и все более чем скудные данные. Да, забыл сказать: всякий фонд имеет свое обозначение: есть, кажется, рокфеллеровский фонд, фонд миллиардера Карнеги... В Орше источник булькающих даров назывался «фондом Бороды».

Вначале я сказал, что события, случившиеся в славном городе Орше, если и не таинственные, то несколько необычные. А теперь, когда я их столь подробно описал, то сам подумал: напрасно оговаривался — очень даже загадочная получается картина. Настолько загадочная, что мне бы никогда ее не распутать самому. Поэтому ничего не оставалось делать, как прибегнуть к помощи нашей родной милиции. Тем более что неуловимых спекулянтов скотом она была обязана ловить по штату.

Легко, однако, сказать. А как все-таки уловить то, чего никто не видел, никто не слышал и о чем даже никто не говорил. Впрочем, говорить не говорили, зато писать — писали. Вот он «сигнал», где черным по белому начертано: «...в нашем районе действует группа спекулянтов скотом, которые называют себя фальшивыми именами;

долг милиции разоблачить этих хищников, осмелившихся поднять руку на народное достояние».

— Бумага пришла из райпотребсоюза,— рассуждали в оршанской милиции,— они, конечно, осведомлены, что кто-то под них работает. Но кто?

— А может быть,— высказывалось робкое предположение,— у них у самих не все чисто?

— Да ведь там только что ревизия была.

— А не перепал ли булькающий пакетик ревизорам? Из фонда... Гм... Бороды?

— Опять эти слухи про фонд... Его кто-нибудь, этот фонд... ощущал?

— Говорят, ощущали.

— Странно. У них в райпотребсоюзе недавно собрание было — сами жуликов на чистую воду выводили.

— Тоже верно... а все-таки...

— Стали бы они сигнализировать, если бы...

Если читатель внимательно следил за изложенным диалогом, он мог бы заметить, что в разговоре были затронуты все три загадочных события: и про неуловимых; и насчет дальновидного разоблачения жуликов; и, наконец, относительно фонда. Только все это было затронуто легоньким, совсем предположительным прикосновением. Не больше того. Все три события пока еще оставались, как говорят философы, «вещью в себе». И так продолжалось довольно долго. Несколько лет инспекторы, контролеры, ревизоры вроде бы делали свое дело, а жулики — и притом вполне реальные — свое. При этом мы должны констатировать: вторые делали свое дело куда успешнее, нежели первые.

Сама констатация такого прискорбного обстоятельства, по всей вероятности, лишает автора всяких надежд на получение дара из фонда поощрения оптимизма, или, как его называли в Орше (разумеется, шепотком), — из фонда Бороды. Но тут уж ничего не попишешь: факты — вещь упрямая. Оставалось надеяться на известную мудрость — сколько бы веревочке ни виться, а конец будет, все тайное рано или поздно становится явным.

Расшифровали и в Оршанском районе все три загадочных события. Поставили одно с другим, а потом и с третьим в прямую причинную зависимость. Всех вывели на чистую воду. То есть произошли уже события, которые прямо-таки диктуют автору восклицать:

— Порок наказан!

— Добродетель торжествует!

Вопреки всему этому автор молчит. Не восклицает, словно бы потерял оптимистический тембр своего голоса. А поскольку такая позиция автора представляется по меньшей мере предосудительной, то ему волей-неволей приходится давать объяснения. Отвечать на прямые и неумолимые вопросы:

— Почему он потерял оптимистический тембр?

— А если потерял, то зачем взялся за перо?

— А если взялся, то неужто не мог выбрать более ясную и бодрую тему, а не морочить читателю голову какой-то мистикой о неуловимых жуликах?

Так вот, чтобы оправдаться, автор обязан в конце концов заявить: никакой мистики, никакой тайны, покрытой мраком, и не было. Был фонд Бороды. И в нем прятались концы той самой веревочки, которая, увы, порой вьется слишком долго.

Однако оправдываться надо по порядку. По всем трем пунктам. Итак...

Во-первых, хитроумные мошенники, неуловимые столь долгое время, тоже были. Только они не приехали в Оршанский район со стороны. Свои они были, доморожденные. И делали-таки свой бизнес с немалым размахом и великим разнообразием.

Скажем, заготовители райпотребсоюза принимали от граждан, имеющих индивидуальные бахчи, арбузы. Оформляли по 15 копеек за килограмм, а платили — по 10 копеек. Всего пятачок с килограмма, но когда счет идет на тонны и десятки тонн...

Или яблоки... Та же механика. Или помидоры... Или мед... В обвинительном заключении перечень подобных сделок казался бесконечным.

Другой путь — закупка у граждан скота, точнее оформление фиктивных документов на закупку. Чтобы эту фикцию как-то прикрыть, заведующий скотобойной базой Краснер занижал фактическую упитанность поступающего скота и тем самым создавал излишки «живого веса». Киршенкова и Данилова, работницы колбасного производства, добавляли в фарш воду, плохо коптили колбасу — и опять создавались излишки. Заведующие складами заготконторы Рыжик и Гринблат действовали и вовсе нахально: применяли утяжеленные гири, когда принимали сельхозпродукты.

Словом, излишки продуктов создавались разными путями. А заготовители выписывали фиктивные накладные на закупку скота у населения, деньги же клали в свой карман, хотя никакого скота не закупали, потому и оставались неуловимыми. Весь фокус состоял в том, что все они были работниками того самого райпотребсоюза, который, подобно жене Цезаря, находился вне подозрений. Того самого райпотребсоюза, откуда поступил «сигнал». Того самого, вокруг которого сгущались время от времени ревизорские тучи, однако же гром так и не гремел. Заземлялись молнии, а тем временем веревочка вилась и вилась, уплывали общественные денежки — и не малые, надо сказать.

Таким образом, мы расшифровали, и как видите, очень просто, первое из таинственных событий. Ничего загадочного — все методы довольно хорошо известны и описаны не только в специальной криминалистической литературе, но и средствами массовой информации давно уже доведены до самых широких читательских и зрительских масс.

А вот на тебе — восемь лет тянули воры в свой карман народные денежки. Почему? Опять все до ужаса просто.

Если помните, я имел случай упомянуть пророческий дар председателя райпотребсоюза. Так вот, Матвей Захарович однажды сказал своим подчиненным:

— Пока я возглавляю нашу организацию, можете ничего не бояться.

Заявление с виду несколько рискованное, учитывая, что существуют ведь контролеры и ревизоры. И сначала подчиненные как-то стеснялись.

— Мы, конечно, и раньше при случае... так сказать, не гнушались,— говорил уже на следствии экс-заготовитель Бельковский,— а вот когда Матвей Захарович возглавил, тогда размах почувствовали. Наш Матвей Захарович голова! Вперед, назад, с боков и даже под землей на три хода вперед все видит, как шахматист Роберт Фишер и теперь вот наш Анатолий Карпов. Мы только обдумываем, как взять, а он уже предвидит, как кончики в воду спрятать.

Но это экс-заготовитель потом скажет — следователю. Пока же по ходу нашего повествования не то, чтобы грома и молний не было, тучки даже рассеивались заблаговременно. Председатель своих слов на ветер не бросал. И тут все дело в упоминавшемся уже фонде Бороды.

В 1970 году, если кто помнит, вздорожал коньяк. На базе райпотребсоюза к этому моменту наличествовало 168 бутылок со звездочками. Председатель распорядился списать их, будто они проданы по старой цене.

— А эти — на сабантуй! — ослабляя галстуки, воскликнули подчиненные.

— Повсеместно, — наставительно заметил Матвей Захарович, — идет борьба с пьянством. А вы — сабантуй. Эх, до чего же вы неосознательные и отсталые люди.

— Куды же их? — тяжело вздохнула самая отсталая личность.

— Куды, куды, — передразнил председатель, — фонд из них образуем. Для поощрения оптимизма. Не понятно? Если кто, особенно из ревизоров, к примеру, будет видеть черное, а писать, что оно белое — он разве не оптимист? Разве такого товарища поощрить не следует?

Так был основан фонд, ставший вскоре называться фондом Бороды. Ибо звучную фамилию Борода носил сам председатель райпотребсоюза.

Фонд Бороды пополнялся интенсивно. Вслед за коньяком туда списали на 17 тысяч рублей овощей и фруктов. Пошла продукция из колбасного цеха. Бельковский, Рыжик, Глезин командировались за деликатесами даже в Москву и Вильнюс. Они же развозили потом булькающие пакеты по разным «нужным» адресам — на 32 тысячи развезли. И, увы, бывали случаи, когда тучи сгустились, порой даже гром гремел, а вот молнии — молнии в песок уходили.

Конечно же, благодарные сподвижники отсчитывали Матвею Захаровичу определенную мзду от своих доходов — 55 тысяч рублей получил он в виде подношений и бесчисленное количество продуктов (разумеется, бесплатно) текли в околукухонные кладовочки Матвея Захаровича.

Да и как могли не быть благодарными подручные? Ну хоть тот же Бельковский? Еще в 1964 году уволили его из райпотребсоюза за махинации со скотом, а еще ранее был он судим за хищения. В этот печальный для Бельковского момент во главе райпотребсоюза и встал Борода. Он тотчас вызвал опального заготовителя и сказал:

— Ты носа не вешай. Пиши заявление в комиссию по трудовым спорам.

- Не,— протянул Бельковский,— ничего не выйдет, грешен я.
— Ты пиши. А там посмотрим.

И, о чудо! По меньшей мере, странное решение вынесла комиссия — восстановить на работе только что изгнанного Бельковского. Хотя вообще-то можно понять и комиссию — перед ней был протокол заседаний администрации и месткома райпотребсоюза, в котором говорилось, что Бельковский — исключительно ценный кадр, без которого дело заготовки сельхозпродуктов в Оршанском районе будет провалено.

Это уж через много лет, на следствии, станет известно, что протокол заседания был, а самого заседания никогда не было. Что состряпан был протокол под диктовку Бороды.

Тогда Бельковский, естественно, пришел к председателю с выражением своих искренних чувств. С объяснениями в горячей любви пришел. Председатель чувства не оценил. Сказал:

- Пять бумажек твоя должность стоит.

И пятьсот рублей тут же были выложены. Но, разумеется, комиссия по трудовым спорам знать этого не могла. И не хотела знать. Она механически штамповала свои решения то по указанию, то по просьбе. И потом только в приговоре появятся слова: «Подбирая угодных ему лиц, в том числе из ранее судимых, Борода создавал условия для разворовывания народного добра, укрывая расхитителей от разоблачения, распоряжался похищенным, получал взятки от подчиненных».

Между прочим, тут мы должны раскрыть секрет второго необычного события — секрет ломбозрианских способностей Матвея Захаровича. Помните, он предсказал, что Бельковский и Канович (принятый на работу сходным способом) сядут? Как видите, это было не столь уж сложно. Но все же сам факт, что кто-то ворует, еще недостаточен для безапелляционного пророчества. Еще ведь надо попасться. Или — еще поймать такого должны. А Борода предсказал, когда небо было безоблачным.

Ну что ж, раскроем последний секрет. Когда ревизоры все же обнаружили следы махинаций в райпотребсоюзе, Борода и направил в милицию сигнал о пришлых спекулянтах. А одновременно появляется на свет божий протокол общего собрания уполномоченных пайщиков, который озаглавлен: «О подборе и расстановке кадров». А в нем записано, что проницательный председатель райпотребсоюза еще в 1964 году ставил вопрос «об отстранении Бельковского и Кановича от материальных ценностей, как людей, не внушающих доверия». И в этом случае никакого собрания не было — просто Матвей Захарович сфабриковал протокол собрания, выдав ближайших клеветников на закланье, дабы самому выйти сухим из той воды, куда он столь долго и столь успешно прятал концы своих махинаций.

Сколько же веревочке виться? Вытянули на солнышко и Бороду. Раскрыли бы вроде секреты его успехов: фонд для улещивания «нужных людей», подачки, подтасовки и т. д. и т. п.

Да только все ли секреты этим исчерпываются? Можно ли многие годы орудовать, кого-то подкупая? Сомнительно. И если взглянуть на все не то что глубже, не то что проницательнее, а просто более непредвзято, то откроется легко и главная тайна.

Был такой случай. На базу привезли 45 тонн неучтенного картофеля для реализации «налево». Однако учетчица А. А. Шавня отказалась принять картофель без надлежащего оформления. Сколько ее завскладом Рыжик ни уговаривал — женщина ни в какую. Позвонили Бороде. Тот приехал. Осмотрелся. Сказал Шавне:

— Тебе на складе делать нечего, пойдешь учетчицей в другое место. Не согласна? Тогда подавай заявление по собственному.

И сколько женщина ни жаловалась — ничего не добились. (Картошку меж тем реализовали, отсчитав лично Бороде тысячу рублей).

Или такой случай был. Ревизор Еленский вскрыл ряд нарушений. Попутно отметил в акте, что Бельковский, Рыжик, Канович, ранее судимые, доверия не внушают. Борода, увидев этот акт, отшвырнул его от себя. Попробовал поговорить «по душам» с ревизором, на существование фонда намекнул. Не подействовало.

— Такие ревизоры нам не нужны, — молвил тогда Борода. И что самое любопытное — добился, чтобы прислали другого проверяющего.

Так что главный секрет, самая жгучая тайна — не в фонде Бороды, не в подкупах одними мошенниками других мошенников. Тайна в том, что назначили человека на должность, словно воеводу на кормление поставили: твори, что хочешь, лишь бы показатели давал хорошие.

Выступивший потом на суде свидетелем зам. председателя Витебского облпотребсоюза А. И. Курлыкин говорил:

— Мы требовали от Бороды строже подбирать кадры, указывали на недостатки, предлагали реагировать на сигналы. Но он игнорировал наши указания, порой даже оскорблял работников облпотребсоюза...

Вот он весь секрет секретов. Вот они громы без молний, тучи без дождя. Строгие предупреждения и грозные указания имеют невысокую цену, коль за ними одни слова, пусть самые грозные. Ситуация, как известно, описана еще дедушкой Крыловым. Вышестоящие борцы за народное добро громяхают, а нижестоящие расхитители народного добра делают свой бизнес.

Верховный суд Белорусской ССР, слушавший это дело, воздал, конечно, жуликам по заслугам. Борода и его ближайшие подручные получили по 15 лет.

Так что с полным правом я могу воскликнуть: порок наказан, а добродетель, наоборот, торжествует. Но как-то не восклицается. Голоса нет. Потому что наказаны те, кто принимал прямое участие в махинациях.

А вот те, кто честно попустительствовал? Кому все было «до лампочки»? Кто сам не брал, но вполне равнодушно смотрел на то, как берут? Они-то как, наказаны по всей строгости?

Увы, я ничего не могу сообщить об этом читателям. Как в таких случаях восклицать, что добродетель торжествует?

Ш У Т К И В С Т О Р О Н У

Всякого «фрукта» — в свое время!
Подмазал и поехал... Далеко и не по своей воле.
Строил отношения, используя дефицитные мате-
риалы.

Ю. ВОИТЕЛЕВ

Не страшно, если продавец теряет чувство юмора. Хуже, если он теряет чувство меры.

— И мне нужны крылья для полета,— говорил алиментщик.

ЛЕНИНГРАД

Р. АЛЕКСАНДРОВ

Ошибка браконьера: погнался за двумя зайцами и думал — не поймают.

Хапуга жил на одну зарплату. Три других откладывал на сбер-
книжку.

Вор не оставил в магазине ничего, кроме отпечатков пальцев.

СИМФЕРОПОЛЬ

Ю. РАПОПОРТ

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ГРАНИЦЫ ПРИЛИЧИЯ

Какой длины должны быть волосы у муж-
чины, чтобы оскорблять общественный
вкус? Авторитетное суждение по этому по-
воду вынес суд в Сан-Диего, штат Калифор-
ния. Поводом послужила жалоба одинна-
дцати продавцов магазина фирмы «Сей-
фуэй», уволенных администрацией за то, что
их гривы «нарушали стандарты внешнего
вида, установленные компанией». Суд по-
становил, что, хотя волосы у продавцов дей-
ствительно «свисали ниже воротника», все-
таки они еще не «ложились на плечи». Та-
ким образом, линия приличия в соответст-
вии с судебным прецедентом пролегла ныне
где-то между... воротником и плечами.

НАКАЗАНИЯ, НЕ ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ КОДЕКСОМ

Во французском городке Ойоннакс судили двух молодых людей, которые в танцевальном зале подрались и даже ранили полицейского, пытавшегося их разнять. Приговор гласил: запретить в течение трех лет посещение танцзалов и танцплощадок. Судья разъяснил, что столь строгое наказание вынесено молодым людям для того, чтобы предохранить их от более суровых наказаний впоследствии.

А в городе Де-Мойн (США) предстал перед судом семнадцатилетний юноша, укравший автомобиль, чтобы «вырваться на лоно природы». Судья приговорил любителя автомобильной езды к пешему хождению, обязав его проделать все пешеходные туристские маршруты местного клуба любителей природы.

НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

Пока грузовик с 20 000 литров вина в цистернах находился несколько дней в Иокогаме, собираясь оттуда отправиться в Осану, японские жулики проделали операцию «на грани волшебства»: превратили вино в... воду. До сих пор пределом магии считалась обратная операция — превращение воды в вино. Стоимость украденного импортного вина — пять миллионов иен; за воду, увы, ничего выручить не удалось.

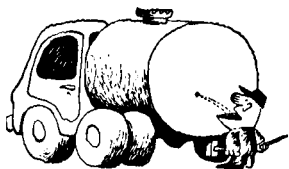

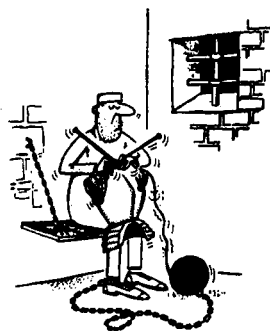
Рис. О. ТЕСЛЕРА.

— Видимо, кто-то хотел сюда проникнуть...

— Передайте эту записку моему адвокату в камеру 42...

Без слов...

Зарубежный юмор

Без слов...

— Вы хотите узнать, как эти драгоценности очутились в моих карманах: вы разве не слышали об экономическом чуде?

Цена 25 коп.

Индекс 71075

